

Э. СЕТОН-ТОМПСОН
МАЛЕНЬКИЕ
ДИКАРИ

Д Е Т Г И З

1960

27

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

РИСУНКИ АВТОРА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
Москва 1960

Перевод с английского

И. Темчиной

Редактор Е. Семенова

В этой автобиографической повести известный канадский писатель Эрнест Сетон-Томпсон поэтично и увлекательно рассказывает о некоторых эпизодах своего детства. Подзаголовок книги в английском издании гласит: «Повесть о приключениях двух мальчиков и о том, чему они научились, когда жили в лесу и играли в индейцев».

Как построить типи — палатку, подобную тем, в каких жили индейцы? Как без спичек развести костер? По каким приметам найти дорогу, если ты заблудился в лесу? Можно ли пить болотную воду? Из каких листьев, или трав, или ягод можно получить красную, желтую и черную краски?

На все эти и многие другие вопросы вы найдете ответ в повести «Маленькие дикари», а также узнаете об увлекательной игре, дружбе и ссорах мальчиков, живущих на лесных фермах в Канаде.

Повесть печатается с некоторыми сокращениями.

*Изведав мучения жажды, я попробовал
вырыть колодец, чтоб из него черпали
и другие.*

Э. С.-Т.

Ч А С Т Ь П Е Р В А Я

Г Л Е Н Ъ Я Н

I

Я н

Ян рано пристрастился к чтению. Как и многие его сверстники, двенадцатилетние мальчишки, он больше всего любил книги про индейцев и книги, в которых рассказывалось о жизни зверей и птиц.

Но в те далекие годы книг таких было мало. В библиотеке Ян нашел лишь «Скандинавских охотников» Ллойда, «Ботанику» Грэя и две-три повести Фенимора Купера. Мальчик перечитывал их без конца.

Отец Яна никогда не интересовался его увлечениями, но, решив однажды, что подобные книги могут помешать учебе сына, запретил ему и думать о них.

Между тем учился Ян хорошо и был в числе первых учеников, хотя в классе занимались ребята и старше его.

Ян рос послушным, робким мальчиком, но тут, впервые в жизни, он не подчинился воле отца. Правда, Ян не стал перечить ему открыто, но зато

начал хитрить и при всяком удобном случае поровил улизнуть в лес или в поле. Ни от кого не таясь, он мог там часами следить за птицами, разглядывать неизвестные ему цветы и травы.

Из школы Ян возвращался всегда самым извилистым путем. Ему непременно хотелось пройти мимо магазина, где за стеклом была выставлена картина, изображавшая двух терьеров, гонящихся за крысой. Напротив находилась табачная лавка, в витрине которой стоял слон, нагруженный тюками. А в магазине на соседней улице торговали дичью. Ян обычно разглядывал там битых уток, а когда их не было, любовался оленьей головой; она то всегда оставалась на своем месте. Немного дальше был меховой магазин, где красовалось великолепное чучело медведя. На Джерви-стрит стоял дом с высокой террасой, под которой, как ему рассказывали, держали раньше на цепи медведя. С тех пор прошло много лет, но мальчику доставляло большое удовольствие идти мимо этого места, с которым было связано такое необычайное событие. На углу улиц Грэнд и Пэмбертон был когда-то убит хорек, и школьники утверждали, что до сих пор запах зверька чувствуется после дождя. И, когда сырым, туманным вечером Ян попадал на этот перекресток, он с наслаждением вдыхал воображаемый запах.

Но больше всего времени Ян проводил, прижавшись носом к витрине мастерской чучел на улице Мэн. Чего тут только не было! Головы лис и кошек, шкура волка, оленьи рога и, наверное, больше пятидесяти чучел птиц. На некоторых — удостоенных чести быть выставленными на ежегодной ярмарке — висели ярлычки с названиями. Эти надписи мальчик хранил в памяти, словно сокровенную тайну, хотя, как потом выяснилось, многие названия были не совсем верны.

Год спустя или, может быть, немногим более, у Яна возник отчаянный план. Он должен побывать в самой мастерской! Прошло несколько месяцев, прежде чем Ян решился на этот шаг. Если бы он просто попросил хозяина показать ему всякие диковинки, едва ли тот отказал бы мальчику. Но на такой подвиг ему не хватало смелости. И все-таки однажды Ян вошел в мастерскую. Как страшно зазвенел дверной колокольчик! Затем наступила еще более угрожающая тишина, и перед мальчиком появился мистер Сэндер, хозяин магазина.

— Сколько... сколько стоит эта сова на витрине? — запинаясь, вымолвил Ян.

— Два доллара, — был ответ.

И тут мужество покинуло Яна. Опрометью бросился он на улицу. Ведь ни разу в жизни у него не было столько денег! Он не слышал, что кричал ему вслед хозяин. Ян был испуган, пристыжен, и его не покидало чувство, что он побывал в необыкновенном царстве и оказался недостойным там остаться!

II

Весна

Больше всего Ян завидовал жизни индейцев. Каждой весной его непреодолимо тянуло отправиться бродить по белу свету. С первым пробуждением природы душу его охватывало трепетное волнение. При виде диких гусей, с призывными криками летевших на север, у Яна словно кровь закипала: ему хотелось лететь вместе с ними.

Многие школьные товарищи Яна говорили, что «любят весну», а девочки даже «обожали» это время года, но никто из них не мог понять, почему так ярко сверкали глаза Яна, когда наконец наступала

весна, почему его неудержимо влекло вон из душевного класса.

— Если бы я мог убежать отсюда! — с волнением восклицал он.

Только одно удерживало его от бегства из дому с индейцами или цыганами — это страх перед отцом.

III

Братья Яна

У Яна был брат Рэд, старше его двумя годами. Учился Рэд гораздо хуже Яна, за что очень сердился на него и никогда не упускал случая показать Яну свое превосходство в силе.

Как-то раз, забравшись под дом, Ян неожиданно очутился в яме, где можно было выпрямиться во весь рост. И он подумал, что было бы неплохо устроить здесь свою рабочую комнату — мастерскую. Ян знал, что если к его просьбе присоединится и Рэд, который пользовался в семье репутацией «здравомыслящего», то разрешение отца будет получено. Рэд тут же согласился и даже сказал, что уговорит отца сам. Так он и сделал.

Мальчики взялись за работу. Много дней ушло на то, чтобы углубить яму с трех до шести футов^{*1}. Ян после школы сразу принимался за дело, а Рэд всегда находил тысячу причин, чтобы не браться за лопату.

Ян не раз с восторгом рассуждал о том, что они будут делать в своей мастерской. Рэд нехотя соглашался, отдавал распоряжения и уходил.

Наконец стены были возведены, а в дверцу даже вставлен замок. Ян так и сиял от счастья и гордости! Он вымел пол и сел на самодельную скамью,

*1 См таблицу в конце книги.

чтобы еще раз оглядеть свою мастерскую, как вдруг Рэд сказал:

— А теперь выйдем и запрем дверь.

Это решение показалось Яну очень важным. Они вышли. Рэд запер дверь и спрятал ключ в карман. Потом, обернувшись к Яну, он холодно и жестко сказал:

— Запомни — чтоб ноги твоей здесь не было. Разрешение отец давал мне одному.

Другой брат, Алнер, моложе Яна на полтора года, был с ним одного роста, но на этом их сходство исчерпывалось. Алнер был большой хвастунишка и лентяй. Ему страшно хотелось как-нибудь отличиться. Безразлично как, лишь бы о нем все говорили. Но он никогда и пальцем бы не шевельнул, чтобы достичь своей цели. Каждое утро братья шли вместе в школу; таков был наказ отца. Но там они почти не встречались. Братьев ничто не связывало; они были слишком разные. Алнер не разделял увлечений Яна, и поэтому не было ничего удивительного, что с каждым днем Ян все больше отдалялся от своих братьев.

IV

Книга

Однажды Ян прочел в газете, что в свет вышла книга «Птицы Канады».

Никогда раньше он не считал деньги такой необходимой вещью, как теперь. «Если б у меня был доллар!» — думал мальчик. Ян откладывал каждую монетку, которая попадала в его руки, и наконец, спустя полтора месяца, стал обладателем заветной суммы! Чувствуя себя самым богатым человеком на свете, он побежал в книжную лавку. Ян просто

сгорал от нетерпения; на какую-то секунду ему показалось вдруг, что книга стоит тысячу долларов и к тому же ее уже нет в продаже. Но этого не случилось. Хозяин лавки повернулся к стопке книг и спросил Яна:

— Вам в какой обложке — зеленой или красной?

— В зеленой, — ответил Ян, все еще не веря в свое счастье.

Хозяин взглянул на книгу и сказал равнодушно:

— Девяносто центов.

— Девяносто центов! — изумился Ян.

Откуда же было ему знать, что книга, пролежавшая некоторый срок, становилась дешевле? А сколько труда стоило ему собрать последние десять центов!

По дороге домой Ян с благоговением перелистывал страницы. Правда, в книге он не нашел того, что искал, но обвинял в этом самого себя. Ян перечитывал ее от корки до корки, не сомневаясь, что именно эта книга откроет ему тайны природы. Лишь спустя несколько лет Ян понял, что книга эта была беспомощной стряпней, которой так часто угощают непросвещенную публику. И все же там были кое-какие полезные сведения: названия птиц и несколько десятков никуда не годных рисунков.

V

Незнакомец

Каждый год весной Яна неудержимо тянуло в лес. Как-то в один из солнечных апрельских дней Ян отправился в небольшой лесок, неподалеку от города. Лес был полон незнакомых цветов, птичь-

его гомона, таинственных шорохов. Казалось, каждое дерево и каждый куст говорили с Яном на своем языке. А из глубокого, полного воды оврага доносился какой-то странный свист. «Пи-ип, пи-ип, пи-ип!..» — словно просили Яна подойти и посмотреть. Ян подбирался все ближе. Вдруг совсем рядом прозвучал и тут же смолк громкий свист. Под бревном Ян увидел маленькую ящерицу. Заметив мальчика, она тут же юркнула в норку. Это было единственное живое существо, которое Ян разглядел. И он решил, что то была «свистящая ящерица».

Потом долгое время Ян лежал у небольшого озера, но там он никого не увидел. Видно, мальчик распугал всех лесных обитателей. Ян было направился к другому озеру, как вдруг совсем рядом послышались шаги.

Ян оглянулся и увидел незнакомца, наблюдавшего за ним.

Мальчик покраснел и очень смутился, словно его застали на месте преступления.

Незнакомец, человек средних лет, в поношенной одежде, выглядел несколько странно. За спиной у него была жестяная коробка, в руке — сачок на длинной палке. Обветренное лицо, обрамленное седой бородкой, было сурово, но глаза светились умом и мягкостью. Когда незнакомец снял шляпу, подставив разгоряченное лицо ветру, то оказалось, что у него такие же густые волосы, как у Яна. Спутанные, жесткие, они напоминали морскую траву, прилипшую к старому утесу.

— Что ищешь, дружок? — обратился он к мальчику.

— Ничего, — смущенно ответил Ян. — Просто мне хотелось посмотреть на свистящую ящерицу.

Незнакомец улыбнулся и сказал:

— Сорок лет назад я вот так же, как ты, лежал

у пруда и высматривал там «весеннего пискуна». Я лежал целый день и еще много дней подряд, прежде чем года через три понял, в чем дело. Тебе не придется терять столько времени. Пойдем, я покажу его.

Пошарив руками в листьях у самого берега озера, он поймал маленького, не больше дюйма * в длину, лягушонка.

— Вот твоя «свистящая ящерица»! Это лягушка. Она высовывает из воды только нос, и ее трудно заметить. Возьми ее домой, корми хорошенько, и, может быть, увидишь, как она когда-нибудь раздует горлышко и свистнет, словно паровоз.

Теперь уж Ян осмелился рассказать незнакомцу о ящерице, которую видел под бревном.

— Едва ли это ящерица, — сказал тот, — здесь их совсем не видно. Это, наверное, тритон. А ящерица — та же змея, только с ногами.

Тут уж мальчик совсем засыпал незнакомца вопросами и рассказал ему о книге, которую купил с таким большим трудом. К удивлению Яна, тот очень рассердился, услышав имя автора, а самую книгу назвал «бессмысленной ерундой».

Незнакомец рассказал Яну, что таинственная черная птица, которую он видел в поле, называется «тóухи». Незвестный голос, так нежно распеваящий по утрам в лесу, принадлежит серому дрозду.

Чудесная птица с красной шапочкой на голове, желтоватыми крыльями и таким же хвостом, выставленная в чучельной мастерской, оказалась дятлом. Иволга и ориол были одной и той же птицей.

Над ними пролетела черная бабочка, и Ян узнал, что это Кэмбервельская красавица, очевидно перезимовавшая где-то, потому что ей еще не время порхать в лесу. И вдобавок Яну стало известно,

что появилась эта бабочка из обычной бурой гусеницы. В синей вышине пролетали большие стаи диких голубей, и незнакомец рассказал Яну о гнездовьях этих птиц на далеком юге, о том, как в поисках пищи они летают весной на север за крылатыми орешками канадского вяза, в августе — на рисовые поля в Каролину, а в сентябре — в долины Миссисипи, где созревают желуди бука и дуба.

Проходя по небольшому холму, поросшему сосной, они вспугнули двух крупных птиц, с треском и шумом поднявшихся над деревьями.

— Глухари полетели, — сказал незнакомец. — Эта пара живет где-то здесь, поблизости, и прилетает сюда за ягодами грушицы.

Ян нагнулся, сорвал несколько ягод и стал жевать их на ходу. Вдруг вдалеке послышался треск, напоминающий легкую барабанную дробь.

— Что это? — воскликнул Ян.

— Глухари токуют, — ответил его спутник. — Те птицы, которых ты сейчас видел.

Этот день навсегда сохранился в памяти Яна. И яснее всего запомнились не птицы и растения, о которых он узнал, а запах грушицы.

Индейцы знают, что запах сильнее всего пробуждает воспоминания, и многие из них хранят на память о счастливых минутах пригоршни сосновых игл, комок крысиного мускуса или еловую смолу.

Было уже далеко за полдень, когда незнакомец сказал Яну:

— Ну, мне пора. Может, еще встретимся, дружок, — и протянул мальчику руку.

Ян горячо пожал ее, но, по застенчивости, не решился даже узнать имя своего спутника.

Он спохватился, когда незнакомец уже скрылся из виду. И сколько потом Ян ни бродил по лесу, надеясь снова встретить его, им никогда больше не довелось увидеться.

Что за дивную песнь пели в тот год дикие гуси! Их трубный зов проникал в душу Яна, и сердце его ответно трепетало. Это была песнь о мирном гнездовье, о подвигах на чужбине, о голоде и жажде. Песнь о черных больших болотах, низком закатном небе и о сияющем солнце!

Разве то была новая песнь? Нет! Дикая птица пела свою старую песню, и только Ян словно впервые услышал ее.

Стараясь понять ее смысл, Ян брел по их безлюдному пути, к северу и только к северу, вверх по реке, выбирая самые пустынные места. Река свернула к востоку, но небольшой ручей впадал в нее с севера, и Ян пошел вдоль ручья, сквозь лес, по узкому ущелью, которое вскоре привело его в долину, поросшую редкими деревьями. Светлый ручей журчал под сенью огромных берез, сосен и вязов. В их ветвях мелькали красные белки. На берегу ручья Ян отыскивал следы хорька, выдры и еще каких-то зверюшек.

Место это было столь уединенное, что Яну не стоило большого труда убедить себя, будто он первый открыл его и, как первооткрыватель, имеет право присвоить долине свое полное имя — Гленьян.

С той минуты мальчик только и думал, что о своей долине. Улучив свободную минутку, он уходил туда. Иногда ему хотелось поделиться с кем-нибудь своей радостью; часто Ян мечтал снова встретить того незнакомца и привести его в свою долину.

Это был его собственный мир, который ему указали дикие гуси, подобно тому как чайки некогда провели Колумба в Новый Свет.

Когда отец продал свой участок земли, Ян очень огорчился. Но теперь, завладев лесным уголком, где росли могучие деревья, Ян словно ожил. Он мог подолгу вглядываться в густые кроны деревьев, сидеть у прозрачного ручья, где серебристыми стрелками проносились уклейки. Яна не оставляло чувство, что весь лесной мир принадлежит ему.

VII

Х и ж и н а

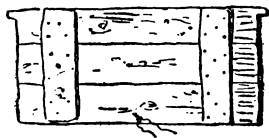
У Яна не было ни топора, ни лопаты, и все-таки он принялся строить хижину. Для нее Ян выбрал укромное место, скрытое со всех сторон густой листвой.

Он и сам толком не знал, зачем ему нужно было прятаться от кого-нибудь, но он не раз читал в книгах, что настоящие следопыты устраивали свои убежища в местах, недоступных для посторонних взглядов.

Ян частенько вспоминал об инструментах, которые хранились в мастерской Рэда, но, наученный горьким опытом, не хотел посвящать брата в свои замыслы.

Самодельной лопатой он принялся рыть яму на берегу ручья. Отвердевшая глина плохо поддавалась, но Ян, проработав без устали два свободных дня, вырыл яму в семь футов длиной и четыре шириной. Здесь он и собирался возвести хижину.

Но как сложить хижину из трех десятков стволов, обладая лишь самодельным топором? И все же Ян не стал искать себе другого. Его ободряла мысль, что индейцы едва ли владели лучшими орудиями.

Ян начал подбирать материал, который мог пригодиться для постройки. Другие на его месте, наверное, собрали бы сперва все необходимое, но Яну не терпелось поскорей увидеть свою хижину готовой, и он сразу стал строить стены. В них нельзя было найти и двух одинаковых бревен: одни были слишком длинные, другие короче, третьи совсем кривые. Некоторые почти сгнили — ведь такие было легче срубить. Скоро Яну пришлось идти на поиски, так как поблизости материала больше не было. Он вспомнил, что в полумиле от городка видел груду бревен. Несколько воскресений Ян усердно перетаскивал их. Девять из них пошли на стены, а три остались для стропил. Он положил их на равном расстоянии друг от друга и прикрыл ветвями. Поверх настлал кору вяза, затем накопал глины и хорошенько обмазал всю крышу, утопав ее и подравняв по краям. Чтобы крыша не очень выделялась среди листвы, Ян разбросал по ней всякой зелени.

Наконец-то, после многих недель упорного труда, его лесное жилище было готово!

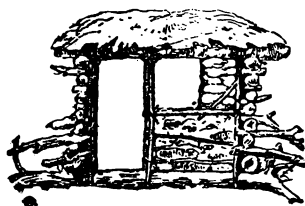

VIII

Знакомство с лесной жизнью

Пока Ян строил свою хижину, он ничего не замечал вокруг. Теперь его занимала одна мысль — поселиться в лесу или хотя бы провести здесь несколько дней.

Ян понимал, что ему надо очень много знать про лес и его обитателей, и он с жаром принялся читать книги, в которых можно было найти ответы на то, что его так волновало.

Ян сделал себе лук и стрелы. Правда, они оказались никуда не годными, и все же Ян чувствовал себя настоящим индейцем. Несколько стрел были с железными наконечниками, сделанными из обручей старой бочки. У этих стрел был устрашающий вид, и Ян назвал их боевыми. Он издавал победный клич, когда стрела вонзалась в дерево.

В эти минуты мальчик воображал, что убил свирепого врага.

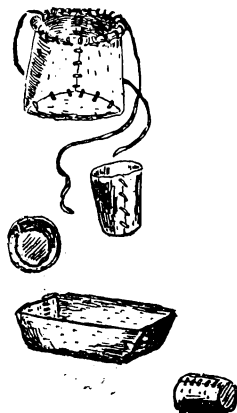
Из обрывка овечьей шкуры Ян соорудил себе жалкое подобие мокасин. Старый сломанный нож, которым шпаклевали щели, он превратил в «боевое оружие» и сшил для него ножны из обрезков кожи. Несколько плиток акварельной краски и осколок зеркала, вставленный в расщепленную палку, позволяли Яну изображать на своем лице «индейскую татуировку».

Все необычное, что ему попадалось в лесу — изогнутые сучки, перья птиц, даже старый коровий рог, — он тащил в свою хижину. Ян и сам не мог бы объяснить, чем привлекали его эти вещи. Из ракушек он сделал себе «индейское» ожерелье. Часами лежал он на солнце, подставив лицо жарким лучам, и бесконечно радовался, когда родные замечали его темный загар.

Он старался во всем подражать индейцам: ходил носками внутрь, ломал ветки, обозначая свой путь, определял время по солнцу, выражал свое удивление односложными восклицаниями, которые произносил на индейский манер гортанным голосом.

Из бересты Ян наделал всякой посуды, сшивая края тонкими корешками. Донышки он выстругивал из дерева, а щели замазывал смолой так, что вода не пропускала воду.

Однажды во дворе своего городского дома Ян увидел странную птицу. Мальчик успел даже

набросать рисунок, пока она спокойно рылась клювом в земле. Птица была пепельного цвета с золотистыми крапинками на голове и около хвоста. На крылышках белели длинные полоски. Ян перебрал все книги, которые только смог достать, но так и не нашел названия этой птицы. И только много лет спустя он узнал, что это был птенец дубоноса.

Ян рисовал по памяти многих птиц, которые ему попадались на глаза. Однажды у него возникло сомнение — рисовали ли индейцы всяких зверей? Но, вспомнив, что они украшали свои щиты и жилища изображением птиц или животных, с радостью продолжал свое любимое занятие.

IX

Следы

Как-то раз у ручья на мокром песке Ян обнаружил чьи-то следы и для памяти срисовал их. Ему пришло на ум, что это след енота, и он показал свой рисунок одному знакомому.

— Это в натуральную величину? — спросил тот Яна.

— Да.

— Пожалуй, ты прав, — сказал тот. — Это след енота. Осмотри хорошенько все деревья около того места, где ты нашел их. Может быть, увидишь душло, тогда огляди кору около него, и, если ты заметишь волоски, значит, там живет енот.

При первом же удобном случае Ян отправился в свою долину. На большой липе ему посчастливилось найти несколько клочков шерсти. Как же узнать, действительно ли они принадлежат еноту? Тут Ян вспомнил, что у одного из учеников была старая енотовая шкурка. Сравнив свою находку с

ней, Ян убедился, что держал в руках клочки настоящей енотовой шерсти.

Как-то Ян заметил растение, похожее на раскрытый зонтик. Он выкопал его с корнем и на конце одного корешка увидел продолговатую белую луковичку. Он откусил кусочек; по вкусу она напоминала свежий огурец. Просмотрев школьный учебник ботаники, Ян обнаружил в перечне растений название «индейский огурец», которое по описанию вполне подходило к растению, которое он выкопал.

В другой раз Ян пожевал листья одного незнакомого растения — так, он слышал, поступали индейцы. Но очень скоро мальчик почувствовал острые боли в животе. В ужасе поспешил индеец домой. Мать дала ему выпить разведенной в воде горчицы, а когда убедилась, что ее сыну не грозит никакая опасность, отодрала его хорошенько за уши.

Х

Бидди

В доме у родителей Яна появилась новая служанка, по имени Бидди.

Гуляя как-то с детьми, Бидди нарвала ворох трав и рассказала, что ей было о них известно:

— Это ветка сассафраса, настой его листьев помогает от болезни кожи. Кошачью мяту пьют от простуды. Вот тсуга. Из ее коры добывают розовую краску. А зеленую — из маслянистого ореха.

Ян слушал Бидди затаив дыхание, стараясь запомнить каждое ее словечко.

Ян слышал, что индейцам были известны свойства листьев и трав, и ему захотелось побольше узнать об этом.

Перелом

В один из воскресных дней, наколов, как обычно, двойную порцию дров для кухни, Ян отправился в лес. Он уже подходил к своей хижине, как вдруг до него донеслись оттуда грубые, громкие голоса. Ян подкрался ближе. Дверь была приоткрыта, и мальчик увидел в хижине трех бродяг. На полу валялись растоптанные ракушки, в костре около двери догорали его лук и стрелы.

Не помня себя от горя, Ян бросился в глубь леса. Как ненавидел он этих людей, осквернивших его дом! Когда два часа спустя Ян вернулся, на месте своей хижины он увидел одни развалины.

Это случилось в конце лета. Пришла осень с холодными дождями и коротким днем. Ян уже больше не ходил в свою долину; он много читал, прилежно учился. Но день ото дня становился все бледнее, а под Новый год совсем заболел.

Рысь

Прошла зима, и к марту Ян уже чувствовал себя окрепшим. Он совершал долгие прогулки и как-то солнечным днем отправился с собакой за город. Свежий воздух вливал бодрость, и Ян, сам того не замечая, избрал дорогу, ведущую в Гленьян.

Неожиданно на снегу он заметил большие странные следы. Они походили на медвежьи, но были коротковаты и не проваливались так глубоко в снег.

Собака обнюхала следы и не выразила никакого желания идти дальше. Но Ян все же пошел вперед. След вел мимо развалин хижины, пересекал ручей по бревну, и с каждым шагом Ян все больше убеждался, что этот след принадлежит крупной рыси. Грипп — так звали пса — умел отлично лаять, но теперь, обнюхивая след, упрямо плелся сзади и только жалобно скулил.

Ян выбрал себе дубинку и продолжал идти вперед. Они были уже в густой чаще, когда Ян вдруг услышал густой, похожий на кошачий крик: «Яу! Яу! Яу!»

Ян замер. Пес задрожал и приник к его ноге. Крик все нарастал, и неожиданно Ян увидел зверя. Это была настоящая рысь. Пес в ужасе бросился в сторону, оставив мальчика одного. Ян был безоружен, и ему ничего не оставалось делать, как последовать примеру Гриппа.

О своей встрече с рысью Ян решил рассказать Рэду. У брата было ружье, и Ян спросил его:

— Ты бы пошел на хорошую охоту?

— Что ты спрашиваешь!

— Я знаю одно местечко, милях в десяти от города, — там полно всякого зверья.

— Так я и поверил!

— А вот увидишь. Я тебе покажу, если не проболтаешься.

— Идет.

— Я сейчас видел там рысь, и если мы пойдем туда с ружьем, то непременно уьем ее.

Ян подробно рассказал обо всем, что с ним произошло, и мальчики решили пойти на охоту в следующее воскресенье. Ян, подражая индейцам, долго и путано вел Рэда к тому месту, где он впервые заметил следы. Но, не дойдя до тропинки, они встретили человека, продиравшегося сквозь кусты. На плечах он нес убитую рысь.

Мальчики забросали охотника вопросами, и тот рассказал, что убил ее накануне. Рысей в округе не было; по-видимому, эта забрела сюда случайно, пробираясь с севера.

Убитая рысь была крупным зверем. Полосы на голове и широко раскрытые желтые глаза придавали ей удивительное сходство с тигром.

Этот случай был далек от настоящего приключения, но Ян запомнил его надолго. Мальчика радовало, что он смог верно определить зверя, о котором знал лишь из самых поверхностных описаний.

Ч А С Т Ь В Т О Р А Я

СЭНГЕР

I

Новый дом

Яну исполнилось четырнадцать лет. Длинноногий, худой, он очень быстро рос, и доктор посоветовал отправить его на год в деревню.

Вот как получилось, что Ян поехал жить к Уильяму Рафтену в Сэнгер.

Мистер и миссис Рафтен встретили Яна на станции. Поужинав в таверне, они поехали домой. Там Яна провели в большую кухню, служившую одновременно и столовой и гостиной. Оглядевшись, Ян увидел за печкой длинного, нескладного мальчишку с рыжими вихрами, темными раскосыми глазами и лицом, вероятно, самым печальным на свете.

— Сэм, иди познакомься с Яном, — сказала миссис Рафтен.

Сэм робко вышел вперед, вяло подал руку Яну и, сказав протяжно: «Здра-асте», — снова спрятался за печку, откуда украдкой разглядывал гостя.

Все занялись своими делами, и Ян, оставшись один, почувствовал себя очень несчастным.

Ян с трудом привык к мысли, что ему придется оставить школу, и молча подчинился приказу отца, но под конец уже сам с нетерпением ждал дня отъезда. Ведь он уезжал из Боннертона всего на год, а жизнь в деревне обещала ему много радости! Жить на вольном воздухе, среди лесов и полей, — это ли было не счастье?

Но теперь, когда он очутился в чужом доме, ему стало вдруг очень тоскливо. Ян кусал губы и усиленно моргал глазами, с трудом сдерживая слезы. Миссис Рафтен сразу поняла, что с ним происходит.

— Он по дому скучает, — объяснила она мужу. — Завтра успокоится.

Миссис Рафтен взяла Яна за руку и повела наверх, где ему была приготовлена постель. Минут через двадцать она снова поднялась посмотреть, хорошо ли он устроился. Подоткнув со всех сторон одеяло, она наклонилась к нему и вдруг заметила, что лицо его мокро от слез.

Миссис Рафтен прижала голову мальчика к себе и несколько раз поцеловала его.

— Не огорчайся, — сказала она, — завтра все пройдет.

Откуда взялась эта тоска и куда исчезла, Ян и сам не знал. На следующее утро он бодро вскочил с постели — его ждал новый, удивительный мир!

Уильям Рафтен был владельцем нескольких ферм и содержал их в отличном порядке. Ему пришлось немало пережить. Бесчисленные удары судьбы ожесточили его. Он был суров в обращении с людьми. Никто не смел ослушаться его. Но близкие ему люди знали, что у этого дельного, умного человека бьется горячее сердце ирландца.

Почти неграмотный, он благоговел перед ученостью и решил, что не пожалеет никаких денег,

чтобы дать детям своим образование, которое, как он считал, заключалось в умении бегло читать.

Плохого отношения к животным Рафтен не терпел.

«Человек не смолчит, если его обидят, — говорил он, — а у кого найдет защиту бессловесное животное?»

В округе Рафтен был единственным фермером, который никогда не продавал и не отдавал на убой старую лошадь. «Она, бедная, трудилась всю свою жизнь и заслужила, чтобы ее кормили до последнего дня», — повторял он.

Поэтому Дункан, Джерри и другие лошади долгое время жили у него «на покое».

Миссис Рафтен, славная женщина, очень любила свой дом и семью.

У Рафтепов родилось много детей, но в живых остались только пятнадцатилетний Сэм и трехлетняя Минни.

Обязанности Яна на ферме были сразу определены — он должен был присматривать за птицей, а иногда кормить свиней и телят. Кроме того, он помогал Сэму в разной работе по дому.

Дела было много, и Рафтен требовал, чтобы мальчишки усердно трудились. Зато в часы досуга им предоставлялась полная свобода.

II

С э м

Сэм Рафтен говорил медленно, растягивая слова, и потому на первый взгляд казался глуповатым. На самом же деле это было далеко не так.

После того как мистер Рафтен познакомил Яна с домом, Сэм открыл ему все потайные уголки.

Отворив дверь в темную комнату, которая была похожа на подвал, и отыскивая на ощупь закрытое окно, Сэм сказал:

— Тут наша гостиная.

В комнате было душно и пыльно, ведь открывали ее только по воскресеньям, но здесь мальчики нашли то, что немедленно сблизило их обоих: коллекцию птичьих яиц. Яйца лежали на подстилке из отрубей в старой коробке под стеклянной крышкой. На них не было ни одного ярлычка, и настоящий коллекционер вряд ли удостоил бы их взглядом. Ян же, с внезапно пробудившимся интересом и симпатией, спросил:

— Любишь такие штуки?

— Еще бы! — сказал Сэм. — Я бы набрал вдвое больше, да отец не велит. Пусть, говорит, побольше птиц на ферме живет.

— А ты знаешь, какие у вас птицы водятся?

— А как же! Я тут про всех птиц в округе знаю: где они живут, как вьют гнезда.

— А мне можно принести из лесу несколько яичек?

— Нет, отец сказал, что даст пострелять из ружья кроликов, если я перестану разорять гнезда.

— Здесь и кролики есть?

— Прошлой зимой я троих добыл.

— Зимой! — разочарованно протянул Ян. — А теперь?

— Теперь их не найдешь. Но я что-нибудь придумаю. Вот как закончу всю работу, попрошу у отца ружье.

«Как закончим работу» было излюбленное выражение в семье Рафтенов. Они говорили это всякий раз, когда откладывали что-нибудь на неопределенное время.

Сэм открыл нижнюю дверцу буфета и вытащил оттуда несколько кремневых наконечников стрел,

найденных во время пахоты на поле, челюсть бобра, пойманного еще в первые дни жизни в Сэнгере, и растрепанное чучело совы.

Увидав эти «соковища», Ян только и смог воскликнуть:

— Вот это да!

Сэм обрадовался, что семейные ценности произвели на Яна такое впечатление.

— Это отец убил сову на гумне, — объяснил он.

Мальчики быстро подружились.

Днем, работая вместе на ферме, они поведали друг другу свои тайны. После ужина Сэм шепнул Яну:

— Что я тебе сейчас покажу! Только поклянись никому не говорить.

— Клянусь! — немедленно ответил Ян.

— Пошли в сарай, — сказал Сэм.

На полдороге Сэм вдруг сказал:

— Забыл я взять кое-что. Ты иди в сад, встретимся там под старой яблоней.

Вернувшись, Сэм шепнул Яну, хотя кругом не было ни души:

— Иди за мной.

Он повел Яна в другой конец сада, к бревенчатой хижине, служившей теперь сараем, в которой они жили до того, как выстроили кирпичный дом.

Мальчики поднялись по лестнице на чердак. Там, в самом дальнем углу, Ян снова поклялся вечно хранить тайну. После этого Сэм порылся в старой коробке и извлек оттуда лук, стрелы, ржавый железный капкан, большой нож, рыболовные крючки, кремень с огнивом, коробку спичек и какой-то грязный, похожий на сало кусок, который, по словам Сэма, был сушеным мясом.

— Понимаешь, — сказал он, — я всегда хотел

быть охотником. А отец говорит, что я должен стать зубным врачом, потому что охотой много не заработаешь. Но я все равно хочу быть охотником! Как-то отец выпорол меня и Бада. Это мой брат, он умер в прошлом году. Ну вот, отец выпорол нас за то, что мы с Бадом не накормили свиней. И тогда Бад надумал бежать к индейцам, и я тоже хотел удрать вместе с ним. Но Бад хотел взять отповское ружье, а я сказал, что это будет воровством. Мы даже с ним подрались, но потом я сказал ему: «А вдруг с нас скальпы снимут? Мне мои волосы еще не надоели. В конце концов, отец нас не убил». И мы с Бадом были сами виноваты — ведь одна свинья даже сдохла с голоду. Так мы и остались дома, хотя я больше всего на свете хотел стать охотником.

Ян выслушал друга и в свою очередь рассказал, как построил в лесу хижину, как любил играть там и как ее разорили бродяги.

— Твой отец не будет сердиться, если мы построим хижину в лесу? — спросил Ян.

— Ну, что ты! Только сначала сделаем всю работу.

III

В и г а м

На следующий день они решили взяться за постройку. Закончив работу на ферме, мальчики пошли в лес выбирать подходящее место. Небольшой ручей, который они важно называли рекой, протекал по лугу и, пробившись сквозь живую изгородь, продолжал свой бег в лесу. Углубляясь в чащу, ручеек подбирался к болоту, поросшему кедром, где уже не было тропинок. Сэм сказал, что

дальше, за болотом, хороший бугор. Шли туда долго, в обход, но зато место оказалось действительно превосходное: высокое, сухое. Ян был в восторге. Сэм тут же вынул топор и хотел приняться за работу, но Ян, который все утро мечтал об этой минуте, сказал:

— Сэм, давай играть в индейцев.

— Это еще зачем? — удивился Сэм.

— Чего только индейцы не умеют делать! Разве белый охотник проследит след ноги в мокасине на гранитной скале? Он побоится идти в лес с одним только ножом. А лодку из березовой коры ему ни за что не сделать... Послушай, Сэм, — продолжал Ян, — ведь мы же хотим быть настоящими охотниками! Так давай станем индейцами и будем все делать, как они.

В конце концов предложение Яна показалось Сэму заманчивым, и он согласился «чутьочку поиграть в индейцев».

— Но индейцы не живут в хижинах! — не успокаивался Ян. — Нам надо строить типи!

— Пожалуй, это было бы очень неплохо, — сказал Сэм, который не раз видел типи на картинках, — но из чего строить?

— Индейцы, которые живут на равнине, делают типи из шкур животных, — уверенно объяснил Ян, — а лесные индейцы — из березовой коры.

— Но у нас хватит березовой коры на типи для бурундука, не больше!

— Ну, сделаем из коры вяза, — тут же нашелся Ян.

— Это уже лучше, — сказал Сэм. — Прошлой зимой мы срубили много вязов, и с них нетрудно содрать кору. Но сперва давай начертим план.

Об этом Ян и не подумал, но Сэм был приучен работать иначе.

Ян стал припоминать, какие жилища индейцев он видел на картинках.

— Кажется, типи была такой формы. — Ян нацарапал изображение индейской палатки на гладком стволе. — Здесь торчали шесты, тут, наверху, было отверстие для дыма, а внизу — вход, что-то вроде двери...

— Похоже, ты никогда не видел ни одной типи, — снисходительно заметил Сэм. — Можно попробовать. Какого же она будет размера?

Было решено сделать типи высотой и шириной в восемь футов.

Через несколько минут Сэм срезал четыре длинных шеста, и Ян тут же отнес их на выбранное место чуть выше по реке.

— А чем мы их свяжем? — спросил Ян.

— Вербками, чем же еще?

— Раз мы живем в лесу, то и всё должны брать из лесу. Настоящей веревкой нельзя.

— Придумал! — вдруг обрадовался Сэм. — Когда отец делал изгородь вокруг сада, он связывал шесты ивовою лозой.

Через несколько минут они старательно перевязывали шесты упругими ивовыми прутьями. Но это оказалось нелегко: скользкие прутья то и дело соскакивали и падали на землю. Мальчики совсем растерялись и подумывали уже, не скрепить ли шесты травяным жгутом, когда неожиданно сзади кто-то насмешливо фыркнул. Ян и Сэм обернулись. Заложив руки за спину, совсем рядом стоял мистер Рафтен. Похоже было, что он давно наблюдал за ними.

Мальчики опешили. У мистера Рафтена была особенность вырастать словно из-под земли там, где что-нибудь затевалось. И, если затея была ему не по душе, он едко высмеивал ее. Мальчики с нетерпением ждали, как отнесется Рафтен к их

строительству. Если б они занимались этим в рабочее время, нетрудно догадаться, как посмотрел бы на это хозяин фермы, но теперь ребята были свободны, и Рафтен, испытующе оглядев мальчиков, медленно сказал:

— Эй, ребята!

У Сэма отлегло от сердца: начало было неплохое.

— Зачем вы попусту тратите время и возитесь с ивовыми прутьями? Ими шестов не свяжешь. Взяли бы лучше веревку из сарая.

Мальчики вздохнули с облегчением, но даже это мирное и дружеское вступление могло обернуться потом хорошей взбучкой. Поэтому Сэм выжидающе молчал. Но Ян пояснил:

— Мы играем в индейцев и можем пользоваться только тем, что растет в лесу.

— А кто ж вам запрещает? — спросил Рафтен.

— Тогда будет не по правилам.

— Ах, вот в чем дело, — удивленно проговорил Рафтен. — Теперь понятно.

Он внимательно огляделся вокруг и, подойдя к низкому кустарнику, спросил:

— Ты знаешь, что это такое, Ян?

— Нет, сэр, — произнес мальчик.

— Ну-ка, посмотрим, хватит ли у тебя сил сломать ветку.

Ян напрасно гнул ветку с тонкой блестящей кожей, она никак не поддавалась.

— Это кожаное дерево, — сказал Рафтен. — Им и пользуются индейцы. В первое время мы тоже брали его вместо веревок.

— Видишь, — сказал Сэм с довольной улыбкой, когда Рафтен ушел, — отец не сердится, если работа сделана. И как же я сам об этом дереве не вспомнил! Ведь мне говорили, что в старое время, когда веревок было мало, вещи вязали этими

прутьями. А индейцы, я слышал, вязали ими своих пленников.

Мальчики нарезали прутьев, скрепили ими шесты наверху, и каркас типи был готов. Посоветовавшись, они опоясали шесты обручем из толстого ивняка и накрепко привязали его прутьями кожаного дерева. Для большей устойчивости мальчики прикрепили к обручу четыре коротких шеста, воткнув их концами в землю. Теперь остов типи можно было обшивать корой.

Мальчики пошли к старым вязам, срубленным прошлой зимой, и снова Сэм показал, как он умело орудует топором. Он надсек кору на стволе сверху вниз, поддел ее топоричем, вбил несколько клиньев и осторожно снял большой кусок. С трех краёв они добыли много коры.

Сэм предложил прибить ее гвоздями к подпоркам, но это привело Яна в ужас: ведь индейцы никогда не пользовались гвоздями!

— Ну, а чем же, по-твоему, они прибивали? — спросил Сэм.

— Они вязали ремнями и... и... может, делали деревянные гвозди.

— Но ведь у нас подпорки из твердого дерева. В сосну вобьешь только дубовые гвозди, и то надо заранее просверлить дырки в шестах, иначе ничего не получится. Я сбегая домой за буравчиком.

— Ну, Сэм, это все равно, что нанять плотника! Давай играть по-настоящему. Придумаем что-нибудь. Может, скрепить их прутьями кожаного дерева?

Сэм вытесал острый дубовый колышек, а Ян проколол им кору по краям, пропустил сквозь эти дырочки прутья кожаного дерева, и покрытие для вигвама было готово. Но, когда мальчики вошли внутрь, они с огорчением заметили, что стены све-

тятся дырками. Заделать их все было невозможно, потому что кора трескалась во многих местах. Мальчики заткнули только самые большие щели. Теперь им предстояла самая важная и таинственная церемония — развести костер в вигваме.

Они собрали кучу сухого хвороста, и Ян достал спички.

— Что это ты! — удержал его Сэм. — Разве у индейцев есть спички?

— Правда... — смутился Ян. — Но у меня нет ни кремня, ни огнива. А как добыть огонь трением, я не знаю. Неужели мы из-за этого останемся без костра?

— Нет, огонь у нас будет! — уверенно сказал Сэм. — Доставай свои спички. Вигвам без костра — то же, что старое птичье гнездо или дом без крыши.

Ян чиркнул спичкой и поднес ее к хворосту. Но спичка погасла. Вторая и третья тоже.

— Смотрю, ты не очень-то умеешь разжигать костер! Дай-ка я тебе покажу. Пусть белый охотник поучит индейца, как жить в лесу, — хитро улыбнулся Сэм.

Сэм наколот топором тонкие лучинки от сухого соснового корня и на концах каждой настругал пучок стружек.

— Верно! — обрадовался Ян. — Я видел на картинке индейца с такой палочкой.

Сэм зажег спичку, и через минуту в вигваме весело затрепещал огонь.

— Это бабушка Невилль научила меня. Она все-все про лес знает.

— Кто такая бабушка Невилль? — спросил Ян.

— Старая колдунья. Она живет в домике у излучины реки.

— А нет ли у нее внучки Бидди? — Ян неожиданно вспомнил, что у него была подружка родом из Сэнгера.

— Конечно! — воскликнул Сэм. — Бидди — она молодчина: здоровая, сильная. Умеет делать все.

Устроившись на подстилке из словых веток, Ян сказал:

— До чего ж хорошо!

— Мы как настоящие индейцы! — ответил Сэм. Он сидел по другую сторону костра. — Послушай, Ян, — вдруг добавил он, — не подкладывай больше веток, здесь очень жарко, и потом, что-то неладно с трубой. Может, засорилась...

Костер горел ярко, а дыму все прибавлялось. Маленькое отверстие наверху дым, наверное, принял за ошибку и упрямо не желал покидать через него вигвам. Он выбивался во все щели, вырываясь из двери клубами, но большая часть дыма, казалось, была вполне довольна вигвамом, и через несколько минут дым выкурил оттуда обоих индейцев. Из глаз у них лились слезы, и настроение совсем упало.

— Похоже, — заметил Сэм, — что мы перепутали отверстия. Видно, дверь надо было сделать вверху, раз дым только и хочет выходить через нее.

— У индейцев тяга хорошая, — сказал Ян, — и белый охотник должен знать, как это делается.

— Может, нам закрыть дверь, тогда дым поневоле потянется в трубу, — предложил Сэм.

Так и сделали. Сначала дым повалил вверх, но потом снова стал набиваться в вигваме.

— Будто выползает из щелей, а труба его обратно всасывает! — огорчился Ян.

События оборачивались очень печально. Им так хотелось посидеть в вигваме около костра! Но мечта рушилась: дым невыносимо щипал глаза.

— Может, лучше построить хижину? — предложил Сэм.

— Нет, — упрямо сказал Ян, — у индейцев получается, выйдет и у нас. Надо только разобраться как следует.

Все их попытки что-нибудь исправить ни к чему не привели. Вигвам по-прежнему наполнился дымом. Кроме того, внутри было тесно и неудобно: ветер проникал во все щели, которых становилось все больше, потому что кора вяза высыхала и трескалась.

Как-то в лесу их застал проливной дождь. Мальчики хотели укрыться от него в своем унылом жилище, но потоки воды хлынули через дымовое отверстие, в щели и трещины.

— Да тут льет сильнее, чем снаружи! — сказал Сэм, выбегая из вигвама.

Ночью разразилась сильная гроза, и на следующий день мальчики нашли на месте своего вигвама только груды коры и палок.

Однажды за столом Рафтен, как обычно сурово, спросил мальчиков:

— Ну что, построили вигвам?

— Его буря снесла, — ответил Сэм.

— Как же так?

— Не знаю. И сидеть там нельзя было — дыму набиралось полный вигвам.

— Плохо сделали, — сказал Рафтен и вдруг с интересом, который говорил о том, с какой радостью Рафтен присоединился бы к этой игре лет сорок назад, добавил: — Почему вы не сделали настоящую типи?

— А мы не знаем как, да и не из чего.

— Ладно. Работали вы хорошо, и я отдам вам за это старую покрывку с фургона. Кузен Берт помог бы вам, будь он здесь. Может, Калеб Кларк знает? — сказал он, подмигнув одним глазом. — Спросите-ка его.

— А можно нам пойти к Калебу, отец?

— Как хотите, — ответил Рафтен.

Рафтен никогда не говорил впустую, и Сэм это знал. Поэтому, когда он ушел, ребята достали старую покрывку от фургона. Развернув ее, они увидели, что это большой кусок брезента. Мальчики спрятали его в сарае, который был отдан в их распоряжение, и Сэм сказал:

— Я бы прямо сейчас пошел к Калебу. Он наверняка лучше других знает, как строить типи.

— А кто такой Калеб? — спросил Ян.

— Да это старый Билли. Он однажды стрелял в отца, после того как отец обхитрил его на лошадиной ярмарке. Он чужак, этот Калеб. Долго был охотником и хорошо знает лес. Ну и влетит мне, если он догадается, чей я сын! Ладно, как-нибудь его проведем.

IV

Бабушка Невилль

Мальчики отправились к Калебу. Идти надо было вдоль ручья. Дойдя до излучины, они увидели маленькую бревенчатую хижину, перед которой копошились куры и разгуливала свинья.

— Здесь живет колдунья, — сказал Сэм.

— Бабушка Невилль?

— Да. Ну и любит же она меня! Как старая курица — ястреба.

— А за что?

— Наверное, за свиней. Но началось, пожалуй, с деревьев. Отец срубил много вязов, а она очень любила смотреть на них из хижины. Потом — история со свиньями. Как-то ей пришлось туго зимой. Она пришла к отцу, и он купил у нее за семь долларов обеих свиней. Дома он сказал матери: «Похоже, у старухи плохи дела, отнеси ей в сле-

дующую субботу два мешка муки, картофеля и свипины». В общем, мама отнесла ей всякого добра долларов на пятнадцать. Старуха молчала, пока мама не сложила все в погреб, а потом накинулась на нее: «Мне не нужны ваши подачки!» Она разлилась на нас, когда отец купил ее свиней, но совсем рассвирепела, когда получила в подарок припасы.

— И не стыдно ей! — сказал Ян, сочувствуя Сэму.

— Нет, ты зря, — возразил Сэм. — Она просто чудачка. Если сумеет, ни за что не даст срубить дерево. Весной бродит часами по лесу, садится около цветов и что-то шепчет им. И птиц тоже любит. Каждую зиму сама чуть с голоду не помирает — все птицам скармливает, которые слетаются к ее домику. Многие даже на руку к ней идут. Отец говорит, что птицы принимают ее руки за старые соновые корни, а по-моему, она просто умеет их приласкать. Стоит на морозе не шевелясь и все приговаривает: «Милые вы мои»... Видишь наверху окошко? — спросил Сэм, когда они приблизились к домику бабушки Невилль. — Это чердак. Там у нее хранятся запасы всяких трав.

— Для чего?

— Лечит ими.

— Да, вспомнил! Бидди говорила, что ее бабушка лечит травами. «Травяной доктор» называла она ее.

— Доктор? Она ничутьючки не доктор. Просто знает в лесу каждую травинку. На чердаке трава лежит целый год, на ней спит кошка, вот от этого, наверно, трава и становится целебной.

— Мне бы хотелось посмотреть на нее, — сказал Ян.

— Я думаю, можно.

— А тебя она знает?

— Знает, — ответил Сэм. — Но я немножко схитрю. Больше всего на свете она любит больных. Сейчас сам увидишь.

Сэм закатал рукава, с пристрастием оглядел свои локти, но, видимо, безуспешно. Затем он стал пристально разглядывать ноги. Конечно, у мальчишек всегда полно царапин и ссадин. Сэм выбрал лучшую из них — под коленкой большую царапину от гвоздя. Свинцовым карандашом он изобразил вокруг омертвевшую кожу, кожей неспелого ореха добавил неприятный коричневато-желтый оттенок, и в результате получилось страшное, болезненного вида пятно. Пожевав какую-то траву, он выплюнул желто-зеленую жижу на платок и обвязал им свою «рану». Подняв с земли палку, Сэм заковылял к хижине. Когда мальчишки были совсем близко, приоткрытая дверь с треском захлопнулась. Ничуть не испугавшись, Сэм подмигнул Яну и постучал. В ответ донесся лай маленькой собачонки. Сэм стукнул еще раз. За дверью слышался шорох, и снова все смолкло. В третий раз на стук Сэма в хижине кто-то пронзительно крикнул:

— Убирайтесь отсюда!

Сэм ухмыльнулся, а потом, растягивая больше обычного слова, сказал:

— Помогите бедному мальчику, бабушка! Доктора ничего не могут ему сделать.

Кстати, в последнем он был прав: чем мог доктор помочь здоровому мальчику?

Ответа не последовало, но Сэм решился открыть дверь.

В комнате перед печью, поблескивая покрасневшими глазами, сидела старуха с трубкой во рту. На коленях она держала кошку, а у ног сидела собачонка, которая сердито зарычала на чужих.

— Ты ведь Сэм Рафтен? — свирепо сказала старуха.

— Да, бабушка, — ответил Сэм. — Я наткнулся на гвоздь в заборе. Говорят, так кровь отравить можно. — Сэм постанывал немножко, охал и морщился.

Слово «убирайся» было забыто. Доброе сердце старухи прониклось сочувствием к пострадавшему. Ей было даже приятно, что недруг так смиренно просит ее о помощи.

— Давай погляжу, — буркнула она.

Пока Сэм, охая, пытался развязать отвратительные тряпки, обмотанные вокруг колена, в комнату вошла Бидди.

Она и Ян тут же узнали друг друга. Встреча их была очень теплой, и Бидди сразу засыпала Яна вопросами.

— Помнишь, я говорила тебе о бабушке, — сказала Бидди, — вот она. Бабушка, познакомься, это Ян. Я работала у его мамы. Верно ведь, Ян? А бабушка расскажет тебе про травы. Она это хорошо знает.

Сэм снова громко охнул, и все повернулись в его сторону.

— Это, кажется, Сэм Рафтен? — холодно сказала Бидди.

— Да, — кивнула бабушка, — он смертельно болен. Доктора отказались лечить его, и он пришел ко мне.

Словно в подтверждение ее слов, Сэм опять громко застонал.

— Дай ножницы, Бидди. Придется разрезать питанину, — сказала старуха.

— Нет, нет! — с неожиданной силой заговорил Сэм, с ужасом думая о том, как ему за это попадет дома. — Я могу закатать ее.

— Ну хорошо. Хватит так, — сказала старуха. — Да, да, тут у тебя дикое мясо. Я вырежу его, — и она стала рыться в карманах.

Сэм сообразил, что она ищет нож, и уже был готов ринуться к двери.

Но старуха вдруг передумала:

— Или лучше дам тебе кое-что выпить.

Ян и Сэм с облегчением вздохнули.

— Вот. — Старуха протянула Сэму жестяную кружку с водой, куда она всыпала порошок из сухих толченых листьев.

Сэм выпил.

— Возьми эти ветки с собой и прокипяти их в двух галлонах¹ воды. Пей настой каждый час по стакану. Потом два раза в день прикладывай к больному месту разрубленного цыпленка. И все у тебя пройдет. Только запомни: дважды в день свежего цыпленка.

— Может, индюшонка лучше? — простонал слабо Сэм. — Мама очень любит меня и денег не пожалеет.

Тут Сэм фыркнул: видно, смертельная опасность миновала.

— Что это за растение, бабушка? — спросил Ян, старательно избегая взгляда Сэма.

— Лесное.

— А как оно называется? И на что похоже?

— Само на себя похоже, а называется лециной.

— Я как-нибудь покажу тебе, — сказала Бидди.

— Нам пора домой, — негромко вставил Сэм, — я чувствую себя лучше. Где моя палка? Вот, Ян, носи мое лекарство. Только осторожней.

Ян взял пучок веток. Бабушка просила заходить к ней и проводила их до двери.

— Да, стойте! — вдруг сказала она.

И, подойдя к единственной кровати, отвернула

¹ Г а л л о н (америк.) — мера жидких и сыпучих тел, около четырех литров.

простыни, под которыми оказалась груда румяных яблоч. Она вынула два самых лучших и протянула мальчикам:

— Я прячу их там от свищей. Таких хороших яблоч у меня еще никогда не было.

— Еще бы! — пропентал Сэм тихо, чтобы не услышала старуха. — Ее сын Ларри выкопал эти яблони у нас в саду прошлой осенью. Это единственный зимний сорт. Только они сейчас нагрелись в постели.

— До свиданья, — сказал Ян. — Большое вам спасибо!

— Мне лучше, — вздохнул Сэм. — Не тянет больше. Теперь мне другого лекарства не нужно.

Выйдя из дому, Сэм хотел тут же забросить палку подальше, но Ян уговорил его хотя бы немного поволочить ногу, пока они не скроются из виду. К слову сказать, старуха сразу заметила перемену в походке Сэма и подозвала Бидди убедиться в том, как быстро помогли ее средства молодому Рафтену, когда «доктора уже совсем отказались от него».

— Теперь к Калебу Кларку! — сказал Сэм.

— Ты здорово шагаешь для хромого мальчика, которого отказались лечить врачи, — сказал Ян.

— Верно, это дикое мясо меня подгоняет.

— Давай спрячем ветки куда-нибудь, пока не вернемся, — сказал Ян, протягивая пучок лещины.

— Я-то их спрячу, — сказал Сэм и швырнул ветки прямо в реку.

— Зачем ты? Может, они бабушке Невилль нужны?

— Этому старому венику там и место. Хватит с меня, что я выпил того пойла. От него здорово несло кошкой.

Ян промолчал, но остался недоволен. Ему казалось невежливым выкидывать ветки так близко от дома старухи. И к тому же ему хотелось узнать, оказывает ли лещина какое-нибудь действие.

V

Каллеб

В миле * от этого места стояла хижина Каллеба Кларка. Когда мальчики подошли поближе, они увидали, как высокий сутулый человек с длинной белой бородой вошел в дом, неся охапку дров.

— Видал старика? — спросил Сэм. — Пожалуй, лучше тебе начать разговор. С ним столкнуться не так легко, как со старухой, и потом, он тоже сердит на отца.

Ян нерешительно шагнул вперед и постучался в приоткрытую дверь. Из хижины донесся глухой лай собаки, и на пороге появился седобородый хозяин.

— Что вам надо? — спросил он.

— Вы мистер Кларк?

— Да. — И, обернувшись к рыжевато-черной гончей, сказал: — Молчать, Турок!

— Я пришел... мы хотели спросить у вас кое-что, если вы позволите.

— Зовут тебя как?

— Ян.

— А другой кто?

— Товарищ мой, Сэм.

— Мое имя Сэм Хорн, — сказал Сэм, и в этом была доля правды, так как полное имя его было Сэмюель Хорн Рафтен. Но эта небольшая хитрость, на которую он пошел, смутила Яна.

— Откуда ты?
— Из Бённертона, — ответил Ян.
— Сегодня оттуда? — недоверчиво спросил Калеб.

— Нет, но... — начал Ян.

И тут Сэм, который держался поодаль, чтобы Калеб не узнал его, испугался, как бы его доверчивый друг не проговорился.

— Видите ли, мистер Кларк, — вмешался он, — мы остановились в лесу и хотели поставить себе типи, чтобы жить в ней. У нас есть материал, и нам сказали, что вы знаете, как это сделать.

— Кто сказал вам?

— Бабушка Невилль. Она живет у реки.

— А где вы живете теперь?

— Понимаете, — снова поторопился опередить своего друга Сэм, — мы уже построили в лесу вигвам из коры, но он получился плохой.

— В чьих лесах?

— В миле отсюда, у реки.

— Так, так. Это в лесу Рафтена или у Бернса.

— Да, наверное.

— А ты удивительно похож на Сэма Рафтена! — вдруг крикнул Калеб. — Негодный мальчишка! Пришел и хочешь одурачить меня? Вон отсюда!

Ян покраснел и шагнул назад. Его товарищ, прикусив язык, последовал за ним, но Сэм был сыном своего отца, и поэтому, повернувшись к Кларку, сказал:

— Послушайте, мистер Кларк, я вам скажу всю правду: мы пришли сюда, чтобы вы объяснили нам простые вещи. Только вы один умеете строить типи. Я знал, что вы сердитесь на отца, поэтому схитрил немножко. Лучше было прийти и честно сказать: «Я сын Рафтена. Помогите мне». Я не думал, что вы так рассердитесь на меня и моего друга.

Между любителями леса издавна существует взаимная симпатия. Каждый из них готов поделиться своими знаниями с любим, кто захочет узнать о лесе побольше. У старого Калеба, угрюмого и раздраженного всякими невзгодами, было доброе сердце. Он вдруг позвал Яна и спросил его:

— Ты тоже Рафтен?

— Нет, сэр.

— Родственник их?

— Нет, сэр.

— Что ты хотел спросить у меня, мальчик?

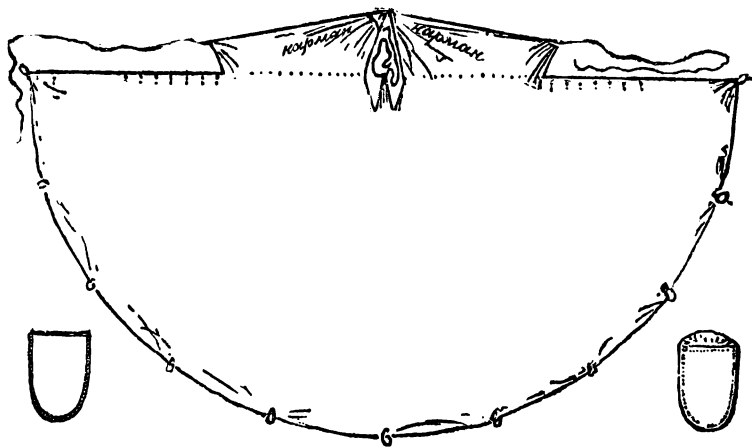
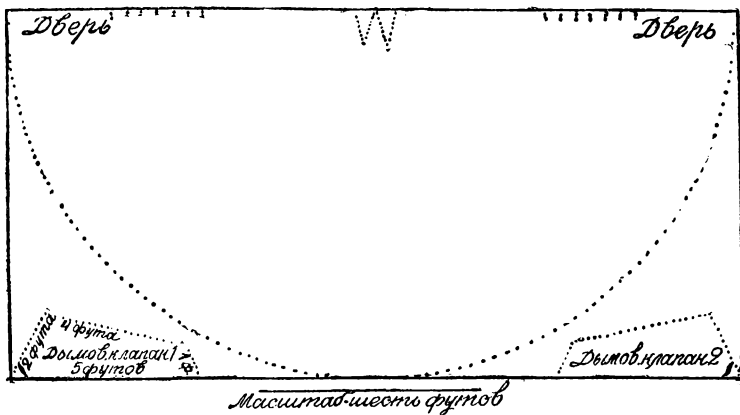
— Мы построили вигвам из коры, но он никуда не годится. Теперь у нас есть брезент для типи, но как ее сделать, мы не знаем.

— Ах, типи. Вот оно что... — сказал Калеб задумчиво.

— Нам говорили, что у вас была когда-то типи, — отважился добавить Ян.

— Да, лет сорок назад. Но одно дело носить платье, а другое — шить его. Кажется, она была устроена так... — И Калеб принялся рисовать угольком на куске оберточной бумаги. — Подождите-ка... Ага, припоминаю. Видел однажды, как индейские женщины делали типи. Сперва они сшили шкуры. Потом расстелили их на лугу. В середине верхнего края воткнули колышек. К нему привязали веревку с углем на конце и очертили полукруг на шкуре. По этой линии отрезали шкуру ножом, а из кусочков сделали два клапана и пришили их. Эти отверстия для дыма улучшают тягу. Вот и все. Думаю, что для типи в десять футов нужны десять шестов и еще два для дымовых клапанов. Сначала свяжешь вместе три шеста и воткнешь их в землю. К ним приставишь остальные, кроме одного, и перевяжешь покрепче веревками. К последнему шесту прикрепишь коротким ремешком брезент и

поставишь его на место. Покроешь шесты брезентом и соединишь его края маленькими деревянными колышками. Два длинных шеста вставляются в дымовые клапаны. Ими будешь приспособлять отдушину к ветру.

Калев все время обращался к одному Яну, как бы не замечая стоявшего подле Сэма, но того, как и его отца, мало что смущало. Он предвидел еще много трудностей, и поэтому решился задать Калебу вопрос:

— Как закрепить типи, чтобы ее не сорвало ветром?

— Сделаешь так, — начал Калев, по-прежнему обращаясь к Яну: — конец длинной веревки, которой ты обвязал сверху шесты,крепишь у столбика, врытого в землю, он послужит чем-то вроде якоря. Не забудь все края брезента прибить колышками к земле.

— Как устраивают дымовую тягу? — снова спросил Сэм.

— Раскачиваешь шестами клапаны, пока они не встанут по ветру.

— А как закрыть дверь?

— У некоторых типи края покрышки просто заходят один за другой. Но в хороших типи делают дверь из того же материала, что и покрышка; натягивают его на раму из гибкого дерева и прикрепляют шнуром к шесту.

Похоже было, что Калев кончил свой рассказ. Ян бережно сложил замусоленную бумагу, спрятал в карман и сказал:

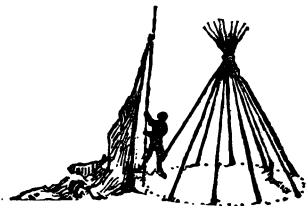
— Спасибо!

Калев не ответил ни слова, но, когда мальчики собрались уходить, сказал вслед:

— Где вы остановились?

— На холме у реки, в болотах Рафтена.

— Может, приду посмотреть, — добавил Калев.

— Приходите! — отозвался Сэм. — Держитесь меченой тропки от живой изгороди.

— Зачем ты говоришь неправду, Сэм? — спросил Ян, когда Калев уже не мог их слышать. — Ведь там нет никакой меченой тропинки!

— А я думал, так лучше, — спокойно ответил Сэм. — И потом, если хочешь, сделаем метки до прихода старика.

VI

Постройка типи

Рафтен был очень доволен, узнав, что мальчики все-таки ходили к Калебу и расспросили его обо всем.

— Старый Калев не так уж разбирается в устройстве типи, как я думал, — сказал Сэм.

— А по-моему, теперь мы спокойно можем взяться за постройку, — сказал Ян.

Мальчики разостлали на полу покрывку фургона, положили несколько камней по ее краям и даже вбили пару гвоздиков, чтобы она не двигалась с места. Но тут они страшно огорчились, увидав, что покрывка оказалась старой и разорванной.

— Теперь понятно, почему отец ее нам отдал, — сказал Сэм. — Пожалуй, ее надо сперва залатать.

— Нет, — сказал Ян властным тоном, как он говорил всегда, когда дело касалось лесной жизни, — лучше сначала раскроем, чтобы не чинить места, которые потом обрежем.

— Ты голова! Только заплаты не очень-то украсят типи.

— Ничего, — ответил Ян, — у индейцев тоже много заплат на типи в местах, где их пробивают пули или стрелы.

— Я очень рад, что не сидел в типи во время всех сражений, — сказал Сэм, указывая на многочисленные дырки.

— Отойди и дай-ка лучше мне веревку.

— Осторожней! — сказал Сэм. — У меня болит колено. Беспокоит так же, как в тот день, когда ходили к старой колдунье.

Ян не слушал его.

— Давай посмотрим, — сказал он, — может, мы обрежем все лохмотья и выкроем двенадцатифутовую типи. Двенадцать футов высотой — это значит двадцать четыре в диаметре. Здорово! Ну, я отмерю.

— Погоди, — остановил его Сэм. — Кaleb сказал, что индейцы отмечают головешкой; ты не имеешь права чертить мелом, тогда уже лучше плотника зови, — съязвил он.

— Ладно. Иди за головешкой, а если не найдешь, принеси ножницы.

Заглядывая поминутно в план Калеба, мальчики вырезали покрышку — это оказалось совсем нетрудным делом. Затем они принялись чинить дыры: взяли иглы, бечевку, но, хотя они и делали длиннющие стежки, работа подвигалась очень медленно. Сэм отпускал всякие шуточки по поводу каждого куска, который он сшивал. Ян работал сосредоточенно и молча. Сперва у Сэма стежки выходили ровнее, но мало-помалу Ян приноровился и стал шить даже лучше своего друга.

В тот вечер мальчики показали свою работу Си Ли. Он второй год работал у Рафтена на ферме. Посмотрев на покрышку с плохо скрытой равнодушной усмешкой, Си Ли сказал:

— Почему изнутри не залатали?

— Не догадались, — ответил Ян.

— Мы сами будем жить внутри, пусть у нас там будет красиво, — нашелся Сэм.

— Эту заплатку можно пришить четырьмя стежками, а не десятью, как у вас. — Си показал на большие, неуклюжие стежки. — По-моему, это пустая трата времени.

— Ну ладно! — не удержался Сэм. — Если тебе не нравится наша работа, посмотрим, как сделаешь ее ты! Шитья всем хватит.

— А где зашивать?

— Спроси Яна. Он тут главный. Старый Калев не хотел и говорить со мной. У меня чуть сердце не лопнуло от горя. Всю дорогу домой я ревел, верно, Ян?

— Надо пришить и подрубить дымовые клапаны, на их концах сделать карманы и... и..., пожалуй, — робко прибавил Ян, — было бы лучше подрубить все края.

— Вот что: я все сделаю, — сказал Си, — если вы сходите сегодня к сапожнику и возьмете мои сапоги.

— Идет! — согласился Ян. — И знаешь что, Си? Все равно, какая сторона крышки будет снаружи. Можно заплатки и внутрь поставить.

Мальчики взяли деньги, чтобы уплатить за сапоги, и после ужина отправились к сапожнику.

VII

Тихий вечер

Был тихий июньский вечер, на все голоса заливались птицы.

Когда мальчики вышли из своего сада, в небе показался ястреб. При виде парящего хищника птицы умолкли. Многие из них успели скрыться,

лишь один жаворонок тщетно пытался спастись в открытом поле. Ястреб ринулся за ним. Еще миг — и хищник схватил бы перепуганного певца, но тут с яблони сорвалась небольшая черно-белая птица.

Издав пронзительный боевой клич, взъерошив на голове перышки, из-под которых, словно боевое знамя, заалели нижние, огненные, она дерзко ринулась на ястреба.

«Клик-клик-клик! — разнесся ее яростный вопль. — Клик-клик-клик!»

Птица черно-белой стрелой вонзилась ястребу между крыльями как раз в ту минуту, когда отчаявшийся жаворонок припал к земле и спрятал голову, ожидая смертельного удара. Ястреб замедлялся в ужасе от неожиданного нападения. И вдруг, вскинувшись подобно дикому коню, он сбросил пустельгу и скрылся в лесной чаще, а пустельга вернулась назад, изредка испуская громкий клич, наверное извещая друзей о своей победе.

— Ну и молодец! — сказал Сэм с искренним восторгом.

Это вывело Яна из оцепенения. Восхищенный бесстрашной птицей, мальчик был погружен в глубокое молчание.

Впереди на дороге прыгал воробей. Когда Сэм и Ян нагоняли его, он взлетал, мелькая белыми перышками на хвосте, и снова садился впереди мальчиков.

— Это трясогузка, — заметил Сэм.

— Нет, воробей! — сказал Ян, удивившись, что тот ошибся.

— Может быть, — не стал спорить Сэм.

— А говорил, что знаешь всех птиц в округе! — вспомнил Ян их первый разговор.

— Я просто похвастался. Хотел, чтобы ты счи-

тал меня необыкновенным парнем, — сознался Сэм. — Ты ведь так и думал сначала.

Дятел в красной шапке, гоняясь за лимонницей, уселся на забор и оглядывал мальчиков. Лучи заходящего солнца на ярком оперении дятла, сиреневая изгородь и желтая бабочка — все это пышное сочетание красок очень нравилось Яну.

Солнце село, но в этот необыкновенно тихий и теплый вечер откуда-то с вяза долго еще лилась звонкая песня малиновки.

— Я бы остался здесь навсегда, — сказал Ян и слегка вздрогнул, вспомнив, с какой неохотой он ехал в Сэнгер.

Мальчики в молчании шли по дороге, каждый погруженный в свои мысли.

Сапоги были готовы. Сэм перекинул их через плечо, и мальчики тронулись в обратный путь.

И тут над их головами раздалось громкое, но нежное «гу-ху-ху-ху», словно где-то в вышине ворковал огромный голубь. Мальчики остановились, и Сэм шепнул:

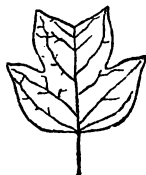
— Большая сова.

Сердце Яна затрепетало от радости. Он много читал об этих птицах, даже видел живых в клетке, но здесь он впервые услышал крик настоящей совы.

Было уже совсем темно, но отовсюду неслись звуки: лесная жизнь шла своим чередом. В чаще тянул свою песню козодой, квакали лягушки, с заболоченного озера докатился странный крик, напоминавший смех. Вдруг в лесу раздалось громкое, пронзительное: «Уа-уа-уа-уа!»

— Слышал? — воскликнул Сэм.

И снова, на этот раз гораздо ближе, прокатился дрожащий звук, резкий, непохожий на птичьи голоса.

— Енот, — прошептал Сэм. — Вот уберут хлеба, придем сюда поохотиться.

— Здорово! — обрадовался Ян. — Как жаль, что нельзя сейчас! Я никогда не охотился на енотов, да и вообще ни разу не был на охоте. А зачем ждать до осени?

— Сейчас не найти их. А тогда только скажешь: «Я и моя собака встретим енота у ближнего амбара», — и вот посмотришь, так оно и получится.

— Но они ведь совсем рядом! Слушай, еще один!

— Вот и ошибаешься! — сказал Сэм. — Даже охотники путают. Сейчас кричала сова-сипуха. Ее голос мягче, чем у енота, и свистящий...

Ян тут же понял, каким неистовым казался крик енота по сравнению с этим нежным, мелодичным звуком.

Когда мальчики подошли ближе к дереву, откуда кричала сова, что-то серое бесшумно пролетело над их головами, на миг заслонив собой звездное небо.

— Вот она! — прошептал Сэм. — Сипуха! И совсем она не сипит, верно ведь?

— Вот бы поохотиться на енота! — снова сказал Ян.

— Можно попробовать, если тебе так хочется, — ответил Сэм. — А животных я знаю больше, чем птиц, — продолжал он. — Попрошу отца как-нибудь пойти вместе с нами. Может, мы нападём на след оленя, если уйти отсюда миль за десять, на Дальнее болото. Жалко, что отец поссорился с Калобом, — он-то все места знает! Его старая гончая поймала столько енотов, что и не сосчитаешь!

— Ну, если это во всей округе единственная собака, которая ловит енотов, я берусь ее достать! — заявил Ян.

— Верю! — восхищенно сказал Сэм.

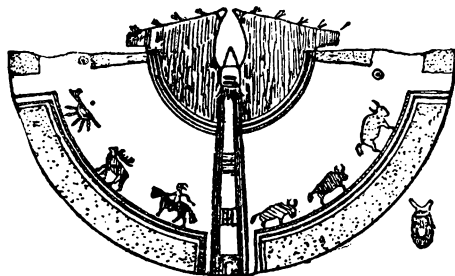
Было десять часов, когда мальчики вернулись домой. Все спали, кроме мистера Рафтена. На следующее утро, придя в сарай, мальчики увидели, что Си Ли пришил дымовые клапаны, переделал самые неудачные заплаты и подрубил весь низ покрывки.

Мальчики сразу отнесли покрывку в лес. Когда они подходили к кустарнику, стоявшему стеной около реки, Ян сказал:

— Давай оставим метки на дороге для Калеба.

— Ладно. Делай зарубки на деревьях через каждые несколько ярдов*.

— Так? — спросил Ян, надрубив ствол в трех местах.

— Нет, — покачал головой Сэм, — это получилась «метка охотника» для капканов, а «метка дороги» делается на обеих сторонах дерева. Тогда ее увидишь и при возвращении. А если этой тропой ходят ночью, зарубки надо сделать поглубже.

Священный огонь

— «Десять крепких шестов и два длинных тонких», — читал Ян вслух свою запись.

Шесты были тут же срублены и принесены к месту постройки.

— «Связать их вместе с крышкой...» Связать, а чем? Он говорил, сыромятным ремнем, и еще говорил, что крышка должна быть из шкур. Придется нам взять простую веревку. — Ян несколько смутился от своей уступки.

— Я так и знал, — не спеша проговорил Сэм, — поэтому захватил моток веревки, только не решился сказать тебе дома.

Мальчики прочно связали треножник и укрепили его в земле. Девять шестов аккуратно вбили по кругу. Последний, с крышкой, привязанной к нему за выступ между клапанами, поставили против двери. Теперь потребовались соединительные булавки. Ян хотел сделать их из побегов орешника, но мягкое дерево не годилось для этого. Сэм сказал:

— Булавки надо делать из белого дуба.

Сэм расколол дубовое полено, потом половинки снова расщепил на две части, и так до тех пор, пока не получились тонкие лучинки, которые можно было обстругать ножом. Ян тоже взялся за топор.

— Не так! — сказал Сэм. — Старайся попасть в самую середину, а то топор пойдет криво. Будешь колоть всю зиму — научишься.

Мальчики сделали десяток колышков и воткнули в заранее приготовленные для этого дырки. Получилось красиво, потому что все колышки были одинаковой формы. Теперь оставалось только закрепить крышку колышками внизу.

— Сделай десяток дубовых колышков длиной в дюйм и шириной в четверть дюйма, — сказал Сэм Яну.

Затем он отрезал от веревки десяток концов по два фута длиной и, продев их в дырки на краю покрышки, завязал каждую узлом. Десять петелек, накинутых на колья, крепко прихватили типи к земле. Наконец все было окончено.

И вот пришел черед самой торжественной минуте — оставалось зажечь первый костер. Мальчики испытывали те же чувства, что и настоящие индейцы: ведь освещение новой типи всегда считалось актом глубочайшей важности и значения.

— Лучше не спешить, чтобы костер не потух, — сказал Сэм. — Плохо, если не зажжем с первой спички.

— Еще бы! — поддержал его Ян. — Эх, Сэм, если бы нам удалось добыть огонь трением!

— Эй, ребята! — послышался за спиной голос.

Мальчики обернулись. Перед ними стоял Калев. Он подошел поближе и кивнул:

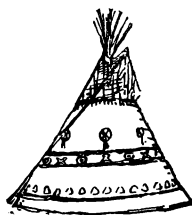
— Построили типи, да? Неплохо. Только зачем вы ее к западу повернули?

— Чтобы на речку смотрела, — ответил Ян.

— Забыл вам сказать, — начал Калев, — индейцы всегда ставят типи лицом на восток. В первых, утреннее солнце падает внутрь, а потом, ветер чаще дует с запада, и от этого тяга лучше.

— А если ветер с востока, как во время дождей? — спросил Сэм.

— Когда ветер восточный, — сказал Калев, ни к кому не обращаясь, словно ему и не задавали вопроса, — нужно натянуть туго клапаны один на другой, вот так. — И Калев скрестил на груди руки. — Дождь ни за что не попадет тогда, а если при этом нет тяги, надо приподнять слегка край покрышки около двери. Потом помните: никогда не

ставьте типи под деревьями. Это опасно: во время грозы в них может ударить молния. И после дождя с деревьев часами капает. Ставить типи надо на самом солнечном месте.

— Мистер Кларк, вы когда-нибудь видели, как индейцы добывали огонь из дерева?

— Конечно. Но теперь индейцы пользуются спичками. А раньше часто видел.

— А это долго? Трудно?

— Не так трудно, когда знаешь, что к чему...

— Эх, разжечь бы так первый костер! — с жаром воскликнул Ян. — А вы можете добыть огонь таким способом?

— Да, — ответил старик, — только надо особое дерево. Не всякое годится. Индейцы, живущие на равнине, берут корень виргинского тополя, а горные индейцы пользуются липой, кедром, серебрястой сосной или пихтой. Легче всего устроить буров. Найдется у вас кусок оленьей кожи?

— Нет.

— Или просто полоска мягкой кожи?

— Ремешки от моих башмаков не пригодятся? — спросил Ян.

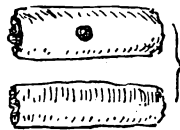
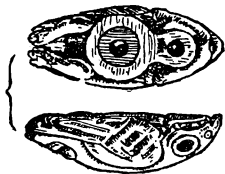
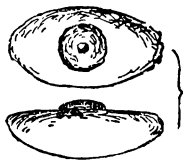
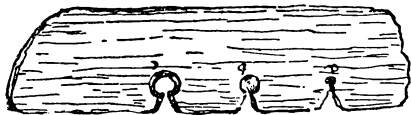
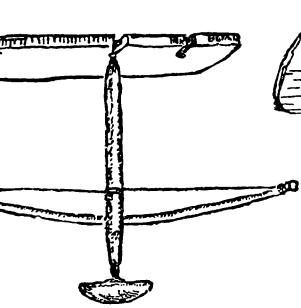
— Тонковаты... Но мы сложим их вдвое. Тогда все в порядке. Веревка сгодилась бы, да она быстро перетирается.

Калев взял ремешки и сказал:

— Найдите мне небольшой камень с ямкой по середине.

Мальчики пошли к реке, а Калев — в лес. Скоро он вернулся с плоским обрубок сухой пихты и колышком из того же дерева. Он принес еще слегка согнутую палку в три фута длиной, немного соснового трута и сухого кедра.

Колышек имел восьмигранную форму, «чтобы держался ремень», как объяснил Калев. С обоих концов он был заострен. Калев привязал ремешок

к выгнутой палке, как тетиву к луку, но свободно, так что можно было еще раз обернуть вокруг колышка и натянуть как следует. Плоский кусок пихты он обстругал, на одном конце сделал выемку и затем над ней кончиком ножа вырезал маленькое углубление.

Из куска кедра Калоб настругал много стружек. Вырыв в земле ямку, он опустил туда трут и накрыл пихтовой дощечкой. Кончик колышка Калоб вставил в углубление, сделанное на ней, а на верхнее острие надел камень, принесенный с речки. Крепко держа камень левой рукой, Калоб принялся равномерно двигать лук по кругу. Колышек начал вращаться, и через несколько секунд бурая пыль посыпалась из-под него прямо в ямку с трутым. Выемка росла, древесная пыль все темнела. Калоб сильнее нажал левой рукой на камень, и его правая рука заработала еще быстрее. Из-под колышка маленькими кольцами стал куриться дымок. Увидев это, Калоб откинул лук и стал осторожно раздувать тлеющий трут. Вскоре посреди типи затрещал первый костер.

Лицо старика светилось от удовольствия. Ян и Сэм были счастливы.

IX

Лук и стрелы

— Твое оружие никуда не годится, — сказал Ян, когда они с Сэмом однажды стреляли в саду из лука. — Оно похоже на мой первый лук, который я смастерил в детстве.

— Ну что ж, дедушка, посмотрим, какой ты теперь сделаешь! — засмеялся Сэм.

— Во-первых, он будет раз в пять тяжелее.

— Ты его не поднимаешь!

— Стрелу держи по-другому, тогда получится. Прошлой зимой я прочел одну книгу и теперь знаю, как надо. Ты зажимаешь стрелу и слабо натягиваешь лук. Продень пальцы под тетиву — вот тогда сможешь натянуть в пять раз сильнее! Так делают индейцы.

— Очень неудобно! — Сэм попытался натянуть по-новому тетиву.

— С непривычки, конечно, неудобно! Потом, вырез на стреле делают глубже. Я хочу сделать настоящий, хороший лук и много стрел. С одной стрелой ходить опасно.

— Ну что ж, попробуй. А в книжке сказано, из какого дерева лучше делать?

— Лучше всего испанский тис.

— Первый раз слышу!

— Можно из орегонского тиса тоже.

— Никогда не слышал.

— Здесь, похоже, найдется красный кедр, орешник или вяз?

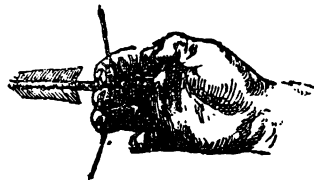
— Красного кедра никогда не видел, а остальные есть.

— Надо раздобыть сухое дерево, срубленное зимой.

— Это подойдет? — спросил Сэм, показывая на кучу ореховых палок, лежавших на полу хижины. — Их срубили года два назад.

Мальчики отобрали хорошую палку в пять футов длиной. Сэм расколол ее на две части и обтесал. Он искусно владел топором и ножиком, и скоро оба лука были готовы.

Теперь надо было наладить тетиву. Все веревки, которые им удалось найти, были слишком слабы и рвались после нескольких выстрелов. Узнав, в чем дело, Си Ли послал мальчиков к сапожнику за дратвой и воском. Он разрезал дратву на не-

сколько кусков, слегка навошил их и сплел не слишком толстую веревку.

— Вот эта тетива не скоро лопнет, — сказал Си Ли.

Когда луки были готовы, мальчики покрыли их лаком, который нашли среди всяких красок.

— Да, на старый лук и смотреть не хочется! — сказал Сэм, сравнивая новое оружие со своим маленьким жалким обручем. — Вы знаете, как надо делать стрелы, мистер? — спросил он, пробуя выстрелить из нового лука старой стрелой.

— Я только знаю, что у тебя в руках плохая стрела, — ответил Си Ли. — Поверь мне, хорошую стрелу сделать гораздо труднее, чем лук. У каждого из вас должно быть по двенадцать стрел.

— А как индейцы их делают?

— Чаще всего они берут прямые ветви гордовины. Но этого дерева я здесь не видел. Стрелы должны быть совсем прямые, иначе они будут лететь вкривь и вкось. Не зря ведь говорят: «Прямая, как стрела!» Мы можем сделать получше, чем у индейцев, у нас ведь хорошие инструменты. Можно смастерить стрелы из какого-нибудь крепкого дерева.

— Ну, опять назовешь растение, которое ни один белый человек в глаза не видел!

— Вот и не угадал! Для охотничьих стрел лучше взять ясень или орешник. Стрелять по мишени лучше стрелами из серебристой сосны. Какие будем делать?

— Я охотник! Мне нужны охотничьи стрелы.

— Нужно заготовить палочки сухого ясеня в двадцать пять дюймов длины. Потом надо клей и перья.

— Вот тебе перья, — сказал Сэм и вытащил целую связку индюшиных крыльев, отложенных для чистки печей. — А я пока наколю палочек.

Взяв ясеневое полено, Сэм наколол из него две дюжины палочек. Ян начал обтачивать ножом одну из них, но Сэм, посмотрев на его работу, сказал:

— Я лучше сделаю, — и, взяв остальные, стал обстругивать их рубанком на верстаке.

Ян с тревогой следил за ним и потом не выдержал:

— Но у индейцев же нет рубанков!

— Как и перочинных ножей! — последовал ответ.

Это была правда. И все же Ян не переставал думать о том, что когда-нибудь осуществит свою мечту: сделает стрелы, как индейцы без всякого инструмента.

— Все-таки у индейцев вместо перочинных ножей были острые кремни.

— Хорошо, Ян, ты делай стрелы острыми камнями, вон на дороге их сколько хочешь валяется. Сними башмаки и пройдишь босиком — сразу найдешь! А я уж рубанком доделаю. Посмотрим, кто кого перегонит.

Сэм успел выстругать шесть отличнейших стрел, пока Ян все еще возился с первой.

— Какие наконечники поставим? — спросил Сэм.

— Я уже думал, — сказал Ян. — Индейцы прикручивают жилами каменные наконечники. Но у нас ничего этого нет. Остается сделать костяные или роговые. Я как-то выточил один из кости, но она оказалась очень ломкой. Потом брал большие гвозди с обломанными шляпками, а чтобы стрелы не расщеплялись, я обкручивал концы тонкой проволокой. Некоторые индейцы вообще не делают наконечников: просто обжигают стрелу, чтобы она стала тверже, и заостряют конец.

— Это нетрудно, — сказал Сэм. — Но давай лучше попробуем с гвоздями.

Мальчики сделали шесть стрел с наконечниками из заточенных гвоздей. Это были «боевые» стрелы. Шесть других они обожгли и просто заострили; эти предназначались для охоты.

Затем Ян показал Сэму, как расщепить перо и отделить бородку.

— Нам нужно по два пера на стрелу — значит, сорок восемь перьев, — сказал Сэм.

— Нет, — сказал Ян, — этого мало. Надо по три пера на стрелу. И помни, что на каждую стрелу нужны перья с одного крыла птицы.

— Я знаю. Не годится смешивать перья, а то стрела полетит не в ту сторону.

В это время к мальчикам подошел Си Ли.

— Ну, как ваши дела? — спросил он.

— Возмемся со стрелами.

— А как перья закрепляете?

— Белые приклеивают их, индейцы прикручивают жилами, — ответил Ян, цитируя по памяти «ту книгу».

— А что лучше?

— Приклеенные лучше летят, а прикрученные зато не боятся сырой погоды.

— Так почему бы не сделать и то и другое?

— Нет жил.

— Давайте я покажу! — сказал Си Ли. — Где у вас клей и веревка? Я думаю, сначала надо сделать на стреле выемку.

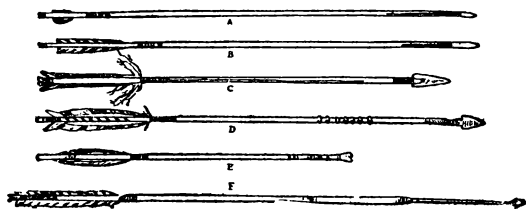
— Верно! Мы уж и позабыли про это!

— Может, ты позабыл, — сказал Сэм важно, — я-то помню.

Перочинным ножом быстро сделали выемку, и Си Ли начал клеить и прикручивать, употребляя вместо жил навощенную нитку.

Когда все было сделано, стрелы аккуратно разложили для просушки.

Чтобы легче различить их, Ян выкрасил стрелы

лы Сэма в красный цвет с синими полосками, а свои — в красный с белыми полосками. Теперь оставалось только сделать колчан.

— Разве у индейцев есть колчаны? — схитрил Сэм, которому уже хотелось поскорее кончить эту трудную работу.

— Конечно! Как же без них? — воскликнул Ян.

— А из чего они делаются? — спросил Сэм.

— Из березовой коры, из шкур, а если уже ничего другого нет, то из брезента.

Мальчики сшили себе колчаны из обрезков брезента. На каждом из них Ян нарисовал индейские узоры.

— Теперь попробуем наше оружие, — сказал Сэм.

И мальчики отправились в сад. Они нацелились в одно дерево, и оба промахнулись. Стрела Сэма вонзилась в ствол другого дерева и треснула.

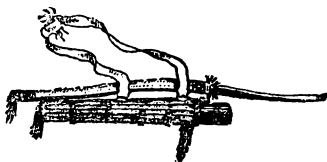
— Лучше бы мы стреляли в мягкое! — расстроился Сэм.

Посоветовавшись, они раздобыли большой старый мешок из-под зерна, набили его сеном и, нарисовав несколько колец вокруг бычьего, или, как сказал Сэм, бизоньего, глаза, поставили на расстоянии двадцати ярдов. Но, к их разочарованию, стрелы все время отлетали влево.

— Пойдем в сарай, может, там у нас получится, — предложил Сэм.

У Яна были выписки из «той книги», как стрелять из лука. Когда мальчики выучили правила настолько, что не думали о них, выстрелы их стали меткими. Отодвигая мишень, они вскоре уже без промаха стреляли на сорок ярдов.

Мальчики очень удивились, заметив, что стрелы, хотя и казались одинаковыми, имели каждая свой характер. Так, у Сэма была одна стрела, которая в полете описывала замысловатые зигзаги. Они про-

звали эту стрелу «Бумеранг». Другая, с коротким перышком, летела дальше всех и получила прозвище «Дальнобойная». Самую лучшую стрелу, с легким наконечником и длинным индюшиным пером, Сэм окрестил «Верная смерть». Была еще одна стрела, с маленьким перышком, не боявшаяся ветра. Ее имя было «Ветерок».

Ту, которую Ян вырезал ножиком, прозвали «Резная» или «Шутница». Эта стрела оставалась загадкой: никто не знал, как она полетит в следующий раз. Но любимицей Яна была стрела с желобком вокруг наконечника. Ее называли «Свисток», потому что она летала с удивительным свистом.

Х

П л о т и н а

Однажды жарким днем в начале июля, когда мальчики купались в обмелевшей реке, Сэм сказал:

— Воды в речке поубавилось. Она каждое лето пересыхает.

— А почему нам не сделать плотину? — предложил Ян.

— Ну, работы не оберешься...

— Вот еще! Зато все лето купались бы. Давай начнем, а?

— Первый раз слышу, чтобы индейцы устраивали плотины.

— А мы будем играть в бобров, пока строим! Смотри, это для начала, — сказал Ян и, взяв большой камень, подтащил его к тому месту, которое показалось ему самым узким.

Он так горячо взялся за работу, что скоро поперек русла возвышалась уже каменная стенка.

Сэм по-прежнему сидел на берегу, обхватив

ноги и уткнувшись подбородком в колени. Боевая раскраска стекала красными и голубыми ручейками по его груди.

— Иди помогать, а то совсем разленишься! — крикнул Ян и швырнул в Сэма пригоршню песка.

— У меня снова болит колено, — ответил Сэм.

Наконец Ян сказал:

— Я не собираюсь все делать один.

— Послушай, — вдруг оживился Сэм, — я кое-что придумал. Сюда к реке приходит на водопой стадо, а летом, когда река пересыхает, скот гонят к сараю и поят из лоханей. Давай положим два бревна поперек реки, вот и половина работы! Мы попросим отца, чтобы он дал нам лошадей перебросить бревна через реку. Тогда и скоту будет откуда пить. Знаешь, я только об этом и думаю, прямо ночи не сплю! Не могу смотреть, как в жару они плетутся на водопой к сараю.

Сэм решил ждать удобного случая, чтобы поговорить с отцом.

На следующее утро, за завтраком, мистер Рафтен, посмотрев на Яна, спросил его:

— Сколько нужно клеенки на пол, если комната двадцать футов длины и пятнадцать ширины?

— Тридцать три и одна треть ярда, — быстро сосчитал Ян.

Рафтен очень удивился, как можно с такой скоростью высчитать это в уме. Впервые на его лице было написано восхищение.

— Когда ты научишься так считать? — спросил Рафтен сына.

— Никогда, — спокойно ответил мальчик. — Зубному врачу нечего рассчитывать клеенку... Слушай, Ян, — вдруг шепнул Сэм, — лучше ты упроси отца. Он сегодня тобой доволен. Куй железо, пока горячо!

И после завтрака Ян отважился:

— Мистер Рафтен, река совсем пересыхает. Мы хотим устроить запруду, чтобы скоту было где напиться. Но нам нужно перекинуть два бревна через реку. Дайте нам упряжку лошадей на несколько минут.

— По-моему, тебе охота устроить пруд для купания, а? — добродушно спросил Рафтен.

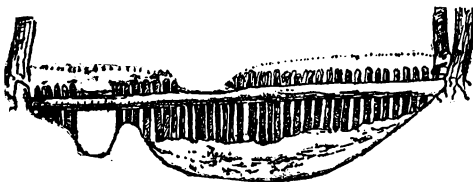
— Там и поплавать тогда можно, — покраснел Ян.

— Сдается мне, это Сэм говорит устами Яна, — хитро прищурился Рафтен. — Я сам посмотрю, пойдем.

— Где вы хотите строить плотину? — спросил Рафтен, когда они пришли к реке. — Вот тут? Плохое место. Течение очень быстрое, плотину скоро прорвет. Я вам покажу хорошее местечко, чуть повыше. А где ваши бревна? Эти? Я ж их заготовил для нового сарая! Сами без спросу ничего не берите. Я пришлю бревен.

Скоро упряжка лошадей приволокла на берег бревна, и, по просьбе Яна, они были уложены поперек течения на расстоянии четырех футов друг от друга. С внутренней стороны около бревен мальчики вбили колья, теперь промежуток между двумя «заборчиками» нужно было заполнить камнями и глиной. Эту часть работы мальчики сделали за неделю. Оставалось самое важное — закрыть перемычку в плотине. Мальчикам приходилось трудно: вода поднялась очень высоко, но они работали, как боры, и наконец все было закончено.

В ту ночь шел проливной дождь. На следующий день, идя по лесу, Сэм и Ян услышали глухой рев со стороны реки. Они остановились в нерешительности и прислушались. И вдруг Ян закричал:

— Плотина! Сэм, это вода бежит через нашу плотину!

С радостным криком мальчики бросились к реке. На том месте, где раньше проглядывалось каменистое дно, они увидели водную гладь; сильный поток с шумом катил вниз через оставленный проем. Радости мальчиков не было конца!

Все это было делом их рук! Через минуту оба барахтались в воде.

— Ну, разве не стоило потрудиться? — спросил Ян.

Он отлично плавал, и Сэм, глядя на него, сказал:

— Теперь я знаю, кто ты. От меня не скроешь! Я видел, как ты строил плотину. Ты краснокожий, по имени «Маленький Бобр».

— А я смотрю на тебя, — ответил Ян, — и думаю, ты, верно, и есть тот краснокожий, по имени «Бездельник, который бьется лопаты».

— Вовсе нет, — возразил Сэм. — Хотя я, конечно, и не «Храбрый — Орел — сидящий — на — скале — опустив — хвост — над — пропастью». А впрочем, все равно.

— Я слышал, Си на днях называл тебя Дятлом, — сказал Ян.

— Так меня в школе прозвали.

Когда после купания они уселись у костра, Ян сказал:

— Хочешь, Дятел, я расскажу тебе одну историю?

Сэм, усмехнувшись, приставил ладони к ушам, изобразив полное внимание.

— Случилось так, что одна индианка попала в плен к чужому племени. Ей удалось бежать. Она долго бродила по лесу и, не зная местности, заблудилась. Из оружия у нее был только нож, а пищей ей служили ягоды. Наступили холода, и она по-

строила себе вигвам из бересты, добыла огонь и смастерила лук с тетивой из шнурка мокасины. Она ловила силками кроликов и из их шкур сшила себе одежду. А весной ее нашел Сэмюэль Хирн, известный путешественник. Нож у нее почти стерся, но она сама была совсем здорова.

— Это очень интересно, — сказал Сэм, который внимательно слушал Яна. — Вот бы мне так пожить в лесу!.. Только с ружьем.

— Еще бы! Кто не захочет!

— Ну да! Не каждый сможет. А я бы справился.

— С одним ножом? Хотел бы я поглядеть, как ты сделаешь себе типи! — засмеялся Ян и серьезно добавил: — Знаешь, Сэм, ведь мы же в индейцев играем, хорошо бы нам и вправду делать все только из того, что мы в лесу добываем. Давай станем сэнгерскими индейцами. Ты будешь вождь, и я тоже, — добавил Ян, не желая предлагать себя в вожди или быть в подчинении у Сэма. — Я — Маленький Бобр. А ты?

— Кровавая Грозовая Туча.

— Это плохо. Надо покороче и чтобы можно было нарисовать и сделать тотем.

— Какой самый хитрый зверь?

— Росомаха, кажется.

— Хитрее лисы?

— В книжке написано, что хитрей.

— Она сладит с бобром?

— Наверное.

— Хорошо, тогда я — Росомаха.

— Нет. Я не могу дружить с тем, кто побьет меня. Оставайся Дятлом. Это больше тебе подходит. Дятел хорошее дерево испортит, кору продолбит.

— Ну, это лучше, чем бобровать! — отрезал Сэм.

Слово «бобровать» имело свою историю. В Сэнгере считалось величайшим достоинством умение обращаться с топором. У старых поселенцев топор был единственным инструментом. Говорили даже, что некоторые жители «чутьочку заточат топор и бреются им по воскресеньям».

Когда сын начинал самостоятельную жизнь, отец дарил ему хороший топор.

Чтобы надрубить дерево и повалить его в пужную сторону, необходимо знать много правил. И жители Сэнгера усваивали их чуть ли не с первого дня жизни. Бобры, как говорят, подгрызают дерево кругом, пока оно не свалится. Если дровосек неумело подрубал дерево, его занятие называли «бобровањем». И поэтому, если «работать, как бобр», считалось высшей похвалой, то «бобровать» дерево означало позор.

Потому-то насмешку Сэма мог оценить только житель Сэнгера.

XI

Т а й н ы т р а в

Как только представился удобный случай, Ян собрался к бабушке Невилль.

— Иди без меня, — посоветовал Сэм, — она на тебя и не взглянет, если мы придем оба. Ты слишком здоров на вид.

И вот Ян, к своему удовольствию, пошел один. Как он ни любил Сэма, его смущала болтливость приятеля, а главное, Сэм всегда прерывал разговор на самом интересном месте.

Ян захватил с собой записную книжку и карандаши, а по дороге нарвал букет цветов и трав. На этот раз старушка приняла его совсем иначе.

— Входи, входи! — заговорила она. — Как по-

живаешь, как поживает твоя мать с отцом? Садись и расскажи, что подделывает тот негодный мальчишка, Сэм Рафтен.

— Он уже выздоровел, — ответил Ян и густо покраснел.

— Еще бы! Конечно, он здоров! Я-то знала, что поставлю его на ноги, и сам он знал это, и мать его знала, потому и позволила идти ко мне. Она что-нибудь сказала?

— Нет, бабушка, ничего.

— Вот негодная! Спасла ее сына, хоть они и ограбили меня, так даже «спасибо» не сказала, бессердечная! А ты зачем пришел ко мне? Это что у тебя, цветы? Люди могут порубить деревья, но цветы-то уж каждой весной снова вырастают, мои красавицы!

Ян протянул ей букет. Она вытащила аронник и стала рассказывать:

— Вот это печаль-трава. Некоторые зовут ее индейской репой. А я слыхала, как дети называли ее Джек-на-подставке. Не вздумай брать ее корень в рот — жжет как огонь. Индейцы вываривают из нее яд, а потом уж съедают. Лучше, чем с голоду помирать... А вот синий когош. Я его называю «судорожный корень». Ничего нет лучше при судорогах. Его пьют, как чай... Погляди-ка сюда. — И старушка вытянула желтый цветок. — Это мокасиновое растение, а вот умбил или «успокаивающий корень». Помню, дочка Ларри не хотела идти служить и очень плакала, глупая. Я дала ей выпить настою из этого корня, все и прошло. Его надо вырывать до того, как он зацветет. Ведь сила должна стугиться в одном месте: или в цветке, или в корне. Я срываю его весной или осенью... А это еще что у тебя? Никак, заячья капуста? Наверняка шел мимо излучины. Она только там и растет.

— Да, — сказал Ян, — я там сорвал. Не спешите, бабушка, я хочу записать, что вы сказали про травы.

— Ну, у тебя целая книга наберется, — с гордостью сказала старушка, зажигая трубку. — Да к чему тебе это записывать? Ты лучше запомни.

Ян торопливо заносил в тетрадку все, что говорила старушка, но зарисовывать травы и коренья не успевал.

— А ты прилепи бумажки с названиями на самые корешки и спрячь их. Так делал доктор Кармартин, когда я его учила... Вот-вот, — кивнула она головой, когда Ян стал каждый стебелек обворачивать бумажкой с надписью.

— Ну и метла! — удивился Ян, увидав в углу символ порядка и чистоты.

— Она из бука. Ларри делает такие.

— А кто такой Ларри?

— Это мой мальчик. («Мальчику» было уже около шестидесяти лет.) Он делает их из синего бука.

— А чем? — спросил Ян, взяв метлу и пристально разглядывая ее.

— Ножом, конечно. Он мастер делать такие штуки. Возьмет черенок синего бука, настрогает на нем стружек, но не срезает их и ждет, пока они на конце завьются.

— Это как те палочки, которыми огонь разжигают, да?

— Вот-вот, как те самые, только здесь стружка подлиннее. Потом он выворачивает все стружки и связывает их кожаным ремнем. Никто лучше него не делал таких метел.

В эту минуту дверь открылась и вошла Бидди.

— Ян! Как хорошо, что ты пришел к нам! — обрадовалась девушка.

— Ты сегодня рано, — сказала старушка.

— Я шла другой дорогой, — ответила Бидди.

— Послушай, Бидди, давай оставим Яна обещать с нами. Правда, утки жареной мы не приготовили. Но голодным он от нас не уйдет. Бидди каждый день готовит мне обед, а иногда я и сама стряпаю. Накрой на стол, Бидди. А тебе я пока кое-что дам. — И старушка пошла к кровати, где среди серых простыней еще лежало полдюжины румяных яблок.

— Бабушка, а вы не боитесь ночевать здесь одна? — спросил Ян.

— Чего ж тут бояться? Один раз только разбойники заходили ночью. Я их спрашиваю: «Что вам от меня надо?» — «Деньги», — говорят. Это, значит, в округе болтали, что я свою корову продала. «Ну что ж, — говорю им, — я сейчас встану и помогу вам искать. Ведь я с прошлой осени больше цента в глаза не видела». — «Отдавай деньги, — твердят, — или убьем». — «Даже если бы вы попросили двадцать пять центов, — говорю, — и то ничего бы не дала. Нет у меня. Могу и смерть принять». И тут говорит один, ростом поменьше: «Разве ты не продала свою корову?» А я им: «Подите в сарай и посмотрите, там она. Только не люблю тревожить ее по ночам: шум подымет, заволнуется. Молоко плохое будет». И тут они оба как рассмеются! А низенький и говорит: «Послушай, бабка, мы тебя не тронем, только никому ни слова». Хотели идти, а я слышала — один из них кашлял очень. Дала ему выпить легочного бальзама. На прощание они мне еще сами доллар дали. Говорили, больше с собой не было.

— Бабушка, откуда индейцы краски берут? — спросил Ян, снова возвращаясь к тому, что его больше всего интересовало.

— Идут в магазин и покупают, как и мы, — ответила она.

— А до того, как стали продавать готовые краски, из каких растений они добывали?

— Из разных, мальчик. Есть красивый желтый цветок, растет он на полях и под заборами, «золотой дождь» называется. Индейцы кипятят в воде иголки дикобраза вместе с этими цветами. Вот посмотри на эту трипку, ее покрасили такой краской.

— А красную?

— У них нет по-настоящему красной краски. Они выжимают сок какой-то красной ягоды и кипятят его.

— Какие ягоды дают самый красный цвет, бабушка?

— Не думай, что только красные. Красную можно получить из черники и брусники и из многих других ягод.

— А из чего они получают синюю?

— Сама не знаю, милый. Много, наверное, всяких трав есть, только я не все видала. Зеленый цвет получишь из молодых побегов бузины. Коричневый — из коры ореха, черный — из коры белого дуба. Цвет, похожий на голубой, можно получить из индиго. Ну, а какого цвета в лесу нет, то, видно, и не нужен он.

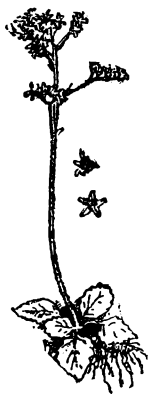
XII

Угощение

Тем временем Бидди, звонко шлепая босыми ногами по дощатому полу, хлопотала вокруг стола.

— Бабушка, а где скатерть? — вдруг спросила она.

— Нет, ты только ее послушай! — засмеялась старуха. — Будто не знает, что у нас скатерти и в

помине не было. Спасибо, хоть не голодные сидим, а она про скатерть заговорила!

— Чего тебе налить: чаю или кофе? — спросила Бидди.

— Чаю, — ответил Ян.

— Вот и хорошо! — обрадовалась старуха. — А то кофейное зернышко в последний раз я видела зимой. А чаю сколько угодно достанешь в лесу. Я тебя угощу кое-чем вкусеньким.

И старуха заковыляла в угол, где была привешена полка. Сняв оттуда старую коробку из-под сигар, она раскопала среди спичек, табачных крошек и пыли шесть кусочков сахара.

— Вот, хранила их для какого-нибудь хорошего гостя. Кушай на здоровье. — И старуха бросила грязно-серые комочки в стакан Яна. — Остальные положим тебе во вторую кружку. А сливок хочешь? — И она пододвинула к мальчику замусоленную банку с великолепными сливками. — Бидди, дай мальчику хлеба.

Бидди разрежала, очевидно, единственную булку на куски и несколько ломтиков положила Яну на тарелку.

— Масло, кажется, немножко прогоркло, — сказала старуха, заметив, что Ян не намазал хлеб.

Старуха снова проковыляла к полке и сняла старый стеклянный кувшин с отбитым краем. Там хранилось варенье.

— Вот, Ян, теперь ешь на здоровье. Да не стесняйся, у меня еще много варенья, — сказала радушно старуха, хотя видно было, что она выложила на стол все свои припасы.

Ян был страшно смущен. Он чувствовал, что добрая старушка, щедро угощая его, отдавала ему все, что у нее было, и понимал, как глубоко огорчится она, если он не отведаст этих яств. Пригодным для еды ему казался лишь один хлеб. Ян

откусил кусочек, но хлеб тоже никуда не годился.

— Попробуй вот этого, — сказала старуха.

И не успел Ян глазом моргнуть, как у него на тарелке уже дымилась горка горячего картофеля. Но, к несчастью, Ян видел, как старуха несла эту картошку в грязном фартуке, поэтому ему не хотелось даже смотреть на свою тарелку.

— Может, сварить тебе яйцо? — спросила Бидди.

— Да, да, пожалуйста! — обрадовался Ян. «Хоть это съем», — подумал он.

Бидди пошла в сарай и скоро вернулась с тремя яйцами.

— Как хочешь: всмятку или яичницу?

— Всмятку, — ответил Ян; он знал, что так будет надежнее.

Бидди оглянулась, отыскивая взглядом горшок.

— Там наверняка уже кипит, — сказала старуха, показав на какую-то посудину, в которой кипятилось белье.

Бидди положила туда яйца.

Ян молил бога, чтобы яйца не лопнули. Но два яйца все же треснули, и Ян получил одно. Это был весь его ужин.

Ян уложил свои растения и собрался уходить.

— До свиданья, мальчик. Приходи ко мне и приноси всякой травы, какую найдешь, — сказала старуха на прощание.

Вернувшись домой, Ян увидел, что на столе приготовлен для него обед, хотя время еды давно прошло.

— Садись, поешь, — ласково сказала миссис Рафтен. — Я тебе поджарю кусок мяса. Через пять минут он будет готов.

— Но я пообедал у бабушки Невилль, — сказал Ян нерешительно.

— Я знаю: она, наверно, мешала тебе чай одним пальцем, а варенье мазала на хлеб — другим? — грубовато спросил Рафтен.

Ян покраснел. Похоже было, что все знают, каким обедом его кормили. Но он горячо возразил:

— Она меня угостила чем могла и была очень добра ко мне.

— И все-таки ты бы поел, — озабоченно проговорила миссис Рафтен.

Как заманчиво было предложение отведать сочного зажаренного мяса! Ян был голоден, но не хотел сознаться в том и, оставаясь верным бедной бабушке, щедро угощавшей его, первый раз в жизни солгал:

— Нет, большое спасибо. Бабушка Невилль накормила меня досыта.

И, преодолевая голод, мальчик взялся за вечернюю работу.

XIII

Шпион

— Интересно, где Калек достал тот большой кусок березовой коры? — спросил Ян. — Хорошо бы и нам раздобыть такой для посуды.

— Наверное, в лесу Бернса. У нас здесь нет. Придется и нам туда отправиться.

— Ты попросишь у Бернса?

— Зачем? Кому нужна старая береза?

Ян колебался. Сэм взял топор.

— Пусть это будет нашей военной вылазкой. Бернс — враг отца!

Ян последовал за товарищем, глубоко сомневаясь в честности их поступка.

В лесу Бернса они скоро наткнулись на большое березовое бревно. Мальчики стали уже сдирать

с него кору, как вдруг вдали увидели высокого мужчину с мальчиком. Очевидно, они пришли на стук топора.

— Старый Бернс! — шепнул Сэм. — Бежим!

Схватив топор, мальчики бросились к изгороди. Им вслед неслись проклятья и ругань Бернса. Ему не жаль было березы — в то время лес не имел никакой цены, — но Рафтен перессорился со всеми соседями, и поэтому Бернс готов был раздуть целую историю из-за любого пустяка.

Его сынишка подбежал к изгороди и стал кричать:

— Рыжий! Рыжий! Рыжий вор! Попадись нам только еще!

— Бой не состоялся, скальпы спасены, — мирно сказал Сэм и положил топор на место.

— Потеряна только честь, — добавил Ян. — А кто этот мальчик?

— Это сын Бернса, Гай. Я его знаю. Дрянной парень! Вечно выпухивает и выслеживает. И страшный врун! В школе ему дали премию — большую щетку — за то, что он самый грязный из учеников. Мы все голосовали за это.

На следующий день мальчики повторили набег, но едва они стали сдирать кору, как где-то в кустах раздался громкий крик. Подражая голосу взрослого, Гай вопил:

— Убирайтесь отсюда! Вот я вас!

— Давай возьмем его в плен, Ян, а?

— И сожжем заживо!

Они бросились в ту сторону, откуда слышались крики, но появление самого Бернса заставило их пуститься наутек.

Мальчики еще не раз подходили к изгороди в следующие дни, но, как назло, где-то поблизости работал Бернс, и его сын вертелся тут же. Он был всегда настороже. Однажды издали Гай показал

жестами, что знает про все их дела: наверное, он успел побывать около типи. Сэм и Ян не раз видели, с каким интересом наблюдал Гай за их упражнениями в стрельбе из лука, но, как только он замечал, что его присутствие обнаружено, убегал в безопасное место и оттуда осыпал их насмешками.

Однажды мальчики пришли к своему лагерю в необычное время. И вдруг в кустарнике около типи Ян заметил босую ногу.

— Что это? — удивился Ян, нагнулся и схватил за пятку Гая Бернса.

Гай вырвался и бросился бежать со всех ног. Индейцы с грозными криками гнались вслед. Ян несся как стрела, и короткие толстые ноги Гая, хоть и подгоняемые страхом, не могли спасти его. Гая схватили и приволокли к типи.

— Пусти меня, Сэм Рафтен, пусти! — орал он.

— Первым делом надо его привязать, — сказал Сэм и взялся за веревку.

— Совсем не так, — поморщился Ян. — Надо вязать ремнями.

Кожаное дерево нашлось поблизости, и, несмотря на вопли пленника, индейцы хладнокровно привязали Гая к молодому зеленому стволу, который, как сказал Ян, дольше противится огню. Затем оба воина уселись, скрестив ноги, у костра, старший вождь закурил трубку мира, и они стали обсуждать дальнейшую судьбу пленника.

— Брат мой, — важно обратился Ян к Сэму, — как приятно слышать рев этого жалкого бледнолицего! (На самом деле его завывания уже трудно было переносить.)

— О да! — ответил Дятел.

— Пустите меня! — визжал пленник. — Отец с вас шкуру дерет за это!

— Сперва снимем скальп, потом сожжем. —

И Маленький Бобр сделал выразительные жесты руками.

Сэм согласно кивнул головой и, достав большой складной нож, принялся точить его на камне. Лезвие звенело — «дзи-ит, дзи-ит, дзи-ит!» — И Гай начал дрожать от страха.

— Брат Дятел! Дух нашего племени жаждет крови этой жертвы.

— Ты хочешь сказать: «Великий Вождь Дятел», — негромко поправил его Сэм. — Если ты не будешь меня называть вождем, я тоже тебя не буду так называть.

Великий Дятел и Маленький Бобр вошли в типи, заново раскрасили друг другу лица, поправили свои головные уборы и вернулись назад, чтобы начать казнь.

Дятел снова принялся точить нож, в чем уже не было никакой необходимости; просто ему очень нравился этот резкий и устрашающий звук: «Дзи-ит, дзи-ит!»

Маленький Бобр тем временем притащил охапку сухих веток и положил их перед пленником, но у Гая не были связаны ноги, и одним пинком он раскидал весь хворост. Оба вождя отскочили в сторону.

— Вот ты как! — вскричал свирепый Дятел. — Вяжи ему ноги, Брат мой, Великий Вождь Маленький Бобр!

Полоской коры ноги Гая были привязаны к стволу. Тогда Вождь Дятел приблизился с ножом в руке к пленнику и сказал:

— Великий Брат Вождь Маленький Бобр, если мы снимем с него скальп, то получим всего один скальп, и тогда тебе нечем будет похвастаться!

Но Ян быстро нашел выход из трудного положения:

— Великий Брат Вождь Красноголовый Дятел — сидящий — на — пне — и — помахивающий — хвостом, не скальпируй его! Сдери кожу с его глупой башки, и мы разделим ее пополам.

— Верно! — согласился Сэм. — Ты хорошо придумал, Брат Старый — Индейский — Вождь — Великий — Маленький Бобр — подгрызающий — деревья!

Вытащив кусок угля, Дятел с мрачным видом повернулся к пленнику, чтобы на его голове начертить полосу справедливого раздела. Маленький Бобр заметил, что он имеет право на одно ухо и половину макушки, наиболее ценной части скальпа. Тогда Дятел ткнул в хохолок на темени пленника и сказал, что это, по существу, вторая макушка и что этого будет вполне достаточно для младшего вождя. Индейцы довольно долго обсуждали, как лучше разделить трофей, и наконец пришли к обоюдному соглашению.

До этой минуты пленник держался еще довольно храбро. Он не переставал грозить, что пожалуется отцу, учителям и вообще всему свету. Наконец он пообещал рассказать все мистеру Рафтену. Последняя угроза заставила Сэма несколько призадуматься, и он с некоторым беспокойством спросил Яна:

— Великий Вождь, ты понимаешь язык этого вздорного болтуна? Что он говорит?

— Не понимаю. Наверное, он поет предсмертную песню.

Гай не был трусом. Он стойко держался, пока был уверен, что с ним играют. Но, когда уголек прочертил на его голове роковую линию, делившую скальп поровну между двумя раскрашенными чудовищами, и один из них, неутомимый Дятел, подойдя к нему с ножом, схватил его за волосы на макушке, Гай не выдержал и громко заплакал.

— Пожалуйста, не надо! Папа! Мама! — кричал он. — Пустите меня, я никогда больше не буду!

Он не сказал, чего не будет делать, но индейцам было ясно, что враг сдался.

— погоди, Великий Брат Вождь! — сказал Маленький Бобр. — У индейцев есть обычай не казнить и даже принимать в свое племя пленников, сильных духом.

— Если считать плач и вой силой духа, то в таком случае у него хватит этого на шестерых, — сказал Дятел.

— Давай разрежем путы, связывающие его, пусть он бежит к своему племени.

— Но лучше оставить его здесь на всю ночь, а утром обнаружить, что он убежал, — сказал Сэм.

Пленник, заметив, что его положение перестало быть таким угрожающим, наобещал индейцам всю березовую кору из своего леса и вообще все, на что он был только способен, если останется в живых. Он пообещал стащить самые лучшие яблоки из отцовского сада.

Маленький Бобр вынул нож и стал резать путы.

Наконец последняя полоска упала на землю. Подгонять Гая не потребовалось. Он молча понесся к изгороди, перебрался через нее и исчез.

После таких приключений ни один мальчишка больше не пришел бы к месту, где стояла типи, но Гай, хорошо знавший Сэма, скоро сообразил, что он напрасно испугался. Его разбирало любопытство, и однажды Ян и Сэм снова увидели убежавшего из их лагеря Гая.

Индейцы догнали его и приволокли назад. На этот раз Гай не бранился. Сначала вожди обсуждали, какой смерти его лучше предать: сжечь ли на костре или утопить в пруду. Затем они приступили к допросу. Но пойманный молчал. Что он делал в

лагере? Зачем пришел сюда? Ответа не было. Гай смотрел на них исподлобья.

— Давай завяжем ему глаза и вырежем гайяскутус у него на спине, — сказал Ян глухим голосом.

— Хорошая мысль, — согласился Сэм, хотя он имел о «гайяскутусе» такое же представление, как и пленник. — Не будь с ним жесток. Это умерит боль.

Неизвестное всегда страшит. В душу жертвы снова закрался страх. Уголки его губ задрожали, и слезы закапали из глаз.

— Почему ты не скажешь нам, зачем пришел сюда? — спросил Ян.

И вдруг плачущий пленник пробормотал:

— Я тоже хочу играть в индейцев...

Это чистосердечное признание застало мальчиков врасплох. Маленький Бобр встал и, обратившись к воображаемому совету, сказал:

— Великие Вожди сэнгерского племени! Этот бледнолицый выказал небывалое мужество, когда мы его пытали. Ни один из наших прежних пленников не был наделен столькими талантами. Я призываю вас принять его в наше племя.

Затем встал Дятел и сказал:

— О Вождь, мудрее которого только один человек в нашем племени! Все, что ты сказал, — правда, но тебе известно, что в наше племя может быть принят только человек с большими достоинствами? Он должен побороть воина нашего племени! Может ли он это?

— Нет, — ответил Гай.

— Обогнать нашего воина или стрелять более метко — может?

— Нет...

— Что же тогда он умеет делать?

— Я могу воровать арбузы... Вижу дальше всех

в школе... А если спрячусь, никто не отыщет. Много раз я следил из кустов, как вы строили типи и плотину. Я первым выкупался в вашем пруду! Потом я сидел в типи и курил ваши трубки, когда вас не было, и я слышал, как вы собирались идти к нам воровать березовую кору.

— Не вижу, где здесь благородство и сила духа, — сказал Сэм. — Ты принес подарки Старейшему Вождю племени?

— Я принесу столько березовой коры, сколько вы захотите. Ту, что вы ободрали, отец сжег. Но я вам другой принесу. И еще я стащу цыпленка.

— Намерения эти весьма благородны, — сказал Ян. — Принимаем его!

— Согласен, — сказал Вождь Дятел, — но помни, что мне по-прежнему принадлежит право на левую половину скальпа, включая ухо! Я могу потребовать ее в любую минуту. Скажи, Ян, то есть Маленький Бобр, ты ведь знаешь, какую нужно пройти церемонию, когда вступаешь в индейское племя?

— В разных племенах — разные обычаи. Но Солнечный Танец и Испытание Огнем устраивают чаще всего, и они ужасно трудные.

— Ну, а ты проходил эти испытания? — спросил Сэм.

— Еще бы! — сказал Ян, вспоминая сожженные на солнце плечи и руки. — Я выдержал их так, что все признали меня самым лучшим воином племени. — Он, правда, не пояснил, что был единственным человеком во всем племени. — И меня единогласно назвали «Пылающий Восход».

— Я тоже хочу быть Пылающим Восходом! — пропихнул Гай.

— Ты? Да еще неизвестно, подходишь ли ты вообще, Желтая Сельдь! Какое ты хочешь пройти испытание?

Гай предпочел Солнечный Танец. Он и до того был достаточно загорелым, поэтому, хотя он и плясал вокруг тиши в трусиках целый день, кожа его не обуглилась.

Когда солнце село, вожди собрались на совет.

Оглядев с ног до головы нового воина, Старейший Вождь мрачно покачал головой и сказал:

— Слишком неопытен, чтобы загореть как следует. Назовем его Молодой Веткой.

Напрасно Гай возражал. Отныне он стал Веткой и так должен был называться до тех пор, пока не заслужит более достойное имя.

Затем по кругу пошла трубка мира, и Гай был объявлен третьим вождем сэнгерских индейцев.

Гай был самым безобидным во всем племени, и, может быть, поэтому ему особенно нравилось раскрашивать свою круглую смеющуюся рожицу под свирепое лицо дикаря. Вот только глаза у него были выцветшего голубого цвета, а не черные, как у краснокожих. Свою растрепанную белобрывую голову он мог скрыть под пучками конского волоса, военная раскраска избавляла его от веснушек, и лишь белесые ресницы и блеклые пороссячи глазки ничем нельзя было подменить. Но Гай ни с кем не делился своим горем, потому что знал: проведая кто-нибудь из мальчиков об этом, он сразу получит новое имя — Пупсик, или Птенец, или какое-нибудь другое ужасное, совсем не индейское прозвище.

XIV

Ссора

- Знаешь, Ян, сегодня я малиновку видел.
- Это что-то новое! — недоверчиво сказал Ян.
- У нас она самая красивая птица.

— Ну, а колибри?
— Вот уж сказал! Она просто маленькая, но пе-
такая красивая.

— Теперь ясно, что ты ничего не понимаешь в
птицах, — возразил Ян. — Потому, что эти преле-
стные крылатые жемчужины одновременно и са-
мые маленькие и самые красивые среди всего пер-
натого мира. — Эту фразу Ян прочел где-то и удер-
жал в своей памяти.

— Фу! — сказал Сэм. — Совсем как в книжке!
А я видел сотни колибри у нас в саду и держу па-
ри, что малиновка гораздо красивее твоих колибри!
Она алая, как кровь, и горит словно огонь, а крылья
у нее черные. Бабушка Невилль говорит, что
индейцы называют ее Птицей войны, потому что,
где она пролетит, начинается война.

— А, так это кардинал, — сказал Ян. — Где ты
его видел?

— Да просто он слетел с ветки и уселся на
верхний шест типи.

— Надеюсь, у нас война не начнется... Вот бы
мне одного кардинала для чучела!

— Я выстрелил из лука, но ни стрелы, ни пти-
цы больше не видал. Это была моя лучшая стре-
ла — еще одна Верная Смерть.

— А ты отдашь мне стрелу, если я ее найду? —
спросил Гай. — Не веришь? Ну, а что ты дашь за
это? Смолу для жевания, ладно?

— Нет.

— Ну, хоть чуточку пожевать.

— Согласен.

— Держи свою старую стрелу, — вдруг сказал
Гай и вытащил ее из расщелины в дереве. — Я ви-
дел, как она ткнулась сюда.

Ранним утром индейцы, наведя на лица воен-
ную раскраску, вышли в обход. Они, конечно, были
вооружены луками и стрелами и поминутно вгля-

дывались в следы на тропе и вслушивались, нет ли поблизости врага.

Воины неслышно ступали своими мокасинами. Их загорелые тела скользили между огромными стволами древних деревьев, а пронизательные взоры впивались в каждый дрогнувший листок. Так, по крайней мере, говорится в записной книжке Яна.

Они шли очень тихо, и все-таки испугнули маленького ястреба. Вслед птице полетели три стрелы, но напрасно.

Ян взглянул на дерево, откуда метнулась птица, и воскликнул:

— Гнездо!

— По-моему, это просто шар из пуха, — возразил Гай.

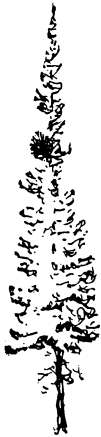
— Не выдумывай! — сказал Ян. — Мы же с этого дерева согнали ястреба.

Ян лазил лучше всех. Скинув головной убор и куртку, он стал быстро карабкаться по стволу, не обращая внимания на липкие смоляные капли, выступившие из коры.

Не успел Ян скрыться в нижних густых ветвях, как Гай предложил Сэму подшутить над Маленьким Бобром.

Они набили травой куртку и брюки Яна, надели головной убор вождя на чучело, стрелой пригвоздили его к земле, а сами удрали.

Добравшись до самой верхушки, Ян увидел, что воображаемое гнездо — это всего-навсего нарост, который часто бывает на пихтах. Ян окликнул товарищей, но никто не ответил, и он спустился вниз. Сначала чучело его насмешило, но, разглядев, что куртка его порвана, а стрела сломана, Ян расстроился. Приятелей нигде не было видно. В типи их тоже не оказалось. Посидев немного у костра, он пошел к плотине. Ян не заметил, как в типи про-

кralись Гай и Сэм. Вернувшись, он увидел, что они роются в его записной книжке и Сэм читает вслух:

Пустельга, пустельга — отважная птичка!
Ты...

В ту же секунду Ян выхватил тетрадку у него из рук.

— Готов спорить, дальше идет рифма «певичка», — сказал Сэм.

Лицо Яна пылало от стыда и гнева. Он любил писать стихи, но всегда скрывал это от других. Случай с храброй пустельгой, который он наблюдал тихим летним вечером, Ян описал в одном из стихотворений.

Гай, который был заодно с Сэмом, заметил безразличным тоном, словно сообщая какую-то всем известную вещь:

— Говорят, сегодня в лесах был убит бесстрашный хохлатый индеец?

Но Яну было не до шуток. Он догадался, что виной был Гай, и, обернувшись к нему, сердито сказал:

— Помолчи, ты!

— Я не тебе говорю, — ухмыльнулся Гай и последовал за Сэмом в типи.

Оттуда донесся тихий говор и смех. Ян пошел к плотине и принялся замазывать трещины. В типи все стихло, потом оттуда вышел Гай. Приняв театральную позу и обращаясь к дереву над головой Яна, он начал декламировать:

Пустельга, пустельга — отважная птичка!
Ты — чудесная певичка!

Глина была под рукой, и большой комок тут же полетел в насмешника. С громким визгом Гай помчался к типи.

— Тебя встречают цветами! — послышался голос Сэма. — Выйди и прими новые букеты. Ты их заслужил. Сообщи мне, когда начнут вызывать автора.

И снова раздался смех. Ян вконец рассердился. Он схватил толстую дубину и швырнул ее в типи. Сэм, приподняв противоположный край типи, выскользнул наружу. Гай хотел последовать за ним, но Ян настиг его.

— Пусти! Я ничего тебе не сделал! Сэм! Сэ-эм! Помоги! — кричал Гай, пока на него сыпались удары.

— Не мешай мне! — раздался голос Сэма. — Я пишу стихи! Это совершенно особое занятие. А Ян добрый, он тебя только немножко поучит.

Гай вопил и орал во все горло.

— Ты получишь еще, если вздумаешь открыть рот! — сказал Ян, и тут он увидел Сэма с записной книжкой в руках.

Заметив Яна, Сэм откашлялся и начал:

Пустельга, пустельга — отважная...

Но кончить он не успел: Ян кинулся к нему, и мальчики схватились не на шутку. Гай поспешил на помощь к Сэму и несколько раз стукнул Яна.

Ян был худой, но очень ловкий, да к тому же он сильно окреп за время своего пребывания в Сэнгере, а в школе научился приему борьбы, известному, может, со дня сотворения мира, — кидать противника через спину. Ярость придала ему силы, и, как только они схватились, Ян, выждав удобный момент, кинул Сэма вверх ногами в пыль.

Никто не заметил в пылу драки, что неподалеку стоял и наблюдал за ними Уильям Рафтен. Он скорее с грустью, чем с гневом следил за битвой, не потому, что его огорчила ссора мальчиков, -- нет, он слишком хорошо знал мальчишескую душу,

чтобы придавать этому значение; но он не мог смотреть спокойно, как его большой и сильный сын тернит поражение в равной борьбе с худым и болезненным на вид мальчиком.

Так ничего и не сказав, Рафтен повернулся и ушел.

XV

Примирение

В тот вечер мальчики избегали друг друга. Ян почти ничего не ел и на заботливые расспросы миссис Рафтен отвечал, что ему нездоровится. После ужина все остались сидеть за столом в каком-то дремотном молчании. Ян решил про себя, что Сэм расскажет все отцу, да к тому же приврет, а Гай его поддержит.

Пришел конец веселой жизни в Сэнгере, думал Ян. Он чувствовал себя, как преступник, ожидающий приговора. Среди всех присутствующих только маленькая Минни, сестренка Сэма, которой едва сравнялось три года, веселилась и громко болтала. Как и все дети, она очень любила говорить что-нибудь «по секрету».

Минни играла около Сэма. Он поднял ее и шепнул что-то на ухо. Она слезла с его колен, подошла к Яну, и, когда тот ласково взял ее на руки, девочка, обхватив его голову, шепнула: «Секрет, никому не говори». Соскользнув на пол, она приложила пальчик к губам.

Что это должно было значить? То ли Сэм подслал ее или она, как обычно, повторила свою излюбленную игру? Ласка ребенка отогрела сердце Яна, и, прижав девочку к себе, он тихонько сказал: «Нет, Минни, я никому не скажу».

Яну вдруг стало стыдно за свои глупые мысли.

Сэм был ему хорошим товарищем. Скорей бы с ним помириться! Но нет, Сэм в пылу ссоры грозился выгнать его. Просить прощения Ян не мог.

Ян сталкивался с мистером Рафтенем несколько раз в этот вечер, но тот ничего не говорил мальчику. Ян плохо спал и встал рано. Он встретил Рафтена одного, точнее — постарался сделать это. Ему очень хотелось откровенно поговорить с хозяином. Но разговор не состоялся. За завтраком Сэм вел себя, как обычно, хотя по-прежнему не смотрел в сторону Яна.

Губа у него распухла, и он объяснил, что дрался накануне с мальчишками.

После завтрака Рафтен сказал:

— Ян, поедешь со мной в школу.

«Вот и конец», — подумал Ян, так как школа была по дороге к станции. Только почему же Рафтен не сказал «на станцию»? Он обычно не путал слова... Да и не было сказано, чтобы Ян захватил с собой вещи. Да их и куда было класть в легкой коляске.

Рафтен правил молча. Через некоторое время он наконец спросил:

— Послушай, Ян, кем тебя хочет сделать отец?

— Художником, — ответил Ян, никак не понимая, какое это имеет отношение к его отъезду.

— Разве художнику нужно образование?

— Конечно! Чем образованней, тем лучше.

— Верно, об этом я все время твержу Сэму! Поэтому ты и считать умеешь. А художники много зарабатывают?

— Да. Некоторые даже миллионы получают.

— Миллионы? Ну, не думаю. Ты, наверное, преувеличиваешь...

— Честное слово! Вот художник Тёрнер¹ на-

¹ Тёрнер Джозеф Мэллорд Уильям (1775—1851) — выдающийся английский живописец.

жил миллион. Тициан¹ жил во дворце, и Рафаэль² тоже.

— Вон как! Ничего о них не слышал. Может, и верно. Образование много значит! Я всегда говорю об этом Сэму...

Они подъезжали к школе. Несмотря на летние каникулы, дверь школы была открыта, и на крыльце стояли два седобородых старика. Они кивнули Рафтену. Это были члены правления школы. Один из них — Бойл, пользовавшийся наибольшей популярностью у населения Сэнгера, другой — Мур, последний бедняк, но прекрасной души человек, а Рафтена выбрали в попечители, зная, что он никаких денег не пожалеет на школу.

В этот день они собрались, чтобы обсудить постройку нового школьного здания. Рафтен вытащил целую кипу бумаг, среди которых было также разрешение из департамента народного образования. В разрешении говорилось, что половину средств на строительство должен был изыскать местный школьный округ, а другую половину расходов брал на себя департамент, если будут соблюдены все условия. Главным из них было — сделать школьное здание просторным и светлым. Но как могли малограмотные члены правления школы выполнить это требование? Обратиться в департамент за расчетами было неловко, а учитель находился в отъезде. И вот Рафтен блестяще разрешил эту труднейшую математическую проблему: он взял себе в помощники храброго худенького мальчика со смысленными глазами.

— Ян, — сказал он, протягивая ему двухфут-

¹ Тициан Вечеллио ди Кадоре (1477—1576) — великий итальянский живописец эпохи Возрождения.

² Рафаэль Санти (1483—1520) — великий итальянский художник и архитектор.

вую линейку, — можешь ли ты сказать, сколько футов воздуха приходится в этом классе на каждого ученика, если все места заняты?

— Кубических футов?

— Погоди, — сказал Рафтен.

И вместе с Муром он стал водить огромным пальцем по засаленным документам.

— Да, да, кубических футов, — решили они наконец.

Ян быстро измерил длину, высоту и ширину комнаты. Трое взрослых с благоговением следили за его уверенными действиями. Потом Ян сосчитал, сколько в классе мест, и сказал:

— Включать учителя в расчет?

Попечители обсудили этот вопрос и решили, что все-таки стоит.

— Пожалуй, он расходует воздуха вдвое больше ученика!

Ян сделал несколько подсчетов на бумаге и сказал:

— Двадцать футов.

— Посмотрите! — сказал Рафтен с гордостью. — Совпадает с расчетами самого инспектора. Я же говорил вам, что он справится! Теперь давайте поглядим проект здания.

И они углубились в новые бумаги.

— Ян, а сколько надо воздуха, если учеников вдвое больше, учитель один, а помещение вот такое?

Ян подумал минутку и сказал:

— Двадцать пять футов на каждого.

— Ну! — загремел Рафтен. — Разве я не говорил вам, что этот негодяй архитектор вместе с подрядчиком хотят обмануть нас! Думают, что мы невежды! Шайка разбойников!

Ян взглянул на план, которым яростно размахивал Рафтен.

— Погодите! — вдруг сказал мальчик таким тоном, каким он раньше никогда не говорил с Рафтенном. — Нужно еще высчитать приходящую и разделку.

Он сделал новые подсчеты и сказал, что план департамента вполне правильный. В глазах Бойла вспыхнул злорадный огонек. Рафтен, казалось, был разочарован, не найдя никакого мошенничества.

— Теперь скажи, Ян: в прошлом году оценочный сбор составлял двести шестьдесят пять тысяч долларов, и мы решили внести в школьный фонд по одному доллару на каждую тысячу; в этом году сбор увеличен до двухсот девяноста одной тысячи четырехсот долларов. Каков же будет школьный налог, считая так же по доллару?

— Двести девяносто один доллар сорок центов, — ответил без колебания Ян.

Попечители переглянулись в изумлении.

Это был настоящий триумф Яна. Даже старый Бойл улыбнулся, а Рафтен, тот прямо сиял, словно в этой победе была и его доля.

С тех пор Рафтен смотрел на Яна как-то по-особенному. Ян только однажды видел на его лице такое выражение: когда он пожимал руку известному боксеру, победившему в трудном матче.

На обратном пути Рафтен говорил с Яном, как со взрослым, о своем сыне. Он долго обсуждал с ним свою излюбленную тему — образование. Ян не знал, что, увидев своего рослого сына побежденным, Рафтен нашел лишь одно слово себе в утешение: «образованный...»

Итак, Рафтена нечего бояться. Но как быть с Сэмом? Яну очень хотелось помириться, но это становилось все труднее и труднее.

Как-то покормив свиней, Сэм поставил лохани на землю. Тут откуда-то выбежала Минни. Увидав неподалеку Яна, она крикнула мальчикам:

— Сделайте стульчик! Покатайте меня!

Сэм и Ян робко взялись за руки. Малышка обхватила ручонками их за шею и притянула их головы друг к другу. И тут Сэм, улыбнувшись, сказал:

— Знаешь, Ян, давай помиримся!

— Я давно хотел, — запинаясь, проговорил Ян. — Я очень виноват. Прости меня!

— Пустяки! — ответил Сэм. — Это все из-за Гая получилось. Не будем вспоминать. Только никак не пойму — я же сильнее и больше тебя и вещи поднимаю тяжелые и работу потруднее твоей сделаю, а ты меня, будто мешок со стружками, швырнул! Ты научи меня, ладно?

В ЛЕСАХ

I

Здравствуй, лес!

— Вы, кажется, теряете много времени на свои путешествия в лагерь и обратно. Почему бы не остаться там совсем? — как всегда равнодушно, сказал Рафтен, и было непонятно, говорит он серьезно или в насмешку.

— Да мы бы только рады были, — ответил сын.

— Так что ж вам мешает? На вашем месте я бы переселился туда насовсем.

-- Хорошо, — протянул Сэм. — Мы обязательно уйдем в лес.

— Только помните, мальчики, — сказал Рафтен: — каждый день вы должны кормить и поить скот.

— И это ты называешь переселиться насовсем — каждый день являться сюда на работу?

— Нет, Уильям! — вмешалась миссис Рафтен. — Какие же это каникулы? Так нельзя! Кто-нибудь сделает за них работу. Пусть отдыхают целый месяц.

— Месяц? Многовато.

— Почему не дать им отдохнуть хорошенько?
— Ну что ж, через месяц уборка. Вам придется поработать как следует. Ладно, можете идти.

— Ура! — закричал Сэм.

— Но я еще не кончил, — перебил мистер Рафтен.

— Отец, дай нам твое ружье! — снова вставил Сэм.

— Послушай меня лучше! Вы пойдете в лес на две недели. Но это насовсем. Никаких почевок дома. Ружья и спичек я вам не дам. Не хочу потом слушать ваши отговорки: «Не знали, что ружье заряжено», поэтому перебили всех птиц и белок, да и друг друга заодно. У вас есть луки и стрелы. Можете взять что хотите — хлеб, мясо. Готовьте себе пищу сами. И смотрите не подожгите лес! Если я увижу пожар, приду с ремнем, и вам несдобровать.

Все утро продолжались сборы. Руководила ими миссис Рафтен.

— Кто же из вас будет поваром? — спросила она.

— Сэм!.. Ян!.. — выпалили мальчики в один голос.

— По очереди, — сказала миссис Рафтен: — день Сэм, день Ян.

Потом последовали и наставления, как готовить кофе, варить картошку, жарить мясо.

— Приходите за молоком каждый день или через день, — сказала миссис Рафтен.

— Нет, мы лучше будем доить коров тайком прямо на пастбище! — придумал Сэм. — Так будет по-индейски.

— Берегитесь, если я поймаю вас около коров! — сердито проворчал мистер Рафтен.

— Можно нам рвать в саду вишни и яблоки? — спросил Сэм.

— Берите сколько хотите.

— А картофель?
— Можно.
— А яйца?
— Только не жадничайте.
— А пряники из кладовой? Индейцы их любят.
— Нет, хватит! Пора и честь знать! Так вы перетаскаете все наши запасы. У вас уже много всего: и постели, и сковородки, и еды полно.
— До болота придется везти на тележке, а потом по меченой тропе на своих спинах, — сказал Сэм.

— Дорога идет вдоль реки, — сказал Ян, — давай сделаем плот, погрузим на него и доплывем до заруды. Это будет по-индейски.

— Из чего вы сделаете плот? — спросил Рафтен.

— Сколотим кедровые бревна, — предложил Сэм.

— Никаких гвоздей в моем плоту! — сказал Ян. — Так индейцы не делают.

— А я не разрешаю брать мои кедровые бревна, — сказал Рафтен. — Мне кажется, что и работы меньше, да и по-индейски будет, если просто взять все на спину и идти пешком. И постель свою не замочите.

Плот решили не делать и пожитки свезли к реке, откуда начиналась дорога в лагерь. Рафтен пошел проводить мальчиков.

— Дайте мне тоже что-нибудь понести, — сказал он, к большому удивлению ребят, и взвалил на свои широкие плечи добрую половину груза.

Тропа тянулась всего на двести ярдов, и было достаточно два раза сходить туда и обратно, чтобы перенести все.

— Ты, наверное, не прочь и остаться с нами, а, папа? — спросил Сэм.

— Все это мне напоминает первые дни в Сэнге-

ре, — задумчиво сказал Рафтен. — Сколько ночей провели мы вместе с Калебом Кларком на берегу реки! Тогда вокруг был еще густой лес... А вы знаете, как устроить постель?

— Нет, мы ничего не знаем, — сказал Сэм, подмигнув Яну, — покажи нам.

— Вот поучитесь, как надо. Где топор?

— У индейцев нет топоров, — сказал Ян. — У нас есть большой и маленький томагавки¹.

Рафтен усмехнулся, взял большой томагавк и указал на пихту:

— Вот вам будет славная постель, — и двумя ударами повалил дерево.

Скоро рядом с пихтой лежал молоденький ясень, из которого Рафтен нарубил четыре жерди: две — по семь футов в длину, и две — по пять. Из белого дуба Рафтен выстругал четыре колышка.

— В каком месте будет ваша постель? — спросил Рафтен и вдруг, словно его осенила какая-то мысль, сказал: — Может, не хотите, чтобы я вам помогал? Будете все делать сами?

— Нет, нет, мистер Рафтен! — живо воскликнул Ян. — Мы очень рады вашей помощи. Мы же не знаем, как надо это делать! Кажется, в книге было написано, что лучшее место для постели — напротив двери и чуть-чуть в сторону. Давайте поставим ее сюда.

Рафтен вбил в землю колышки и поместил на них четыре жерди, которые составили основу для постели. Ян принес охапку зеленых веток, и Рафтен уложил их на раму. Получилась плотная, мягкая постель в фут толщиной.

— Вот, — сказал Рафтен, — это и есть настоящая индейская перина — мягкая и удобная. Спать на земле опасно. Теперь достаньте парусину, кото-

¹ Томагавк — боевой топорик североамериканских индейцев.

рую мать вам положила. Из нее сделаете полог над кроватью.

Ян стоял не шевелясь, чем-то недовольный.

— Взгляни на Яна, отец! — сказал Сэм. — У него всегда такой вид, если нарушают правила игры.

— Что случилось? — спросил Рафтен.

— Первый раз слышу, чтобы у индейцев в палатке были пологи, — сказал Маленький Бобр.

— А слышал ли ты, что индейцы устраивают «покрышку от росы»?

— Да, — удивленный познаниями Рафтена, ответил мальчик.

— Вот погляди, как ее надо делать, — сказал Рафтен.

Уходя, Рафтен повернулся к мальчикам и сказал серьезным тоном:

— Можете стрелять ястребов, ворон и соек, потому что они истребляют других птиц. Зайцев и енотов тоже разрешаю. Но не вздумайте убить белку или бурундука. Тут уж вам несдобровать!

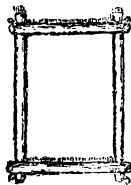
II

Первая ночь и первое утро

Странное, незнакомое чувство охватило мальчиков, когда они увидели спину удаляющегося мистера Рафтена. Наконец шаги его замерли, и только тогда Ян и Сэм действительно поняли, что они остались в лесу совсем одни.

— Огня! — сразу крикнул Сэм.

Ян взял зажигательные палочки, и через минуту в типи пылал костер. Сэм принялся готовить ужин из «бизоньего мяса и луговых кореньев» (говядина с картофелем). Они мирно поели и уселись

друг против друга около костра. Разговор не клеился, а затем и вовсе увял. Каждый был занят собственными мыслями.

Вдруг с речки донесся всплеск.

— Наверное, выхухоль, — шепнул Сэм, отвечая на безмолвный вопрос друга.

Вдалеке послышался знакомый мальчикам крик: «Уху-ху! Уху-ху!» Это была сова. Внезапно над головой в ветвях раздался долгий вой.

— Что это?

— Не знаю, — был ответ.

Обоим снова стало не по себе. Свет меркнул, сгущались сумерки, и таинственность ночи угнетала мальчиков. Но ни один не предложил вернуться домой: тогда их лагерной жизни настал бы конец. Сэм поднялся, помешал огонь и, не найдя больше хвороста, вышел из типи, буркнув себе что-то под нос. Лишь долгое время спустя он признался, что ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы выйти в темноту.

Сэм принес несколько веток и прикрыл за собой дверь поплотнее. В типи снова весело затрепал огонь. Костер стал немного дымить, и Сэм сказал:

— Ты можешь поправить дымовой клапан, у тебя это лучше получается.

Ян заставил себя вылезти из типи. Ветер крепчал и дул теперь с другой стороны. Ян переставил шесты и спросил хриплым шепотом:

— Ну как?

— Получше, — послышался такой же шепот из типи, хотя костер дымил по-прежнему.

Ян поспешно влез в палатку и накрепко привязал дверь.

— Давай подбросим хворосту в огонь и ляжем спать, — сказал Ян.

Мальчики скинули куртки и улеглись, но сон не приходил. Особенно был взбудоражен Ян. Толь-

ко огонь слегка успокаивал. Глаза сонно смыкались, но при малейшем шорохе Ян вздрагивал. С крыши вдруг послышалось: «Тик-тик, скрап-скра-ап!» «Медведь!» — спросонок подумал Ян, но тут же сообразил, что это просто лист царапает брезент типа. Немного позже он проснулся от непонятного шуршания, которое раздавалось совсем рядом. Затаив дыхание, Ян прислушался. Это, наверное, скреблась мышь. Ян с силой ударил по брезенту и зашикал, пока зверек не убрался. Где-то в верхушках деревьев снова пронесся странный вой. У Яна просто волосы стали дыбом. Он протянул руку и пошевелил огонь. Но вот все стихло, и Ян опять задремал. Проснулся он внезапно и увидел, что Сэм сидит на постели и прислушивается.

— Что там, Сэм? — прошептал он.

— Не знаю. Где топор?

— Тут, рядом.

— Я его положу около себя, а ты возьми большой нож.

Наконец сон совсем сморил их, и они уж больше не просыпались до самого утра. Ян открыл глаза, когда яркое солнце наполнило типи рассеянным светом.

— Дятел, Дятел! Вставай! — весело кричал Ян своему спящему другу.

Сэм лениво отмахнулся, хотя и помнил отлично, где он находится.

— Сэм, вставай. Ты сегодня повар и подашь мне завтрак в постель. Похоже, у меня опять разболелось колено.

— Давай поплаваем перед завтраком!

— Нет, спасибо. Я сейчас очень занят! Да к тому же утром вода холодная.

Утро было свежее и солнечное; кругом пели птицы. Когда Ян встал, чтобы самому приготовить завтрак, он никак не мог понять, что страшило их

прошлой ночью. Ему хотелось снова услышать тот странный вой, чтобы узнать, откуда он доносился.

В золе нашлось несколько тлевших угольков. Ян раздул огонь, и через минуту в котелке кипела вода, а на сковородке жарилось мясо.

Сэм лежа наблюдал за товарищем, то и дело отпуская всякие шуточки.

— Повар из тебя выйдет превосходный, но огонь развести ты не можешь. Куда это годится? — спросил он, когда из костра прямо на брезент с треском полетели искры.

— Что же мне делать?

— Ставлю лучшую отцовскую корову против твоего складного ножа, что ты бросил в огонь вяз или тсугу.

— Да, — смущенно признался Ян.

— Сын мой, — сказал Великий Вождь Дятел, — искры могут спалить типи. Береза, клен, орешник и ясень никогда не дают искр. Сучки и корни сосны тоже, но зато они дымят так, что... ну, ты знаешь сам, как они дымят! Вяз, тсуга, каштан, ель и кедр страшно сыплют искрами; эти породы не подходят для порядочных людей. Большинство индейцев не выносят огня, который трещит и шипит: это может услышать враг. И потом, такой огонь спалит постель!

— Хорошо, дедушка, — сказал повар, запомнив все, что сказал Сэм, и добавил угрожающим тоном: — А теперь вставай, слышишь! — И он поднял ковш с водой.

— Это могло бы напугать Великого Дятла, если бы у Великого Вождя Повара была отдельная постель! Так что мне остается лишь презрительно улыбнуться, — важно закончил Сэм свою тираду.

Увидав, что завтрак поспел, он быстро вскочил. Мальчики весело поели и долго смеялись над своими ночными страхами.

*Хромой воин и „книжка
посетителей“*

— Послушай, Сэм, как насчет Гая? Может, позвать его?

— Давай. В школе или где-нибудь еще я бы не стал дружить с ним, но в лесу становишься добрее и втроем лучше, чем вдвоем. И потом, мы же приняли его в наше племя.

— Я тоже так думаю. Пусть он услышит наш крик.

Мальчики издали долгий, пронзительный крик, чередуя его с более обыкновенными звуками. Это был их условный зов, на который всегда приходил Гай, если только он не был занят работой и поблизости не оказывалось отца, чтобы удержать его от бегства к индейцам. И сейчас он не замедлил явиться, размахивая веткой над головой в знак своих дружеских намерений.

Гай шел медленно, и мальчики заметили, что он сильно хромает, опираясь на палку, а левая нога его обмотана тряпками.

— Эй, Ветка, что случилось? Никак, у тебя была стычка с бледнолицыми?

— Нет. Это я, вместо того чтобы сгребать траву, катался на граблях верхом. Вот мне и попало от отца.

— Слышали. Когда это было?

— Вчера около четырех.

— Вот-вот! Мы слышали страшный вой, и Ян сказал: «Дневной поезд пришел. Кажется, опоздал сегодня». — «Какой там поезд, — говорю я, — скорее всего, это Гаю задали порку».

— У меня, наверное, все прошло, — сказал Боевой Вождь Ветка и стал разматывать повязку, под которой обнаружилась всего-навсего легкая

парапина. Он бережно отложил тряпки в сторону и сразу перестал хромать.

Как чудесно было вставать на рассвете! В ветвях резвились белки, кругом пели птицы, а на маленьком пруду, куда индейцы убежали купаться, дикая утка плеснула по воде крыльями и, со свистом рассекая воздух, скрылась из виду.

— Что ты там нашел? — спросил Сэм, увидав, как Ян внимательно разглядывает что-то на берегу.

Ян не отвечал, и Сэм, подойдя, заметил, что тот старательно перерисовывает след, отпечатавшийся в грязи.

— Что это? — снова спросил Сэм.

— Не знаю. Слишком широкий для выхухоли, слишком когтистый для кошки, маловат для енота и слишком много пальцев для ондатры.

— Уж не приходил ли сюда б́анши? ¹

Ян только улыбнулся в ответ.

— Смейся, смейся! — важно проговорил Дятел. — Посмотрим, что ты будешь делать, если он влезет в типи и засвистит в свистульку на своем хвосте! Тогда завопишь: «Где топор?»

— А знаешь, по-моему, это куница, — не обращая внимания на угрозы Сэма, сказал Ян.

— Сын мой Маленький Бобр! — довольным голосом начал Дятел. — Я уже давно понял, что это след куницы, и хотел тебе подсказать, но потом подумал: «Ничто так не закаляет человека, как поиски. Пусть он сам решит. Не годится помогать ему во всем».

С этими словами Сэм снисходительно похлопал по плечу Великого Маленького Бобра и одобрительно кивнул. Он и наполовину не разбирался в следах так, как Ян, но продолжал болтать:

¹ Б́ а н ш и — лесной дух, сходный с лешим русских поверий

— Маленький Бобр! Ты отлично читаешь следы и скажешь по ним сразу, что происходило ночью. Быть тебе следопытом в нашем племени! Но соображаешь ты плохо. Земли, которыми владеет наше племя, каменисты или покрыты травой, и следы могут отпечататься только на берегу реки. Если бы я стал следопытом, то начало и конец тропинки я бы замазал глиной.

— Здорово ты придумал, Сэм! Мне даже и в голову не пришло.

— Сын мой, думать умеет только Великий Вождь Дятел, а чернь — ты и Ветка — исполняет приказания.

Мальчики принялись за работу. Они расчистили тропинку и покрыли ее толстым слоем черной глины, потом в четырех местах на берегу устроили такие же небольшие площадки, которые одним концом примыкали к лесу, а другим — к кустарнику Бернсов.

— Вот, — сказал Сэм, — теперь у нас будет такая же книга для посетителей, какую завел Фил Лири, когда выстроил себе кирпичный дом. Каждый, кто приходил к нему, записывал, если только умел писать, что-нибудь вроде о «Счастливейшем и незабываемом посещении». В нашей книге будет расписываться каждый, у кого есть ноги.

— Давайте сделаем такую же около типи, — предложил Ян.

Потом мальчики разулись, каждый отпечатал след своей босой ноги, и Ян срисовал их к себе в записную книжку. Все три следа были совсем разные.

— Вы разве ночуете здесь? — удивился Гай, заметив в типи постель и котелки.

— Да.

— Я тоже хочу с вами! Если папы не будет, я убегу из дому.

— Да ты только скажи отцу, что старый Рафтен выгнал тебя, так он сам приведет тебя сюда!

— Мы, пожалуй, уместимся все трое на этой постели, — заметил Третий Боевой Вождь.

— А по-моему, не уместимся, — сказал Великий Вождь Дятел. — Ведь Вождь Ветка получил первый приз в школе как самый большой грязнуля. Ты можешь сделать себе отдельную постель, с другой стороны костра.

— А я не знаю, как.

— Мы тебе покажем, только принеси еды и одеяло.

Скоро мальчики устроили еще одну постель, но Ветка все не уходил. Только когда солнце село, Гай снова обмотал себе ногу и заковылял домой, сказав, что скоро придет. Но мальчики знали, что не увидят его до завтра.

После ужина они долго гадали, повторятся ли их ночные страхи. Где-то в ветвях заухала сова. Мальчики сидели у огня до позднего вечера, потом легли спать, решив, что им теперь ничего не страшно. Они уже почти уснули, когда по лесу пронесся дикий рев, словно кричал «волк с большой глоткой», и вслед за ним послышались какие-то отчаянные вопли. Мальчики в ужасе вскочили. Вдруг совсем рядом раздался топот ног, и с громким криком «Сэ-эм!» — кто-то стал рвать дверь типи. Через секунду к мальчикам влетел до смерти перепуганный Гай.

Снова развели костер. Немного успокоившись, Гай рассказал. Отец отослал его спать, а когда в доме все стихло, он взял с собой одеяло и вылез через окно. Около типи Гай вздумал было поковылять волком, чтобы напугать мальчиков, но сам испугался своего воя, а когда вдобавок откуда-то с верхушек раздался ответный трубный зов, он в ужасе

бросил свои пожитки и с криком о помощи пустился бежать.

Мальчики зажгли ветки и отправились на поиски утерянных вещей. Одеяло нашли неподалеку. Вернувшись, они устроили Гаю постель, и через час типи погрузилась в молчание.

Утром первым встал Сэм. Обследовав «книгу посетителей» около типи, он крикнул:

— Ян, иди сюда!

— Это ты меня зовешь? — недовольно спросил Ян.

— Да, Великий Вождь! Кто-то приходил к нам ночью. Вот следы.

— Чьи они, по-твоему?

— Вот эти — от сапог отца, а это — от башмаков матери. Я хорошо знаю их следы. Давай поглядим, откуда они.

Следы вели от дома Рафтенов к типи и обратно. Поздно вечером отец с матерью, видно, приходили проверить, все ли у ребят в порядке. Послушав ровное дыхание спящих, родители тихонько ушли назад.

На следующее утро совет племени постановил, чтобы Третий Вождь Ветка был поваром и приготовил завтрак. Гай что-то бурчал себе под нос, когда его заставили хорошенько умыться. Он принялся стряпать с большим рвением, которого, правда, едва хватило на час. Потом он уже не находил в этом никакого удовольствия и, видно, понял, как много для него делается дома.

К обеду Гай поставил грязные тарелки и объяснил, что если их не путать, то ничего страшного в этом нет. Он пожаловался, что его снова беспокоит нога, но, когда все трое отправились на охоту, Гаю сразу полегчало.

— Смотрите, красная птичка! — крикнул он, увидав на ветке кардинала, сверкавшего на солнце

красочным оперением. — Я его сниму первой стрелой! — И он схватился за лук.

— Послушай ты, Деревянная Голова, — сказал Сэм, — не вздумай стрелять певчих птиц! Это плохая примета. Очень плохая. Она принесет нам беду. А беды страшнее, чем отцовский ремень, я не знаю.

— Какая же радость играть в индейцев, если нельзя стрелять? — спросил Ветка.

— А ты стреляй ворон, галок, если хочешь. Можешь сурков...

— Я знаю, где живет сурок, большой, как медведь! — сказал Гай.

Ян и Сэм расхохотались.

— Смейтесь, смейтесь! — сказал Гай. — У нас в поле, где растет клевер, сурок вырыл такую нору, что в нее провалилась косилка и папу отбросило так далеко, как отсюда до реки!

— А лошади выбрались из норы?

— Выбрались! Только косилка сломалась. Вы бы послушали, как отец ругался! Он обещал четверть доллара, если я поймаю сурка. Я поставил у норы капкан, но хитрый зверюга каждый раз делал себе новый ход.

— И он все еще живет у вас в поле? — спросил Второй Боевой Вождь.

— Наверное. Он уже половину клевера съел.

— Давайте поймаем его! — сказал Ян.

— Я как-то его видел. Большой, как теленок, старый уже, весь седой.

— Хорошо бы пристрелить его! — сказал Дятел. — За ним стоит поохотиться. Может, тогда твой отец даст каждому по четверти доллара?

— Плохо ты знаешь моего отца, — ухмыльнулся Гай.

Мальчики пошли на поле, где рос клевер.

— Ну, где же твой сурок? — спросил Сэм.

- Тут.
— Я его не вижу.
— Но он здесь всегда сидит!
— Только не сейчас.
— Это первый раз, что его не видно. Наверное, нас испугался. Он большущий, выше того пня!
— Вот его след, — сказал Дятел, показывая на следы, которые он только что незаметно сделал рукой.
— Ну! — обрадовался Ветка. — Что я говорил!
— Правда! А коров он у вас не таскал? И как это вы не боитесь жить с ним рядом!

IV

„Битва“ с бледнолицыми

— Я знаю, где лежит срубленная береза. Кому нужна кора?

— Мне, — сказал Маленький Бобр.

— Нет, пожалуй, сейчас не выйдет. Дерево лежит как раз около кустарника, а там отец ходит.

— Если мы хотим устроить настоящий набег, надо напасть на поселение бледнолицых около реки и достать молока, — сказал Старший Вождь. — Наши запасы кончились. И хорошо бы узнать, что у них новенького.

Спрятав стрелы, луки и головные уборы, мальчики, забыв ведро для молока, отправились по меченой тропе. Они шли, как индейцы, гуськом, ставя носки внутрь, молча указывая на следы и изображая, что им грозит величайшая опасность.

Укрываясь за забором, индейцы пробрались к сараю. Двери были раскрыты, работники занимались своим делом. Со двора в сарай забрел поросенок. Некоторое время было слышно, как он возил-

ся там, потом послышался звонкий удар, пронзительный визг, и голос Рафтена проговорил: «Мальчишкам следовало бы не бездельничать, а пасти свиней!»

Индейцы поспешили убраться. Они спрятались в подвале и устроили военный совет.

— Великие сэнгерские вожди! — начал Ян. — Я беру три соломинки: длинная — для Дятла, средняя — для Маленького Бобра, а короткая, с трещинкой на верхнем конце, — для Ветки. Смотрите, я бросаю их. Куда они упадут, туда и должны мы идти. Так делают индейцы!

Соломинки упали. Сэму пришлось идти на ферму, Яну соломинка указала путь немного правее, а Гаю надо было идти домой.

— Вот, Ветка, ты идешь к себе. Так приказала соломинка.

— Я не верю в эти глупости! — обиделся Ветка.

— Ослушаться — дело опасное. Это приносит несчастье.

— Ну и пусть, я все равно не пойду, — упрямо твердил Гай.

— Моя соломинка показала на дом, значит, мне идти за молоком.

— Я остаюсь с вами, — снова сказал Гай. — Мы с Яном пойдем в сад и нарвем вишен. Мне туда не в первый раз!

— Давайте встретимся на опушке леса, и пусть каждый принесет то, что достанет, — сказал Первый Боевой Вождь.

Сэм стал осторожно пробираться к погребу. Одно окно, выходявшее в конец двора, было открыто, и Сэм легко пролез в прохладное помещение. На полках длинными рядами стояли бидоны. Сэм снял крышку с одного, в котором, как он знал, было свежее молоко, нагнул и сделал большой глоток. Облизав губы, индеец вспомнил, что забыл

взять с собой ведро. Он очень огорчился, но тут же вспомнил, где можно было раздобыть такое же. Мягко ступая по лестнице, перешагнув первую и седьмую ступеньки, которые были ужасные «скрипучки», как он выяснил еще очень давно, бегая сюда за молочным сахаром, Сэм добрался до двери и, просунув лезвие ножа, откинул крючок. Прислушавшись и не заметив ничего подозрительного, он вошел в пустую кухню и взял из кладовки большой кусок пирога и жестяное ведро. Он снова пустил в ход свой ножик, закрыв им дверь на крючок, чтобы ни у кого не возникло подозрений, и, прихватив добычу, исчез.

Дятел был убежден, что его никто не видел. Но, когда в следующий раз он повторил набег на погреб, то нашел там записку:

Врагам индейцам!

Когда в следующий раз вы устроите набег на наше поселение, верните ведро и не забывайте закрывать бидоны с молоком.

Тем временем Ян полз вдоль забора. Вокруг было много зелени, но индеец продвигался, близко прижимаясь к земле.

Он уже почти добрался до сада, когда услышал за собой шум и, оглянувшись, заметил Ветку.

— Ты чего за мной увязался? — шепотом спросил Ян. — Ведь тебе соломинка указала в другую сторону. Так нечестно!

— Ну и пусть. Мне все равно, я домой не пойду!

— Ты не имеешь права идти за мной!

— Это ты идешь туда, куда я хотел: к вишням.

— Вишни — вон где, а я пробираюсь к яблонам.

Когда Гай скрылся за кустами, Ян пополз дальше. Через несколько шагов индеец заметил впереди себя желтый глаз, который в упор смотрел на него. Это оказалась курица, которая, приметив

ползущего индейца, с громким кудактаньем бросилась прочь. Ян увидел дюжину яиц: одни покрупнее, другие помельче.

«Соломинка знает, где курица несется!»

Он собрал яйца в шапку и направился к опушке, где все должны были собраться.

Не успел Ян отползти немного, как неподалеку раздался яростный лай и крики о помощи. Ян обернулся и увидел, как Гай карабкается на дерево, стараясь спастись от старого пса Кэпа. Ян заспешил на помощь; Кэп сразу узнал его, замолчал, но, вероятно, так и не понял, почему его прогнали, когда он так честно выполнял свой долг сторожа.

— Вот видишь! Теперь будешь слушать, что соломинка говорит. Если б не я, тебя уже схватили бы и бросили свиньям на растерзание.

— Если бы не ты, все было бы хорошо. Не боюсь я вашего пса! Через минуту я бы сам слез и выпустил дух из этой собаки.

— Ты можешь это сделать! Кэп! Кэп! Сюда!

— Сейчас уже некогда, в следующий раз. Давай лучше разыщем Сэма.

Нагруженные своей добычей, индейцы благополучно вернулись в лагерь.

V

Охота на оленя

В тот вечер индейцы устроили пир. Спать они легли, как обычно, и ночь прошла без особых тревог. Правда, на рассвете всех разбудил Ветка. Ему показалось, что где-то поблизости бродит медведь. Но все было гораздо проще: Гай скрипел по ночам зубами.

Ян обследовал «книгу посетителей» и закричал радостно:

— Сэм! Ветка! Я нашел след оленя!

— Что ты еще там придумал! — крикнули ему в ответ индейцы из типи. — Это, наверное, собака прибежала.

Ян упрямо настаивал, и Гай наконец сказала тихо Сэму:

— Уж если он так мучается, мы должны ему помочь увидеть этого оленя. — И он подмигнул Сэму, чтобы тот увел Яна куда-нибудь.

Сэма не пришлось долго уговаривать.

— Давай посмотрим, куда пошел твой олень, — предложил он Яну.

Когда они отошли, Гай разыскал кусок мешковины, набил его тряпкой и перевязал, придав форму оленьей головы. Потом он насадил это чучело на палку, воткнул две деревяшки вместо ушей, углем сделал глаза, нос и вокруг глаз навел круги мокрой глиной. Глина скоро высохла и стала белой. Поставив «оленя» в кусты, Гай помчался что есть духу искать Яна и Сэма.

— Сэм! Ян! Там олень! — крикнул он.

Гай вряд ли убедил бы Япа, если б Сэм не выслушал эту новость с особым интересом. Индейцы бросились назад, схватили луки и стали пробираться к тому месту, где Гай видел оленя.

— Вон, вон там! Разве не он шуршит в кустах?

Ян весь дрожал от восторга.

— Стреляй! Стреляй! — убеждали Сэм и Гай.

Ян недоумевал, почему же его спутники сами не стреляют. Обернувшись, он увидел, что они покатываются со смеху. Тогда Ян подошел ближе к оленю и все понял.

— Ну что ж, я его застрелю для вас! — крикнул он и послал стрелу в оленью голову.

Стрела прошла близко, но не попала.

Вслед за ним выстрелили Сэм и Гай. Стрела Сэма попала оленю прямо в нос. Скоро вся голова чучела была утыкана стрелами.

За обедом Ян сказал Гаю:

— Слушай, Ветка, ты не такой умный, каким себя воображаешь, но на этот раз ты придумал хорошую штуку.

После обеда Ян взял старый мешок в три фута длиной и набил его сеном. Потом сделал маленький мешок с изгибом наверху, тоже набил его сеном и пришил длинной костяной иглой к большому. Получилось туловище с головой. Теперь нужны были ноги. Ян срезал четыре сосновые палки и воткнул их по углам в мешок. Из двух деревяшек он выстругал уши, начернил углем глаза, нос и обвел все это глиной, как сделал Гай. И под конец на обоих боках он нарисовал два черных пятна. Получилось чучело, которое и впрямь можно было принять за оленя.

— Ну вот, — сказал Ян, когда все было готово, — теперь вы ждите здесь, а я пойду спрячу оленя.

Ян побежал в лес, потом свернул вправо, поставил чучело в кусты и вернулся с той же стороны, куда ушел.

— Готово! — сказал он. — Охота начинается.

Индейцы, вооруженные луками, двинулись вперед.

— Кто найдет оленя, получает десять очков и стреляет первым. Если он промахнулся, второй подходит на пять шагов ближе и стреляет; если и он не попал, третий подходит еще на пять шагов. И так до тех пор, пока кто-нибудь не попадет в оленя. Тогда все стреляют с того места, откуда пустили последнюю стрелу. Выстрел в сердце равен десяти очкам: в серое поле — пяти, это будет считаться раной. Если никто не попадет в сердце — мне

двадцать пять очков. Кто первый увидит оленя, будет прятать его в следующий раз. Каждый стреляет по двенадцати раз.

Два охотника начали поиски. Сэм удивлялся, почему этот олень не оставил следов. Гай лез в самую чащу кустарников. Маленький Бернс не отличался ни силой, ни большим умом, но его свинные глазки ухитрялись видеть очень далеко.

— Вон он! — торжествующе закричал Гай и показал, где в семидесяти пяти ярдах из кустов торчало ухо и часть головы.

— Ветке десять очков! — записал Ян в тетрадке.

Гая распирало от гордости.

— Я бы мог его увидеть еще раньше, если б... если б... он был... если б мне повезло.

Гай натянул лук и выстрелил, но стрела пролетела чуть дальше половины расстояния.

— Я могу подойти на пять шагов, — заметил Сэм. — Какой величины шаги, ничего не сказано?

— Нет.

— Хорошо. — И Сэм стал прыгать, как кенгуру.

В свои пять шагов он покрыл ярдов десять. Свернув чуть-чуть в сторону, он выбрал место так, что ему отлично была видна вся голова оленя. Сэм пустил стрелу и промахнулся. Теперь Гай имел право приблизиться на пять шагов. Но он тоже дал промах. Наконец с тридцати ярдов Сэм попал в серое поле.

— Вот это выстрел! Настоящая рана! Великому Вождю Дятлу пять очков! — крикнул Ян. — Теперь все стреляем с этого места, и я с вами!

Полетели стрелы. Две или три попали в заднюю ногу оленя, несколько стрел угодило в дерево, что стояло на полпути к чучелу, две проткнули ему нос. Потом послышалось громкое «ура» — это стрела Гая поразила оленя прямо в сердце. Охота кон-

чилась. Индейцы собрали стрелы и принялись считать, сколько очков выпало на долю каждого.

Победителем был Гай — двадцать шесть очков: десять — за пробитое оленьё сердце, пять — за рану и одно очко — за царапину. За ним шел Сэм, которому удалось дважды поранить оленя и дважды нанести царапины. Всего у него набралось двенадцать очков.

Олень, пронзенный стрелами, напоминал старого дикобраза, а Гай чувствовал себя на седьмом небе.

— Вижу, мне придется вас поучить охоте на оленя, — сказал он. — В следующий раз я попаду ему в сердце с первого выстрела!

Гаю очень поправилась новая игра. Теперь был его черед прятать чучело, и он помчался в чащу, задумав разыграть товарищей. Он спрятал оленя далеко от типи и выбежал совсем с другой стороны, крикнув: «Готово!» Охотники долго бродили в поисках оленя, но так ничего и не нашли.

Снова Гай был в восторге.

— Это самая лучшая игра на свете! — сказал он.

— Послушай, Бобр, по-моему, олень должен оставлять следы, — сказал Сэм.

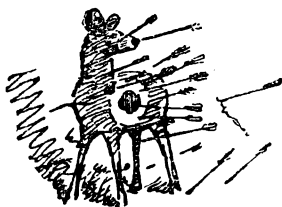
— Если бы снег, тогда все просто... — сказал Гай.

— Я придумал! — обрадовался Ян. — Мы нарвем бумажек и устроим бумажный след!

— Вот здорово!

Индейцы бросились к типи, собрали всю бумагу, разодрали ее на клочки и сложили в мешочек, откуда через дырку бумага сыпалась на дорогу.

Так как никто не нашел оленя в последний раз, Гай снова имел право прятать чучело. Он сделал большой крюк и так упрятал оленя, что мальчишки, только наткнувшись на чучело, заметили его. Сэм получил десять очков за находку. Он выстрелил и

промахнулся. Ян сделал свои положенные пять шагов, но так поспешно пустил стрелу, что тоже дал промах. Гаю досталось стрелять с пяти шагов, и он, конечно, вонзил стрелу прямо в сердце. Успех совсем вернул Ветке голову. Он так расхвастался, что два других Вождя решили установить новое правило, которое гласило: «Стрелять не ближе чем с пятнадцати шагов».

Игра становилась все интересней и была уже похожа на настоящую охоту. Гаю несколько раз удавалось так запрятать оленя, что его находили с большим трудом. Один раз он провел следы к пруду и поставил чучело совсем открыто, но на противоположном берегу. Мальчики сразу увидели оленя, но расстояние до него было так велико, что надо было или зайти глубоко в воду, или стрелять через пруд. Поэтому победителем снова вышел Гай. Скоро вожди приняли еще одно условие: не ставить оленя на скале или среди камней, чтобы не терять и не ломать стрел.

Они так увлеклись, что скоро весь лес был засыпан бумажными «следами» и не было никакой возможности отличать старые от новых. Это обстоятельство угрожало положить конец игре. Правда, Ян нашел выход — он предложил пользоваться цветной бумагой. Но скоро ее запасы иссякли. И тут неожиданно ребята увидели старого Калеба. Каждый раз он появлялся будто случайно. Мальчики всегда радовались его приходу, потому что он часто давал им очень дельные советы.

— Смотрю, у вас тут дичь есть, — сказал старик, кивнув в сторону оленя, который стоял в сорока шагах от ребят. — Как живой. Хорошо сделали! Очень!

Кaleb весело смеялся, когда мальчики рассказывали ему про свою охоту, и внимательный наблюдатель сразу заметил бы, как он еще больше

заинтересовался игрой, узнав, что не Сэм Рафтен был самым удачливым охотником.

— Молодец, Гай Бернс! Когда-то и я с твоим отцом охотился на оленей у этой реки.

Ребята рассказали ему о своих трудностях со следами. Кaleb задумался и стал в молчании раскуривать трубку.

— Послушайте, — сказал он наконец, — почему бы вам вместо бумаги не взять зерна пшеницы или кукурузы? Это куда лучше. Сегодня вы разбросаете их, а завтра птицы и белки все подберут, до единого зернышка.

Всем очень понравилась эта затея, и скоро Сэм принес небольшой мешок кукурузных зерен.

— Хотите, я разок побуду оленем? — предложил Кaleb. — Дайте мне пять минут, а потом ищите. Вы увидите, как настоящий олень бегаёт по лесу.

Кaleb взял чучело и скрылся в чаще. Через пять минут, когда индейцы пошли по следу, он вернулся на прежнее место. Нелегко было идти по этому следу. Сначала он шел по прямой линии, потом описывал круг и возвращался назад, почти пересекая свой путь. Но Кaleb сказал:

— Нет, он не пересекает прежний след.

— Куда же мог пойти олень? — Сэм долго ходил вокруг да около и наконец заявил, что след очень уж широк, будто двойной.

— Я знаю! — крикнул Гай. — Олень повернул назад.

Кaleb молчал. Ян присмотрелся к следу и нашёл то место, где он раздваивался. Зная общее направление, Гай уже не смотрел на землю. Он побежал вперед, за ним — Сэм. Но Гай, чтобы не сбиться, все же оглядывался назад, на Яна, который изучал следы.

Охотники не дошли и до дальних кустов, когда

Ян обнаружил новый поворот. След опять возвращался на прежнее место. Ян оглянулся по сторонам и вдруг заметил оленя, лежавшего в траве.

— Олень! — радостно крикнул Ян.

Когда все подбежали к нему, они увидели, что Ян послал стрелу прямо в сердце оленю.

VI

Военная шапка, типы и подвиги

— В сорока шагах — и так метко! Индейцы сказали бы про этот выстрел «гран ку». — У Калеба был очень довольный вид, совсем как в ту минуту, когда он добыл огонь трением. — О, это великий подвиг! Индейцы называют большую победу просто «ку», а великий подвиг «гран ку». Этому они, наверное, выучились у канадских французов. Каждый индеец вел особый счет своим «ку», и за каждый подвиг он имел право воткнуть в свою шапку еще одно орлиное перо, а в случае особой удачи — с красной волосяной кисточкой на конце. По крайней мере, так было раньше. Теперь же никто не помнит старых обычаев, и всякое перо, которое находит индеец, он втыкает в шапку.

— Вам нравятся наши головные уборы? — спросил Ян.

— Вы, наверное, никогда не видали настоящих. Во-первых, все перья должны быть белыми с черными кончиками, и прикреплять их надо не туго, а свободно на мягкой кожаной шапке. На стержне каждого пера есть кожаная петелька, за которую оно крепится шнурком к шапочке, а посредине продергивается тесьма, чтобы перья держались прямо. На каждом пере делаются отметки,

как оно было добыто. Если индейцу удавалось увести коня, то на пере рисовалась подковка. Я знал одного индейца, у которого на пере было десять подков: он сумел в одной стычке добыть десять коней из стана врага.

— Как бы я хотел пожить среди индейцев! — вздохнул Ян.

— Ты бы скоро устал, — сказал Калеб. — Мне довелось жить с ними. Ни минуты покоя, вечные сражения, голод! С меня довольно...

— Скажи, Калеб, — прервал старика Гай, который никогда не называл его «мистер Кларк», потому что был с ним в хороших отношениях, — за охоту индейцы получают перья?

— Разве ты не слыхал, что я сказал про выстрел Яна?

— Чепуха! Я стреляю лучше Яна. У него это случайно получилось. У индейцев все перья достались бы мне!

— Ну, это еще посмотрим, — прервал его Старший Вождь.

— Давайте играть по-настоящему, — вмешался Ян. — Пусть мистер Кларк покажет нам, какие папки у индейцев, и мы будем носить столько перьев, сколько совершим подвигов.

— Какие же это подвиги? — спросил Калеб.

— Кто быстрее пробежит, или лучше других проплывет, или стрелу пошлет метко — мало ли у нас занятий.

— Ну что ж, хорошо!

Калеб стал показывать ребятам, как делать военный головной убор. Вместо кожаной шапочки он взял тулью старой фетровой шляпы, а перья орла заменил белыми гусиными, которые подронял и покрасил на концах в черный цвет. Но, когда стали обсуждать, кого и за какие дела награждать, разгорелся спор.

— Если Ветка принесет из сада вишен и его не схватит Кэп, он получит перо с красным волосняным пучком, — сказал Сэм.

— Какой хитрый! Спорим, что ты не украдешь цыпленка из нашего сарая! — отрезал Ветка.

— Я никогда не ворую цыплят! Несчастный, ты забыл, что перед тобой благородный индеец, Великий Вождь? Вспомни, что твой скальп все еще принадлежит мне и Бобру! — И Сэм, страшно вращая глазами, боком подошел к Гаю.

Ян взглянул на Калеба, который, казалось, ничего не слышал; но Ян заметил в его глазах странный огонек.

— Пойдемте в типи, — предложил Ян, — здесь очень жарко. Зайдите к нам, мистер Кларк.

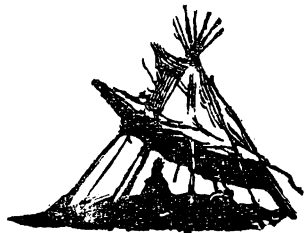
— Хоть там у вас и тенёк, но все равно душно. Поднимите один край покрывки — воздуху будет побольше.

— Разве индейцы так делают?

— Конечно. В какую только сторону они не крутят свою типи! Этим-то и хороши их жилища. Сорок градусов мороза или пятьдесят жары, а индейцу в типи все нипочем! Кроме того, они умеют предугадывать погоду. Сколько раз я просыпался ночами и слышал вокруг: хлоп-хлоп-хлоп! Удивительно! Женщины опускали края типи и поглубже вбивали колышки. А вскоре разразилась гроза. Как они узнавали, что надвигалась непогода, я никак не мог понять! Одна старуха говорила, что ей подсказывал это койот, который всегда начинал выть по-другому; другая женщина говорила, что она видела это по цветам на закате. Может, они и правы. И вы тоже повнимательней смотрите кругом.

— И они никогда-никогда не ошибаются? — спросил Маленький Бобр.

— Бывает, но не так часто, как белые.

Калоб показал, какую сторону крыши надо было приподнять. В типи сразу стало прохладней.

— Чтобы знать, откуда ветер, послушайте палец и поднимите его. Сразу с наветренной стороны почувствуете холодок и тогда уж повернете правильно дымовые клапаны.

— Расскажите про военные головные уборы, — попросил Ян. — Что мы можем сделать, чтобы носить перья?

— Бегайте, плавайте, стреляйте из лука. Если ваша стрела пролетит двести ярдов, значит, вы убили бы бизона. Такой стрелок получает высшую награду.

— Неужели «гран ку»?

— Да. А если стрела пролетит пятьдесят ярдов, значит, убит олень. Этот выстрел мы назовем просто подвигом — «ку». Если вы с пятидесяти шагов попадете чучелу прямо в сердце с первого выстрела, это считается большим подвигом. Того, кто упадет с семидесяти пяти шагов, неважно с какого раза, я назову лучшим стрелком. Если с сорока шагов вы попадете в десятидюймовый глазок два раза из трех, то не опозоритесь перед индейцами, хотя они и не стреляют по мишени, а только по дичи. Я видел, как медно-красные малыши стреляли в бабочек. Потом они устраивают состязания — кто пустит разом больше стрел. Пять стрел в воздухе — хорошо! Значит, человек быстро и далеко стреляет. Только один раз в жизни я видел, как пустили сразу восемь стрел. Тогда это посчитали «большим колдовством». Но пустить семь стрел тоже очень почетно.

— Мистер Кларк, у индейцев есть, наверное, какие-нибудь игры? — спросил Ян.

— Вот как индейцы испытывают свое зрение...

— Тут уж я вам покажу! — поторопился встать Гай. — Я же первый увидел тогда оленя...

— Замолчи, Гай! — крикнул Ян.

Зловещий звук «дзи-ит, дзи-ит» заставил Ветку обернуться. Он увидел, как Сэм, обильно смачивая огромный нож, точил его о камень, бросая хищный взгляд на белобрый хохолок Гая.

— Пришла пора, — сказал негромко Сэм, словно ни к кому не обращаясь.

— Вы лучше не трогайте меня! — взвыл Гай.

Но, взглянув на Яна и уловив на его лице улыбку, он почувствовал облегчение, хотя лицо Дятла и не предвещало ничего хорошего.

— Почему ты не помогаешь мне? Или ты не хочешь своей доли, Маленький Бобр? — процедил Дятел сквозь зубы.

— Я думаю, сейчас мы оставим его, но если Ветка снова расхвастается, то снимем скальп без всякой жалости, — ответил Ян.

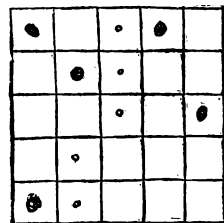
— Вот какую игру я вам объясню, — начал Калеб. — На земле или на шкурах рисуются два квадрата, расчерченных на двадцать пять маленьких квадратиков. Один игрок берет пять орехов или камешков и кладет их в квадраты. Потом второй смотрит, куда попали эти фишки, пока другие поют коротенькую песенку. Затем квадрат с фишками разложить на другом квадрате камешки так, как они легли на первом.

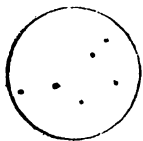
— Ну, это ерунда, я могу... — начал Гай.

Но Сэм тут же дернул его хохолок.

— Смотри, как бы ты не простудился и не умер без скальпа, — сказал Дятел с ледяным спокойствием.

— Есть и другая игра, — невозмутимо продолжал Калеб. — Индейцы делают два шестидюймовых квадрата из белого дерева и на каждом рисуют по зайцу. Потом на одном квадрате в разных местах прикалывают шесть черных кружочков по

полдьюма в поперечнике и относят этот квадрат за сто шагов. Игрок берет пустой квадрат и приближается к первому квадрату до тех пор, пока не сможет на своем приколоть кружочки в тех же местах. Если он увидит их за семьдесят пять шагов, значит, он молодец, если за шестьдесят — похвально, но меньше пятидесяти — уже никуда не годится.

— Вот увидите, я...

Ветка хотел сказать что-то, но тут Сэм так страшно зарычал, что никто не услышал от Гая больше ни звука.

— У индейцев было еще два способа испытывать остроту зрения, — рассказывал Калев. — Старый индеец показывает молодым созвездие, в котором много маленьких звезд (индейцы называют его «Гроздь»), и спрашивает, сколько в нем звезд. Одни находят пять или шесть, а другие и семь. Кто видел семь, у того очень острое зрение. Плеяды высыпают только зимними ночами, а вот Большую Медведицу можно видеть круглый год. Индейцы называют ее «Горбатая Спина». И старики спрашивают у ребят: «Ты видишь Старуху (это вторая звезда от конца) с ребенком на спине»? В молодости мне ничего не стоило разглядеть маленькую звездочку, прижавшуюся к большой.

Калев вышел из типи, и тут же мальчики услышали его голос:

— Эй, Ян, Гай! Идите сюда!

Все подбежали к нему.

— Вот мы только что говорили про хорошее зрение. Ну, а кто скажет, что это вон там? — Он показал на поле клевера.

— Похоже, медвежонок...

— Сурок! Это наш сурок! — крикнул Гай. — Надо его подстрелить! — И он помчался за своим луком.

Индейцы со всех ног бросились к полю. Они старались не шуметь, но все же зверек услышал какие-то звуки и насторожился. Он сел на задние лапы, большой, неуклюжий, издали напоминая медвежонка.

Мальчики стали в ряд, как на старой картинке, изображающей битву при Кресі. Выстрел — и все три стрелы пролетели мимо. Сурок тут же юркнул к себе в нору, где, наверное, стал обдумывать, как ему снова подловить человека с косилкой.

VII

Жизнь в лагере

— Как спал, Сэм?

— Глаз не сомкнул.

— Я тоже. Всю ночь дрожал. Накрылся еще одним одеялом — и все без толку.

— Густой туман, что ли, был?

— А как ты спал, Ветка?

— Хорошо!

— Тумана не чувствовал?

— Ни чуточки.

В следующую ночь было еще хуже. Гай спал, как говорится, без задних ног, а Сэм и Ян снова дрожали до утра. На рассвете Сэм встал.

— Мне это надоело! Шутки шутками, а если придется так трястись каждый раз, я уйду домой, пока еще на ногах держусь.

Ян промолчал. Он был мрачнее тучи.

Солнце развеяло их унылое настроение, но все же мальчики не смогли без ужаса подумать о следующей ночи.

— Что это с нами? — спросил Маленький Бобр. — Бросает то в холод, то в жар. Может, мы

пьем слишком много болотной воды? Или Гай нас отравляет своей стряпней?

— Похоже, у нас цинга: очень уж мясом объедаемся... Надо спросить у Калеба.

Не приходи к ним Калев в полдень, они сами побежали бы к старику. Он молча выслушал Яна и спросил:

— Вы сушили одеяла, с тех пор как живете в лесу?

— Нет, а... а разве индейцы...

Калев вошел в типи, пощупал одеяла и сказал:

— Так и есть. Ночью вы потеете, оттого у вас постели сырые. Каждая индианка хорошенько прожаривает постель часа по три на солнце, а если погода плохая — у огня. Сделайте так — и перестанете дрожать.

Мальчики не замедлили вытащить на воздух одеяла и простыни, и в ту ночь спали крепким, безмятежным сном.

Скоро им пришлось узнать еще кое-что о жизни в лесу. Вечерами комары загоняли мальчиков в типи, но скоро индейцы научились выкуривать их: вечером, перед сном, мальчики кидали в костер много травы, плотно закрывали вход, а сами ужинали снаружи, у костра, на котором готовили еду. Потом они осторожно заглядывали в типи — костер потухал, вверху набиралось много дыму, но зато снизу был чистый, хороший воздух. Мальчики заползали в свое жилище и накрепко привязывали дверь. В типи не оставалось ни одного комара, а дым, стоявший у клапана, не пускал новых. Можно было спокойно спать всю ночь. Так они научились бороться со злейшим врагом — комарами.

Были в лесу еще большие синие мухи, которые не давали днем покоя. Казалось, с каждым часом их становится все больше. Они кружили над столом, попадали в тарелки.

— Сами виноваты, — сказал Калев, когда индейцы обратились к нему за помощью: — вон какую вокруг грязь развели!

Он был прав: около типи высилась целая гора картофельной шелухи, костей, рыбьей чешуи и прочего мусора.

— А что делают индейцы? — спросил Маленький Бобр.

— Иногда они переносят стоянку, — сказал старик, — или просто делают уборку.

Ян первым схватил лопату и стал неподалеку копать яму; к нему присоединились Сэм и Гай. Увидав, что вместе с мусором они бросают в яму кости и куски хлеба, Ян сказал:

— Смотреть не могу, как мы хлеб зарываем! Столько зверюшек были бы рады получить эти крошки.

Тогда Калев, сидевший на бревне с трубкой в зубах, заметил:

— Если вы хотите быть настоящими индейцами, собирайте всякие остатки пищи и каждый день снесите их на какое-нибудь высокое место. Индейцы выбирают для этого большей частью скалу. Место это считается священным и называется «Вейкан». Тут они оставляют крошки, чтобы умиловить добрых духов. Конечно, все это попадает птицам и белкам, но индейцы бывают очень довольны, когда на скале ничего не остается. Им все равно, кто поедает — птицы или духи. «Неважно», — говорят они...

Великий совет в полном составе отправился на поиски «священной» скалы. На одной поляне индейцы нашли подходящий холм и с того дня поочередно носили туда свои «жертвы добрым духам». Вскоре они заметили, что птицы охотно поедают все, что находят на этом холме, и даже кто-то из четвероногих проложил тропку от ручья.

Как-то Калев сказал:

— Вы не должны пить воду из этой речки — в ней слишком много всякой живности.

— А что пить? — спросил Сэм.

— Что ж нам делать, мистер Калев? — вставил Ян, знавший, что старик не будет разговаривать ни с кем из Рафтенов.

— Выroyте колодец!

— Вот еще! Делать нам нечего! — фыркнул Дятел.

— Выroyте индейский колодец, — пояснил Калев, — через полчаса он у вас будет готов. Давайте я покажу.

Он взял лопату и, найдя сухое местечко в двадцати шагах от верхней части запруды, стал копать. Уже на глубине трех футов показалась вода. Когда Калев дошел до четырех футов, вода стала бить с такой силой, что он бросил рыть. Калев взял ковш и вычерпал грязную воду, потом, дав яме наполниться, снова всю ее вычерпал. После трех раз в яме появилась прохладная, свежая и прозрачная вода.

— Вот, — сказал Калев, — это вода из вашей запруды, только она прошла через двадцать футов песка и земли, теперь ее можно пить. Это и есть индейский колодец.

VIII

Индийский барабан

— Настоящие индейцы сделали бы себе из этого обрубка барабан, — сказал Калев Яну, когда они увидели сваленную грозой липу с большим дуплом вместо сгнившей сердцевины.

— Да? А как?

— Где-то здесь был топор...

Он принес топор, и Калев сделал из ствола ровный, без трещин чурбан в два фута длиной. Они отнесли его в лагерь.

— На барабан натягивают кожу.

— А какую?

— Лошадиную, собачью, коровью, телячью — любую, лишь бы покрепче.

— У нас в сарае есть телячья кожа. Правда, ее погрызли крысы, — сказал Гай. — Я знаю, где взять еще одну; это мои кожи. Я сам зарезал телят. Вы бы взглядели, как я ловко это делаю!

Тут Сэм крикнул: «Гоп!» — и дернул его за хохолок. Третий Вождь отскочил и закончил свою хвастливую речь обычными воплями: «Отстань!»

— Не трогай его, Сэм, — вмешался Маленький Бобр и, обернувшись к Гаю, сказал: — Ничего, Гай, не обижайся. Ты лучше его стреляешь и видишь вдвое дальше.

— Вот он и злится! — обиженно проворчал Ветка.

— А теперь, Гай, сбегай за шкурами, если хочешь, чтобы у нас был барабан и военные танцы. Гай со всех ног бросился домой.

Тем временем Калев занялся обрубком липы. Он снял кору, счистил ножом все остатки гнилой сердцевины и, поставив остов барабана на землю, развел в нем огонь. А когда середина выгорела, гладко обстругал чурбан внутри и снаружи.

Калев занимался обрубком около двух часов, а Гая все не было. Он вернулся в лагерь затемно и рассказал, что отец поймал его и заставил полоть грядки. Шкуры, которые принес Гай, были жестки, как кора, и, конечно, покрыты волосом.

— Потребуется два-три дня, чтобы размягчить их, — сказал Калев и опустил шкуры в лужу.

Три дня спустя Калев вытащил их из воды, и

вместо жестких желтоватых шкур у него в руках оказались белые и мягкие, как шелк.

Тщательно вымыв их с мылом в теплой воде, Калевб тупым ножом выскоблил обе стороны. Большую из шкур Калевб обрезал по краю; получился круг дюймов тридцать в поперечнике и вдобавок еще длинный ремень. Этот ремень он катал и растягивал, пока наконец не получился совсем круглый шнур. Из оставшегося куска он вырезал еще два круга тридцати дюймов в поперечнике. Сложив их вместе, Калевб ножом проколол ряд дырок на расстоянии дюйма от края. Затем положил один круг на землю, поставил на него остов барабана и, прикрыв его сверху другим, прошнуровал ремнем оба круга. Сначала он шнуrowал свободно, не натягивая ремня, а потом крепко стянул его, чтобы кожа на обеих сторонах барабана натянулась. Ко всеобщему удивлению, Гай тут же завладел готовым барабаном.

— Это моя кожа, — сказал он.

Возражать было нечего, но Калевб, подмигнув, сказал:

— Похоже, дерево он ни во что не ставит.

Потом Калевб обмотал палочку тряпкой, и Гай стукнул в барабан. Звук получился совсем глухой.

— Повесьте барабан в тенёк, — сказал Калевб, — он высохнет и зазвучит совсем по-другому.

Было очень интересно наблюдать, как барабан просыхал. Временами он издавал тихие звуки, и тогда казалось, что он напрягает все усилия, чтобы вырваться из связавших его пут. Когда кожа высохла и стала вновь тонкой и полупрозрачной, барабан зазвучал так, что, услышав его, затрепетало бы сердце любого индейца.

Калевб выучил мальчишек петь боевую песню индейцев, и они танцевали под звуки барабана, на котором играл сам Калевб.

Кошка и куница

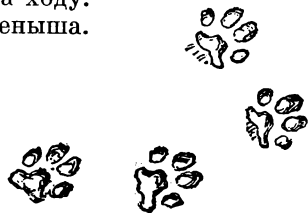
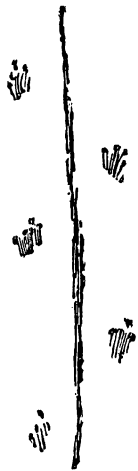
Сэм снова предпринял вылазку в стан бледнолицых, чтобы пополнить запасы хлеба; Гая схватил старый Бернс и заставил работать в огороде. Ян остался в лагере один. Он бродил со своей тетрадкой и рассматривал глиняные «книги посетителей». Кроме следов норки и хорька, мальчик обнаружил неизвестные ему отпечатки лап какого-то более крупного зверя. Ян вышел на берег и лег в густую траву. Прыгали кузнечики, трещали сверчки.

Неожиданно у реки, где лежала огромная липа, поваленная грозой, Ян заметил легкое движение. Ствол липы, сгнившей изнутри, скрывался в густой траве, и в том месте, где одна ветвь была обломана, в дереве зияло темное дупло. Вдруг оттуда выглянула голова с блестящими зелеными глазами, а затем на ствол выпрыгнула серая кошка. Она уселась на солнце, умылась лапкой, потянулась и спустилась по откосу к воде. Тут она напилась, стряхнула капли с лап и, к удивлению Яна, стала, как и он, обследовать следы.

Кошка пошла вдоль ручья, оставляя следы (их Ян решил срисовать после). Неожиданно она замерла на месте, подняв голову, прислушалась и, прыгнув в заросли, исчезла.

Ян стал ждать, не появится ли она снова. Где-то выше по ручью захрустела галька. Ян обернулся и увидел нового зверя, чуть побольше кошки. Ян никогда прежде не видел куницу при дневном свете, но теперь сразу узнал ее — приземистую, густо-темного цвета, с белыми метинками и очень пушистым хвостом.

Куница шла не спеша, переваливаясь на ходу. Вслед за ней показались три маленьких детеныша.

Видно, это была мать со своим семейством. Она обнюхала следы точно так же, как до нее сделала кошка, и Ян обнаружил необычайное сходство между этими двумя животными.

Когда старая куница наткнулась на кошачий след, она так долго обнюхивала его, что детеныши догнали ее. Один из них, учуяв свежий запах, пошел по следам кошки к ручью.

Куница, добравшись до поваленной липы, безошибочно направилась к дуплу. Она заглянула в него, затем юркнула внутрь, оставив снаружи только хвост. И вдруг Ян услышал из ствола громкое, пронзительное мяуканье. И тут же куница вылезла, держа в зубах маленького серого котенка. Он мяукал и отчаянно вертелся, пытаясь вырваться.

Сердце Яна дрогнуло. Он уже хотел броситься на защиту, как вдруг что-то серое метнулось к стволу, и он увидел кошку. Глаза ее горели, шерсть стояла дыбом, уши были прижаты к спине. С яростью она бросилась на хищника. Шерсть куницы полетела во все стороны, и она в отчаянии бросилась в воду. Кошка, полузадушенная, истекающая кровью, хотела кинуться вслед, но котенок, забившийся под ствол липы, так жалобно мяукал, что гнев матери иссяк. Она схватила его, забрызганного вонючей жидкостью, отнесла обратно в свое логово и тут же вновь показалась на бревне. Она стояла, настороженно вслушиваясь, моргая блестящими глазами, поводя хвостом, словно тигрица, готовая драться с целым светом, защищая своих малышей.

Ян был восхищен героизмом кошки и с того дня стал с уважением относиться ко всему кошачьему роду.

Семейство белок

— Хотите я сейчас выгоню дятла вон оттуда? — сказал однажды Ветка, когда три индейца обходили дальние уголки леса.

Он показал на дупло в полусгнившем дереве и, подойдя, несколько раз сильно ударил по стволу палкой. К удивлению ребят, из дупла вылетел не дятел, а белка-летяга. Она вскарабкалась на верхушку, огляделась и, раскинув лапы и распушив хвост, перелетела на другое дерево, в двадцати футах от первого. Ян бросился ловить ее. Он уж было схватил ее, но белка так царапнула его острыми зубками, что Ян тут же отдернул руку. Белка исчезла в ветвях.

Гай был очень горд.

— Летяга или дятел — это, в конце концов, все равно, — самодовольно заявил он.

Целый день после этого он задира л нос, стучал по каждому дереву, где только было хоть маленькое отверстие, думая снова выгнать кого-нибудь, и наконец после нескольких неудач спугнул с гнезда запоздалого дятла.

Ян тоже поднял увесистую палку и стукнул по другому стволу, в котором были отверстия. Из нижнего дупла выскочила рыжая белка и тут же юркнула в верхнее. Следующий сильный удар заставил ее покинуть это убежище и прыгнуть на верхушку, откуда она мигом нырнула вновь в нижнее дупло.

Мальчики заволновались. Они принялись колотить по стволу, но белка больше не показывалась.

— Давайте срубим его, — предложил Маленький Бобр.

— Вот что надо делать, — поучительно сказал Дятел и, найдя очень длинную палку, ударил ею по сгнившей верхушке.

Та слегка покачнулась. Сэм повторил удар. Вскоре ствол рухнул. Его пустая верхушка ударилась о поваленное дерево и превратилась в кучу трухи. Мальчики кинулись искать белку. Они разворошили все и, найдя скорлупу кедровых орехов, решили, что тут, верно, было гнездо. И вдруг они увидели рыжую белку. Она лежала тихо и, казалось, была невредимой, но на конце ее носика выступила капелька крови. Рядом лежали пять маленьких бельчат, совсем недавно появившихся на свет; они были слепые, голенькие и совсем беспомощные. У одного на носу тоже краснела капелька крови.

Сначала индейцы думали, что белка притаилась, но оказалось, что она мертва.

Мальчики чувствовали себя очень виноватыми. Во время охоты им и в голову не приходило, что они могут оставить маленьких, беспомощных зверушек без матери. Бельчатам грозила голодная смерть.

Особенно переживал это Ян, который считал себя главным виновником несчастья.

— Что с ними делать? — спросил Дятел. — Они слишком малы, нам их не выкормить.

— Лучше утопить, и всё, — сказал Ветка, вспомнив, как поступали у него дома с многочисленными котятами.

— Эх, подложить бы их в беличье гнездо!.. — сказал Ян. Помолчав немного, он добавил: — Я знаю, кто их может спасти. Серая кошка! Давайте отнесем к ней бельчат, пока ее нет в дупле!

Все направились к ручью.

Солнце сияло так, что можно было разглядеть, как копошились в дупле котята. Кошки не было с ними. Ян осторожно подложил туда бельчат и вернулся к товарищам.

Они ждали кошку целый час. Мальчики сидели

очень тихо, и им удалось увидеть много интересного.

Из травы высунулась мордочка полевой мыши, потом крот вылез из норы. Немного погодя прощуршал по высохшему руслу ручья четвероногий зверек величиной с кролика. Ян узнал ондатру; она, видно, искала воду. Только в запруде оставалась еще вода, и мальчики догадались, что это место стало теперь единственным водоемом для многих зверушек.

Не успела ондатра отойти на несколько шагов, как показался другой темно-коричневый зверек.

— Еще одна! — прошептал Сэм. — У них, наверное, свидание.

Зверек подошел поближе, и ребята увидели, что это была норка. Длинная, как кошка, и приземистая, с широкой приплюснутой головой и белым пятном на горле, она была смертельным врагом ондатры и теперь шла по ее следу. Ондатра могла спастись только в воде. Но, видно, с тех пор как запруда стала привычным местом для ондатры, туда зачастили и норки.

Через несколько минут ребята увидели, как что-то серое вспрыгнуло на бревно. Это была кошка. Она опасливо оглянулась. Мальчики с напряженным вниманием следили за ней. Кошка, скользнув по бревну, юркнула к котяткам, с мурлыканьем стала ласкать их и тут обнаружила среди своих детенышей маленьких красноватых бельчат.

Кошка обнюхала их и, облизав, собрала всех малышей около себя. Гай тут же радостно сообщил, что «маленькие бельчата кормятся вместе с котятками».

Убедившись, что кошка ласково встретила бельчат, мальчики вернулись обратно в лагерь. И потом не проходило дня, чтобы они не навещали новую семейку.

Как наблюдать обитателей леса

Дни проходили весело. Каждое утро начиналось с охоты на сурка. Мальчики хорошо узнали лес и уже не боялись его, как в первую ночь.

— Помнишь, Ян, как мы спали тогда: я с топом под боком, а ты с пожом? — смеялся Сэм.

Индейцев теперь не пугали неудобства лесной жизни, они чувствовали себя в лесу, как дома.

Каждый день приносил с собой много интересного. А в лунные вечера мальчики видели кроликов, которые прибегали к их лагерю. Однажды мальчики услышали короткий хриплый лай, и Калеб сказал им, что это, наверное, была лиса.

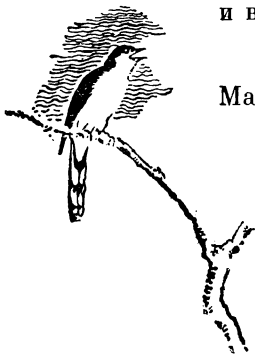
Но самое главное, что понял Ян, живя в лагере, заключалось в следующем: в лесу больше видел молчаливый наблюдатель. Но было очень трудно сидеть молча, без дела, поэтому он обычно начинал рисовать.

Как-то раз, сидя в тишине у пруда, Ян видел, как из воды выскочила уклейка и схватила муху. Тут же зимородок, царивший над водой, камнем упал вниз и поднялся с уклежкой в клюве. Он присел на ветку, но вдруг из чащи вылетел ястреб и кинулся на птицу. Тут бы и конец пришел зимородку, но какое-то длинное существо, выскользнув из травы, бросилось на них. Ястреб взлетел налево, зимородок — направо, а норка осталась с полной пастью перьев.

Через несколько дней Ян с Сэмом осматривали следы, оставленные ночью в «книге посетителей», и вдруг по высохшему ручью хлынул поток воды.

— Это еще откуда? — удивился Дятел.

— Прорыв в плотине, наверное, — заторопился Маленький Бобр.

Мальчики побежали к запруде. Ян оказался прав: вода была из отверстия в углу плотины. Внимательно осмотрев течь, мальчики поняли, что ее сделали водяные крысы.

Починить плотину оказалось нелегко. Снова набили частые колья, замазали их глиной, но зато теперь крысам пришлось бы основательно потрудиться, если бы они захотели вновь проделать себе ход.

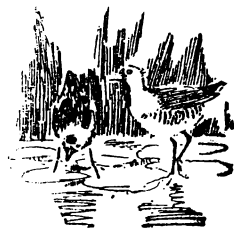
Калев, узнав о происшествии на запруде, сказал:

— Теперь вы, конечно, понимаете, почему бобы ненавидят водяных крыс?

У Яна было несколько укромных местечек в лесу, откуда удобнее всего наблюдать за жизнью лесных обитателей. В небольшой луже возле запруды водились раки и угри, за которыми непрестанно охотились птицы. В стороне резвились кулики, к вечеру на плоский камень вылезала водяная крыса и сидела там, высматривая добычу. А в лесной чаще можно было видеть куропадок и черных белок.

Однажды Ян рисовал ствол старого дерева, который ему очень нравился. Неожиданно из зеленых зарослей у пруда бесшумно выскочил коричневый пушистый зверек, не замочив лапок, перепрыгнул узенький заливчик, раз или два настороженно замер и наконец уселся на виду. Это был кролик. Он так долго сидел не шелохнувшись, что Ян успел нарисовать его. Прошло еще минутки три — Ян сверил по часам, — пока кролик принялся щипать траву.

Шумливый дятел уселся на сухой ветке неподалеку от кролика, и тот застыл на мгновение, но, разглядев, что это всего-навсего безобидная птица, продолжал мирно пастись. Потом, прижав уши к спине, он прилег в густом клевере отдохнуть.казалось, он заснул под теплыми лучами солнца. Яну

очень хотелось увидеть, закрыл ли кролик глаза, но мальчик был слишком далеко и поэтому ничего не разобрал.

Последние солнечные блики исчезли, и пруд погрузился в тень. Вдруг Ян заметил, что к нему приближается какой-то зверек. Он держал голову у самой земли, и Ян никак не мог понять, кто это. Мальчик послышал палец и понял, что ветер не выдаст его присутствия. Зверек приблизился, и тут по острой мордочке, ушам и пушистому хвосту Ян угадал в нем лису. Может, это была та самая, что часто лаяла по ночам около лагеря.

Лиса свернула в сторону, не подозревая, что за ней наблюдают. Ян хотел получше разглядеть хитрого зверя и, приложив ладонь тыльной стороной к губам, пискнул по-мышинному. Голодная лиса встрепенулась. Она застыла на месте, вытянув вперед голову. Ян пискнул снова. Лиса повернулась и прошла между Яном и кроликом. Она пересекла старый кроличий след, не обратив на него никакого внимания, но вдруг ветер донес до нее манящий запах. В ту же минуту лиса позабыла про мышей и, крадучись, пошла к кролику, которого еще не видела. Чутье вело лису безошибочно, и скоро, держа нос по ветру, как настоящая охотничья собака, она уловила запах самого кролика.

С каждым шагом лиса приближалась к кролику, который спал, лежа в высокой траве. Ян раздумывал, стоит ли ему поднять кролика, чтобы рыжий разбойник не успел его схватить, но ему не терпелось вместе с тем посмотреть на охотящуюся лису. Оставалось шагов восемь — теперь уже лиса видела свою жертву. Ян с трудом удержался, чтоб не крикнуть. Шесть шагов — лиса уже готовилась к прыжку.

«Неужели схватит его?» — подумал Ян, и сердце его часто забилось.

Лиса подобралась еще ближе и бесшумно прыгнула на спящего. Спящего? О нет, кролик хорошо знал свою роль! В ту минуту, когда лиса сделала прыжок, кролик прыгнул ей навстречу и пролетел под самым носом у своего врага. Лисица повторила скачок, но кролик, словно мяч, понесся огромными прыжками и скрылся в чаще.

Если бы кролик поднялся в тот миг, когда заметил лису, рыжий зверь успел бы нагнать его в три-четыре прыжка. А так лисе пришлось искать себе ужин в другом месте.

Ян счастливый вернулся в лагерь: ведь он разгадал еще одну лесную тайну.

XII

Условные знаки индейцев

— Какие условные знаки бывают у индейцев, мистер Кларк? — спросил как-то Ян старика.

— След мокасины, дым, сломанная ветка, камень на камне — все это индейские знаки. Каждый из них что-нибудь означает, и индейцы читают их, как вы книжку.

— Вы говорили нам, что три дымка означают «возвращаюсь с победой».

— Нет, совсем не так. Это означает «хорошие вести».

— Что значит один дым?

— Как правило, просто: «здесь привал».

— А два?

— Может означать «тревога» или «я заблудился».

— Это я запомню: два — «беда».

— Три — хорошие вести. Нечетные числа — счастливые.

— А четыре дыма?

— Редко очень употребляют. Если бы я увидел четыре дыма, я бы подумал, что происходит что-то очень важное, например собрался Великий совет.

— Что бы вы подумали, увидав пять дымов? — спросил Ветка.

— Я бы решил, что какой-то глупец хочет сжечь весь лес.

— А для чего индейцы ставят один камень на другой?

— Я, конечно, не поручусь за всех индейцев, но на западе это значит «вот дорога». Маленький камень слева от двух означает «мы повернули налево», с правой стороны — «повернули направо». Если три камня один на другом, читай — «это верная тропа» или «осторожно»... Куча камней, брошенных в беспорядке, значит: «здесь был привал, потому что один заболел».

— А что бы они сделали, если бы не нашли камней?

— В лесу?

— Да. Или в прериях.

— Я многое уже позабыл, — сказал Калев.

Но все же скоро у мальчиков был целый свод условных знаков, какими пользовались индейцы, хотя при этом Калев не уставал твердить, что «не все индейцы делают одинаково».

Ян тут же решил зажечь сигнальный костер, но, к его разочарованию, оказалось, что дым не поднимается даже над верхушками деревьев.

— Сперва дай костру разгореться как следует, — пояснил Калев, — а потом подбрасывай траву и всякие гнилушки. Вот тогда увидишь разницу.

Когда мальчики бросили в огонь траву, к небу поднялся густой, извилистый столб дыма.

— Я уверен, что этот дым увидишь миль за де-

сать отсюда, особенно если стоять на высоком месте.

— Ну, я разгляжу и за двадцать, — сказал Гай.

— Мистер Кларк, а вы когда-нибудь теряли дорогу? — без устали расспрашивал Ян.

— Конечно, и не раз. Каждому, кто ходит по лесу, приходилось хоть однажды плутать без дороги.

— Как, неужели и индейцам?

— Конечно. А почему бы и нет? Они такие же люди, как мы. И не верьте хвастуну, что он никогда не блуждал по лесу. Он, верно, ни разу не отходил от маминого передника. Каждый может заблудиться, но человек бывалый всегда находит дорогу, а новичок может и погибнуть. В этом вся разница.

— Что же вы делали?

— Зависит от того, где я находился. Если попал в незнакомый лес, а в лагере у меня оставались друзья, я раскладывал два дымовых костра. Если я был один, то старался провести линию по звездам и солнцу; но в пасмурную погоду сделать это невозможно. А если вы совсем не знаете местности, то надо идти по течению какого-нибудь ручья или реки. Но это самый плохой способ. Он, конечно, выведет вас куда-нибудь, но так вы пройдете за день четыре или пять миль.

— Правда ли, что можно определить направление по мху на стволах деревьев?

— Да. Вот поглядите: вы всегда найдете мох на северной стороне ствола или скалы; самые большие ветки растут у деревьев с южной стороны, верхушка сосны склоняется к востоку. На пне годовичные кольца толще всего с юга. Правда, это относится к дереву, которое растет на открытом месте. Я видел одно растение, которое может служить вместо компаса, — это степной золотарник. На открытом ме-

сте он поворачивает свои головки к северу. Но в густой тени они откидываются куда попало. Протоптанная зверем тропа выведет вас к воде. Если тропка становится все тоньше — значит, идете неверным путем. Если над вами пролетят утки или чомга, знайте — вода близко. Собака и лошадь всегда выведут вас к жилью. Никогда не слышал, чтобы они ошибались. Однажды был такой случай, да лошадь оказалась дурная. Но компас все-таки самая надежная вещь. За ним идут солнце и звезды. А лучше всего, когда друзья где-то поблизости; тогда разожгите два дымовых костра и спокойно ждите.

XIII

Как дубить кожи и шить мокасины

Сэм нашел в сарае шкуру недавно зарезанного теленка. Отец позволил взять ее, и Сэм явился в лагерь со «свежей шкурой бизона для одеяния».

— Я не знаю, как индейцы шьют себе одежду, — сказал он, — но уж Калек-то знает. Вам он скажет.

С тех пор как старый охотник остался без собственного дома, он часто навещался в лагерь. Так случилось и на этот раз — вскоре после прихода Сэма появился и Калек.

— Как индейцы дубят кожу, чтобы шить одежду? — сразу же спросил его Ян.

— По-разному.

Но не успел он начать, как с криком прибежал Гай:

— Ребята! Старая лошадь отца околела! — И он радостно засмеялся, потому что первым принес эту новость.

— Послушай, Ветка, ты слишком часто смеешься — смотри не сожги себе зубы на солнце. — И Старший Вождь оглядел его с притворной грустью.

— Нет, вправду сдохла! И я себе возьму ее хвост на скальп. Вот увидите, я буду самым настоящим индейцем!

— Почему тебе не содрать всю шкуру? Я научу тебя делать из нее много всяких вещей, — сказал Калев, раскуривая свою трубку.

— А ты можешь?

— Ее сдирают так же, как с теленка. Вот снимем шкуру, я вам покажу, какие жилы взять для питья.

Всей гурьбой они пошли на поле Бернса. Гай отскочил и спрятался за спины товарищей, когда вдали показался сам Бернс, который тащил упряжкой дохлую лошадь.

— Здравствуй, Джим! — окликнул его Калев, с которым они были добрыми приятелями. — Не повезло тебе с лошадью, а?

— Да нет, не очень. Она мне даром досталась. Рад, что сдохла, — хромала давно.

— Отдай нам ее шкуру, если тебе не нужно.

— Да хоть всю бери.

— Ты только перетащи ее через межу, а мы остатки зароем.

— Хорошо. Вы не встречали моего шалопаю?

— Да, видели, — отозвался Сэм. — Совсем недавно, и он как раз шел к дому.

— Ух, если я его не найду там! — свирепо сказал Бернс.

— Только вряд ли найдете, — буркнул себе под нос Сэм.

Бернс ушел, а через несколько минут из кустов выскочил Гай и присоединился к своим товарищам.

Калев делал основную работу. Сэм и Ян помо-

гали ему, а Гай занимался тем, что вспоминал, как снимал шкуру с теленка, и давал советы, черпая их из своего богатого опыта.

Когда сняли шкуру, Калев топором вырубил печень и мозги.

— Это нужно для дубления кожи, — сказал он. — Смотрите, вот отсюда индианки берут жилы для шитья.

Калев сделал глубокий надрез вдоль позвоночника от середины спины до крупа и, засунув руку, вытащил оттуда большой жгут беловатых волокон.

— Вот вам целый клубок ниток, — сказал Калев. — Возьмите и высушите их сперва. А чтобы они не ломались, окуните в теплую воду минут на двадцать. Нитки отмякнут и будут вполне пригодны для шитья. Теперь у нас есть шкуры лошади и теленка. Надо их получше использовать.

— А как дубят шкуры?

— Разными способами. Иногда я хорошенько чищу их, пока не соскребу весь жир и мясо. Потом покрываю всю шкуру квасцами и солью и оставляю завернутой на несколько дней, а когда квасцы пропитают ее как следует, разминаю. Но у индейцев нет квасцов и соли, они смазывают шкуры смесью из печени и мозгов. Сейчас все покажу.

— Давайте сделаем, как настоящие индейцы, — сказал Ян.

— Ладно. Тогда достаньте печень и мозги теленка.

— А почему не от лошади?

— Сам не знаю. Я никогда не видел, чтобы они смазывали телячью шкуру лошадиной смесью. Наверное, так лучше.

Сам отправился домой раздобывать телячью печень и печень, а вернувшись, стал вместе с Яном очищать шкуру от мяса и жира, пока она не сде-

лалась голубовато-белой и не сольной на ощупь. Телячью печень варили целый час, потом растерли с сырыми мозгами и, смазав смесью внутреннюю сторону шкуры, сложили ее вдвое, закатали и отнесли в прохладное место. Спустя два дня шкуру чисто отмыли в ручье и повесили сушить. Когда она хорошенько просохла, Кaleb вырезал из крепкого дерева кол и показал Яну, как растянутую кожу разминать острием кола, пока она не станет совсем мягкой.

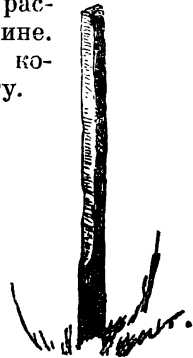
С лошадиной шкурой поступили так же, только ее вымачивали дольше. Через несколько дней Кaleb выскоблил ее и обработал.

— Вот так индейцы выделывают кожу, — сказал Кaleb. — Я видел, что шкуры вымачивали в настое пихтовой коры и тсуги. Но получается не лучше, чем у нас. Осталось прокоптить ее, чтобы она не затвердела.

Кaleb развел огонь, набросал туда гнилушек и оставил шкуру висеть над густым дымом. Через несколько часов она потемнела и стала издавать особый запах, который знаком всем, кто брал когда-нибудь в руки индейские изделия из кожи.

— Мистер Кларк, покажите нам, как индейцы шьют мокасины и военные куртки, — снова спросил Ян.

— Мокасины сделать просто, а вот военные куртки — не обещаю. Каждое племя шьет мокасины по-своему, и стоит индейцу взглянуть на обувь, он сразу определит, из какого племени незнакомец. Чаще всего делают мокасины типа «оджиб-ва», что значит «сборчатые». Они выкраиваются из одного куска кожи, в подъеме делаются сборки, и подошва у них мягкая. Другой вид мокасин распространен среди индейцев, живущих на равнине. Они делаются с твердыми подошвами, чтобы колючки кактусов, шипы и камни не кололи ногу.

— Я хочу твердые подошвы! — сказал Ян.
— Сейчас попробуем, — сказал Кaleb.
— И мне тоже! — крикнул Гай. — Это ведь моя лошадь.

— Нет, неправда, — спокойно сказал Кaleb, — эту шкуру твой отец отдал мне.

Спорить было нечего, поэтому Гай отошел в сторону, а Кaleb стал обмерять ногу Яна.

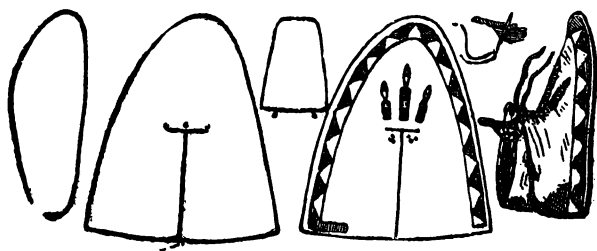
Старик взял кусок недубленной кожи, размягчил ее в воде и обрисовал на ней босую ступню Яна. Вырезав по этой линии подошву для одного мокасина, Кaleb вторую подошву выкроил по первой. Потом он смерил длину ноги и ширину ее в подъеме, прибавил по дюйму на шов и выкроил два передка из мягкой кожи. Из другого куска он вырезал язычки мокасин и пришил их к передкам.

— Вот и готовы передки, — сказал Кaleb. — Теперь, если хочешь, расшей их бусинками.

— А как?

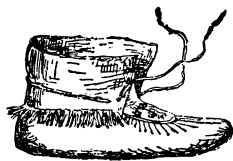
— Этому я тебя не смогу выучить. Вот как раскрасить мокасины, расскажу. Тут по краю должны быть красные и белые треугольники — они означают холмы, по которым охотник спокойно прошел путь. Маленькая синяя дорожка на пятке — это прошлое. На подъеме три дорожки: красная, белая и голубая. Они направлены вперед — значит, это будущее. Все три дорожки кончатся орлиным перышком. Когда сошьешь мокасины, разрисуй их. Теперь толстой, крепкой жилой пришьешь подошвы к верхам. Если у тебя есть шило, обойдемся и без иглы. Только смотри шей через край, а не насквозь — так жилы не будут стираться при ходьбе. Вот смотри.

Подошвы были мягкие, и мокасины можно было выворачивать на любую сторону. Наконец подошву прикрепили и, проколов четыре отверстия, пропустили в них мягкий кожаный шнурок.

После этого Ян разрисовал мокасины по индейскому обычаю, как ему показал Калев.

За это время, пока Калев и Ян трудились над одной парой мокасин, индианка наверняка сшила бы добрых полдюжины, но едва ли она испытала бы такую радость, как они.

XIV

Размышления Калеба

Время от времени в «книге посетителей» у реки Ян находил следы норки.

Судя по следам, туда повадилась крупная норка, и ребята попросили Калеба помочь ее поймать.

— В это время их еще не ловят. Ждут до октября, — ответил старик.

— А как вы их ловите, когда приходит пора?

— По-разному.

Нелегко было разговорить старика, но мало-помалу Ян сумел это сделать.

— Прежде мы ставили на норку капканы с маленькой птичкой или головой куропатки для приманки. Западня убивает сразу и наверняка. В холодную погоду тушка замерзает и сохраняется. Но в теплое время многие шкурки гибнут, если их не сразу вынуть; приходится часто проверять западни. Потом кто-то придумал стальные капканы, которые ловят норку за ногу и держат день за днем, пока она не умрет с голоду или, чтобы спастись, не отгрызет себе захваченную лапу. Я поймал как-то норку, у которой осталось всего две ноги. Капканы можно проверять реже, но, по-моему, надо вместо сердца иметь камень, чтобы расставлять их. Когда я подумал, сколько пришлось вынести этой норке с двумя ногами, я отказался от капканов. «Хочешь

ловить зверя, — сказал я себе, — ставь западню или лови живьем, но не калечь и не терзай его». Капканы со стальными когтями следует запретить законом. Это жестоко. А вот насчет охоты я вам скажу — это хорошее занятие, и за всю свою жизнь я не видел, чтобы охота испортила человека. Мне кажется, охотник добрее других. Ну, а то, что им приходится убивать, так ведь дикие звери не гибнут сами по себе: все они рано или поздно попадают в зубы к другим зверям. Уж лучше погибнуть от пули, чем от когтей волка или рыси. Только не будьте жадны — никогда не истребляйте весь род. Если охотиться с головой, будет много о чем вспомнить потом. И зла никому не причиняйте. Помню, как-то сопровождал я на охоте одного европейца. Он искалечил оленя так, что тот и шелохнуться не мог. Уселся этот горе-охотник около оленя завтракать и время от времени стрелял в зверя просто так, а ведь зверь-то все еще живой был. Когда я увидел, чем он занимается, у меня прямо кровь закипела от гнева. Отругал его последними словами и скорее прикончил оленя. После этого я смотреть не мог на того человека. Если бы пристрелили оленя на бегу, тот бы не мучился. Ведь рана от верхней пули немеет. Многие многоствольные ружья — тоже варварское изобретение. Охотник знает, что у него в запасе много выстрелов, вот и палит по всему стаду. Олени уходят раненные и гибнут в муках. А если у охотника один заряд, то он метит очень осторожно. Для охоты надо брать одностволку. Охота — занятие хорошее, только я против повальных убийств и жестокостей. Стальные капканы, легкие пули, которые ранят, а не убивают, многоствольные ружья — все это жестоко.

Калёб говорил долго, то и дело умолкая, и тогда Ян снова задавал вопросы, чтобы старик продолжал свой рассказ.

— Как вы относитесь к охоте с луком, мистер Кларк? — спросил Ян.

— С луком и стрелами на медведя не пойдешь, но я был бы очень рад, если бы птиц запретили стрелять из ружей. На них охотиться с луком хорошо. Стрела — это верная смерть или верный промах, покалечить она не может. Одной стрелой не поранишь в стае много птиц, как это случается при ружейных выстрелах. Вот так люди истребляют мелкую дичь. Придет день, и люди обретут еще более сильное оружие, которым обзаведутся всякие глупцы, и тогда будут удивляться, отчего пропала вся дичь. Я против этого. Лук и стрелы приносят меньше беды, они требуют хорошего знания леса и доставляют много удовольствия. Они не трещат на весь лес, и всегда известно, кто стрелял, потому что все стрелы меченые.

Ян жалел, что Калеб не одобрил охоту с луком на крупную дичь.

Охотник разговорился сегодня и легко отвечал на вопросы.

— А как вы ловили зверей живьем?

— Смотря какого зверя.

— Норку, например.

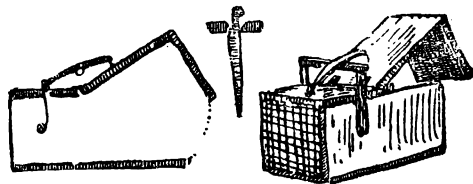
— Сейчас их нельзя ловить — детеныши погибли без матери.

— Я выпустил бы ее сразу. Просто хотел нарисовать, — поспешно сказал Ян.

— Так вреда ей, пожалуй, не будет. Найдутся у вас доски? Мы, бывало, долбили западню из целого куска пихты или серебристой сосны. Я покажу вам, как делать западню, если вы обещаете мне проверять ее каждый день.

Мальчики даже понять не могли, как можно было бы не ходить к западне ежедневно, и с готовностью пообещали это Калебу.

Они сделали западню в виде ящика в два фута

длинной, в котором одну стенку заменили сеткой из крепкой проволоки.

— Вот такой западней ловят норку, хорька, кролика, крыс и много других зверьков; это зависит от того, где вы ее поставите и какую приманку положите.

— По-моему, скала Вэйкан будет самым подходящим местом, — сказал Ян.

На железный крючок в западню насадили рыбку голову. На другое утро, когда Ян пошел проверить западню, он увидел, что дверца захлопнулась. Из ящика неслись шипение и вой, кто-то отчаянно царапал стенки.

— Ребята! — крикнул Ян. — Норка поймалась!

Мальчики вынесли западню на солнечное место, и тут они увидели, что к ним попалась всего-навсего серая кошка. Как только они подняли крышку, она выпрыгнула оттуда и скрылась из виду.

Наверное, она спешила к своим котяткам, которые так долго томилась в одиночестве.

XV

Гость

— Сэм, у меня кончилась записная книжка. Набег на бледнолицых ничего не даст. Придется идти на мирные переговоры с твоим отцом. Может, он купит мне, когда поедет в город.

Сэм ничего не ответил. Он обернулся в сторону тропки, прислушался и сказал:

— Вот он, легок на помине.

Когда из-за кустов показалась высокая фигура Рафтена, Ян и Гай смущенно притихли. А Сэм, покрытый военной раскраской, начал болтать как ни в чем не бывало.

— Здравствуй, отец. Узнаешь меня? Никак, у тебя приключилась беда и ты пришел к нам за советом?

Рафтен широко улыбнулся, обнажив в улыбке белые зубы, и мальчики сразу вздохнули с облегчением.

— Пришел проведать, не больны ли вы, — ответил он.

— Ты позволишь пожить нам еще здесь, отец? — спросил Сэм и, боясь услышать не то, что ему хотелось, поспешил задать другой вопрос: — Скажи, отец, давно здесь не видно оленей?

— Да уж около двадцати лет.

— А ты обернись, — вдруг шепнул Дятел.

Рафтен оглянулся и невольно вздрогнул: из кустов, слегка скрытое листьями, выглядывало чучело, очень похожее на живого оленя.

— Попробуйте выстрелить, — предложил Ян.

Рафтен выстрелил из лука и промахнулся.

— Эта штука не для меня. Я предпочитаю ружье.

И потом вдруг спросил:

— Старый Калев приходит к вам?

— Калев? Он у нас часто бывает.

— Смотрю, он к вам лучше относится, чем ко мне.

— Послушай, отец, почему ты думаешь, что это Калев стрелял в тебя?

— Может, на суде я и не смог бы доказать, но в тот день, когда мы с ним обменялись лошадьми, между нами произошла ссора. Он поклялся убить меня и скрылся из города. Его пасынок Дик Пог стоял рядом и все слышал. Ночью, когда я возвращался домой, кто-то стрелял в меня из кустов. Наутро неподалеку от того места нашли кисет Калеба и несколько его писем. Вот все, что я знаю, и этого вполне достаточно. Пог сыграл с ним сквер-

ную шутку, отняв у него ферму, но это уже не мое дело. Я думаю, старику скоро придется убраться отсюда.

— Похоже, Калев хороший человек, — сказал Ян.

— Он страшно вспыльчив и, когда напьется, способен на все. А так он очень спокоен.

— Что же у него произошло с фермой? — спросил Сэм. — Разве он там не хозяин?

— Нет, теперь ферма не его. Но точно не скажу. Слышал, что говорили. Конечно, Саринна не родная ему дочь. Она даже не его родственница. У него больше никого нет. Дик женился на Саринне и уговорил старика написать им дарственную на ферму. Дик обещал, что Калев будет жить с ними до конца своих дней. Но, завладев фермой, он захотел избавиться от старика. Первая ссора вспыхнула из-за Турка. Дик не разрешил ему жить на ферме, потому что пес гонял кур и душил овец. Мою овечку, верно, он загрыз. Если б я был твердо уверен в этом, сам не пожалел десяти долларов тому, кто пристрелил бы этого пса. Калев не захотел расстаться с собакой и переехал жить в хижину на другом конце фермы. Дела пошли лучше, и Дик с Саринной посылали старику муку и другую провизию. Но люди говорят, что они хотят совсем выжить старика. Я-то ничего не знаю, это не мое дело, хоть Калев и думает, что я восстанавливаю Дика против него.

— Ну, как твоя записная книжка? — спросил Рафтен, заметив в руках Яна тетрадку.

— Вот хорошо, вы напомнили! Я хотел спросить, что это такое. — И Ян показал след копыта, который он парисовал в своей тетрадке.

Рафтен прищурился.

— Не знаю. Напоминает след большого оленя. Но едва ли это так. Олени здесь уже перевелись.

— Послушай, отец, — не успокаивался Сэм, — ты бы тоже огорчился, если б тебя обобрали и выгнали из дому. Разве не так?

— Конечно. Но, неудачно выменяв лошадь, я не стал бы стрелять в человека. Если сердиться на кого, побей его или сам получи сдачи... Ну ладно, хватит. Поговорим о другом.

— Мистер Рафтен, купите, пожалуйста, мне записную книжку, когда снова поедете в город. Я не знаю, сколько она стоит, я бы сразу дал денег, — сказал Ян, беспокоясь в душе, что она стоит дороже пяти или десяти центов, которые он успел накопить.

— Обязательно. Но тебе не нужно ждать. В поселении у белых есть одна записная книжка, и ты получишь ее даром.

— Знаете, мистер Рафтен, — вдруг заговорил Гай, — я лучше их всех стреляю в оленя.

Сэм и Ян переглянулись и, ухватившись за свои длинные ножи, в один прыжок очутились около Третьего Вождя.

Тот спрятался за спину Рафтена и, как всегда, кричал:

— Не трогайте меня... Отстаньте!

Рафтен подмигнул:

— Я-то думал, у вас мирное племя.

— Скажите им, чтоб они меня не трогали! — прохныкал Ветка.

— Мы тебя отпустим, если ты разыщешь того сурка. Уже два дня у нас не было сражений.

— Ладно, — ответил Гай и немедленно пошел на поиски.

Он скоро вернулся, делая таинственные знаки. Мальчики схватили луки и стрелы, но, опасаясь обмана, выжидали. Гай бросился к своему оружию. Тогда все направились к полю. Рафтен, спросив, не помешает ли он охоте, пошел за ними вслед.

Старый седой сурок поедал клевер. Мальчики поползли вперед, как настоящие индейцы. Сурок, встав на задние лапки, прислушался. Когда он улегся, мальчики поползли дальше и замерли шагах в сорока от зверька. Сурок снова насторожился, и Сэм шепнул:

— Когда он примется есть, стреляем все разом.

Как только показалась серая спинка, мальчики, приподнявшись, выстрелили. Стрелы просвистели мимо, а сурок скрылся в норе раньше, чем охотники выстрелили вторично.

— Что же ты промахнулся, Ветка?

— Вот увидите, в следующий раз...

Рафтен встретил их насмешкой:

— Эх вы, горе-охотники! Не будь рядом поселения белых, вы бы давно умерли с голоду. На нашем месте настоящие индейцы всю ночь караулили бы сурка около норы и поймали его на рассвете. Когда вы покончите с ним, я вам покажу, где водится еще один сурок.

С этими словами он ушел. Сэм крикнул ему вдогонку:

— Послушай, отец, где записная книжка для Яна? Он ведет счет нашим подвигам, и книжка ему скоро понадобится!

— Я оставлю ее на твоей кровати.

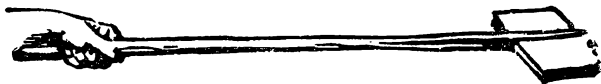
Рафтен так и сделал, а Сэм и Ян достали ее через окно палкой, расщепленной на конце.

XVI

Как Ян узнавал уток издалека

Однажды Великий Дятел, лежа в теньке, сказал повелительным голосом:

— Мне скучно, Маленький Бобр! Расскажи что-нибудь.

— Не хочешь ли поучиться говорить на моем языке? — спросил Второй Вождь, хотя уже не раз пробовал учить Гая и Сэма древнему языку своего племени (который он сам придумал).

— Говорю тебе: расскажи что-нибудь, — мрачно повторил свирепый Дятел.

— Ну, слушай, — начал Маленький Бобр. — Я расскажу тебе об одном человеке. Он поселился в лесу и хотел поближе узнать жизнь зверей. Было очень трудно: никто не помогал ему, но он по-прежнему оставался в лесу. Как-то он прочел книжку, в которой рассказывалось про птиц, и ему казалось, что он видит их своими глазами. На самом же деле птицы были далеко, и его это очень огорчало. Однажды он заметил дикую утку на пруду, но разглядел только цвет ее перышек. Он все-таки зарисовал ее и спустя некоторое время по рисунку определил, что видел чирка-свистунка. И тогда ему в голову пришла отличная мысль: у каждой утки свои пятнышки и полоски, которые служат им, как солдатам мундиры. Если зарисовать все их крапинки, то можно различать уток на расстоянии. Так он и сделал. И вот однажды он срисовал на пруду новую утку и после этого видел ее еще много-много раз. Никто не мог ему сказать, какой она породы, хотя рисунок был велико-лепный. Пошел он с горя в типи, стащил последнее яблоко своего Великого Вождя и стал его жевать, чтобы больше не расстраиваться.

С этими словами Ян вынул яблоко и с печальным видом принялся грызть его.

Не дрогнув ни одним мускулом, Великий Дятел продолжал рассказ Яна:

— Когда Великий Вождь узнал ужасную историю погибшей жизни, он сказал: «Мне не жалко это старое яблоко. Я выудил его из свиного корыта. Мне кажется, что, если человек не доводит до

конца дело, он поступает очень глупо. Если бы этот храбрый юноша, вместо того чтобы красть гнилые яблоки, по которым разгуливали свиньи, пришел и поделился своими сомнениями с Великим Вождем Племена, то благородный краснокожий индеец сказал бы ему: «Сын мой, ты правильно сделал, что пришел ко мне. Ты хочешь знать уток? Вах! Хорошо!» И он повел бы этого простодушного юношу в гостиницу города Дауни и показал ему все породы уток, которые только рождались на свет. На каждой утке там есть ярлычок и название. Вах! Я кончил!

Великий Дятел бросил гневный взгляд на Гая, который не знал, как отнестись к этому рассказу, и принял все за насмешку. Однако Сэм говорил обо всем этом всерьез.

Последнее предложение Главного Вождя показалось всем очень разумным, и они решили отправиться в маленький городок Дауни, стоявший милях в пяти от их лагеря.

— По-моему, надо оставить Третьего Вождя для охраны, — сказал Сэм. — И я думаю, мы должны пойти в город как белые.

— Ты хочешь снова стать белым?

— Да. И взять двуколку и лошадь тоже. До города пять миль.

Яп огорчился. Он воображал, что они пойдут пешком через лес. Но предложение Сэма было разумным, и он согласился.

Рафтена дома не оказалось. Мальчики быстро запрягли лошадь и поехали в город.

Приехав в Дауни, они первым делом зашли в лавку, где Сэм сделал закупки для матери. Убедившись, что у Яна есть карандаш, резинка и тетрадка, мальчики направились в гостиницу. Яп чувствовал себя, как деревенский мальчик, который

впервые шел в цирк, — наконец-то увидит он то, о чем так долго мечтал.

Все послеобеденное время Ян рисовал селезней и уток: у владельца гостиницы их оказалось больше пятидесяти пород. Ян чувствовал себя Аладдином в волшебном саду, перед несметными сокровищами. У каждой птицы был ярлычок с названием, и Ян увез с собой кипу набросков. Он был безмерно счастлив. Впоследствии он составил целую таблицу разных уток, и многие загадки были для него решены.

Когда в сумерках они вернулись в лагерь, на тропе их встретило белое привидение. Головою ему служил гриб-дождевик, вырезанный как череп, а туловищем — старая газета.

В типи было пусто. Водрузив привидение на палку, Гай, очевидно, не рискнул остаться с ним наедине во мраке ночи и сбежал.

XVII

Подвиг Сэма

Плотничать — было давнишнее пристрастие Сэма. Даже знатоки этого ремесла отмечали его хорошую работу. А индейцы считали Сэма просто волшебником. Ян мог часами безуспешно возиться с каким-нибудь чурбачком, пытаясь расколоть его, пока не слышал от Сэма: «Стукни вот здесь». Если же Сэм брал в руки топор, полено вмиг разлеталось. Для счастливого удара правил не существовало. Иногда надо было рубить над сучком, в другой раз наоборот — снизу. Сэм всегда знал, где опустить топор. Ошибался он редко и никогда не хвастался.

Однажды Ян бился над толстой палкой. Гай пытался помочь ему, но тоже напрасно.

— Эй, Сэм! — крикнул Ян. — Эту штуку и ты не расколешь!

Сэм повертел в руках палку, поставил ее торчком и вылил на нее чашку воды. Когда вода впиталась, он со всей силы ударил топором. Палка тут же раскололась пополам.

— Ура! — восторженно крикнул Маленький Бобр.

— Подумаешь! — сказал Гай. — Это случайно. Второй раз у тебя не выйдет.

Ян понимал, что вода уменьшила упругость и изменила равновесие палки.

— Зарубку-то я сделал, — снова начал Гай.

— А по-моему, это подвиг, — сказал Бобр.

— Чепуха! — вспылил Третий Вождь. — Ты сможешь в три минуты повалить дерево шести футов толщиной?

— Какое дерево? — спросил Дятел.

— Да любое.

— Держу пари на «гран ку», что я повалю се-ребристую сосну в две минуты и в любую сторону. А ты выберешь место, куда дереву падать. Вбей колышек, а я стволом вгоню его в землю.

Сэм наточил топор, и все отправились выбирать дерево. Они нашли сосну толщиной в шесть-семь дюймов, и Сэму разрешили вырубить вокруг кусты, чтобы удобней было валить дерево. Каждое дерево в лесу клонится в свою сторону. Эта сосна слегка кренилась к югу. Ветер дул с севера, и Ян решил вбить колышек к югу от ствола.

В раскосых глазах Сэма мелькнул огонек, но Гай, который тоже немного разбирался в рубке деревьев, тут же презрительно фыркнул:

— Ишь какой! Так-то просто! Каждый свалит дерево по ветру. А ты вот где вбей кол! — И Гай воткнул колышек с северо-западной стороны. — Теперь посмотрим.

— Ладно. Увидишь. Дай-ка я только пригляжусь, — сказал Сэм.

Сэм обошел дерево, посмотрел, в какую сторону оно клонилось, изучил силу ветра, потом закатал рукава, поплевал на ладони и, став к востоку от сосны, сказал:

— Готово!

Ян взглянул на часы и крикнул:

— Начинай!

Сэм дважды сильно ударил по стволу, и с южной стороны появилась глубокая зарубка. Затем он обошел дерево и сделал с северо-западной стороны еще одну зарубку, немного ниже первой. Рубил он не спеша, каждый удар был строго рассчитан. Первые щепки были длиной в десять дюймов, но чем глубже становилась зарубка, тем короче отлетали щепки. Когда ствол был подрублен на две трети, Ян крикнул:

— Минута!

Сэм опустил топор, хлопнул ладонью по стволу и посмотрел на верхушку дерева.

— Торопись, Сэм! Ты теряешь время! — крикнул ему друг.

Сэм молчал. Он следил за ветром. И вот верхушка качнулась. Раздался оглушительный треск. Чтобы испытать устойчивость дерева, Сэм сильно толкнул его и, как только сосна стала крениться, быстро нанес три удара подряд, перерубив оставшуюся часть. Дерево качнулось и под сильным порывом ветра рухнуло, вогнав колышек глубоко в землю.

— Ура! — закричал Ян. — Минута и сорок пять секунд!

Сэм молчал, только глаза его необычно блестели. А Гай опять сказал:

— Подумаешь! Чепуха все это.

Ян измерил пень.

— Семь дюймов! — снова радостно крикнул он. — Молодец, старина! Это настоящий большой подвиг — «гран ку»!

И, несмотря на все уговоры Гая оставить награждение до прихода Калеба, Сэм получил большое орлиное перо, как лучший лесоруб сэнгерских индейцев.

XVIII

С о в ы

Однажды вечером, перед тем как улечься спать, Сэм смотрел на звезды. Где-то неподалеку кричала сова: «Оху-оху-оху!»

Вдруг шагах в двадцати от мальчика бесшумно опустилась большая птица.

— Ян! — прошептал Сэм. — Дай мне лук! Скорее! Здесь сова, та, что цыпляет гаскает!

— Он хочет тебя надуть, — спросонья буркнул Гай из-под одеяла. — Я бы не пошел.

Ян тут же выскочил из типи, захватив оружие.

Сэм выстрелил, но, видно, промахнулся. Сова расправила крылья и улетела.

— Пропала моя лучшая стрела! — крикнул Сэм. — Это была «Верная смерть».

— Эх, ты! — огорчился Ян, заметив промах. — Совсем стрелять не умеешь!

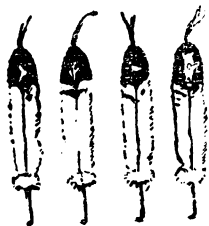
Неожиданно снова зашуршали крылья и на «заколдованный столб» уселась сова.

— Моя очередь! — шепнул Ян.

Он натянул лук, но сова, как и в первый раз, улетела невредимой.

— Стрелок! — с досадой сказал Сэм. — Такой удобный случай! Чего ж ты промазал?

— Если она вернется еще раз, позовите меня, — проищал Гай. — Я вас поучу стрелять, ребята!

Ночью мальчиков разбудил шорох, и Ян, выглянув наружу, сказал:

— Никак, снова вернулась.

— Конечно, тебя ей бояться нечего! — сказал Сэм.

Утром мальчики пошли искать свои стрелы. Но не успели они отойти от типи, как Ян закричал с нескрываемым удивлением:

— Смотри! Смотри! Вот одна! А вон — другая!

На земле, шагах в десяти друг от друга, лежали две совы. Оба выстрела оказались настолько меткими, что мальчики только и могли сказать:

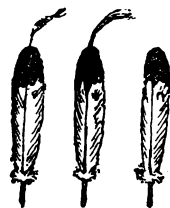
— Доведись нам увидеть такое на картинке, не поверили бы.

Великий совет племени наградил каждого охотника лучшим орлиным пером. Лишь один голос был против.

XIX

Испытание характера

Мальчики, выслушав Калеба, сделали себе военные шапки совсем как у индейцев. Белые хвостовые перья индюка и гусиные, зачерненные на концах, заменили орлиные перья. Из старой упряжки вытащили несколько пучков окрашенного в красный цвет конского волоса. Все это было необходимо для настоящих индейских шапок. Кaleb с большим интересом относился к новому увлечению ребят и помогал им решать, за какие подвиги какие присуждать награды. Сэм получил несколько перьев за меткую стрельбу, плавание и успешные «набеги на бледнолицых» и два великолепных пера с пучками конского волоса за поваленную сосну и убитую сову.

Яну присудили несколько «ку» за то, что он научился разбирать следы зверей; «гран ку» — за то, что попал оленю прямо в сердце; «гран ку» — за то, что проплыл двести ярдов в пять минут; за то, что прошел четыре мили в час; за то, что пробежал сто шагов за двенадцать секунд; за то, что хорошо знал названия многих растений, и, наконец, еще один «гран ку» — за то, что застрелил сову в темную ночь.

Гай получил несколько «ку» за острое зрение. Он видел в созвездии Большой Медведицы «ребенка на спине у старухи». Но мальчика очень огорчало, что у него на счету не было «гран ку», и Калев, который, хотя и хорошо относился к Гаю, все же не смог присудить ему высшую награду.

— Скажи, Калев, что индейцы ценят больше всего в человеке? — спросил однажды Гай, надеясь, что наконец его острое зрение будет награждено.

— Храбрость, — ответил Калев. — Самое важное для них — храбрость воина. Да это не только у индейцев. Смелых людей уважают все.

— Я ничего не боюсь! — воскликнул Гай, вспыхнув от радости.

— Ну, попробуй побороться с Яном.

— Это нечестно! Он старше и больше меня.

— Слушай, Ветка, что я тебе скажу. Сходи в сад и принеси ведро вишен; к девяти часам там уже никого не будет.

— Ишь какой! Хочешь, чтобы Кэп загрыз меня?

— Тебе же ничего не страшно! А испугался маленького пса, который меньше годовалого телка!

— Я просто не люблю вишен.

— Вот что, Гай, я устрою тебе настоящее испытание. Видишь этот камень? — И Калев поднял маленький круглый булыжник с дыркой. — Теперь скажи: ты знаешь, где могила старого Гарни?

Гарни, как утверждали его друзья, был беспутный солдат, который случайно, по своей собственной неосторожности, застрелился. Он был похоронен к северу от владений Рафтена, у перекрестка дорог.

Люди говорили, что всякий раз, когда над его головой проезжает телега, Гарни стонет. Но среди стука колес эти стоны не слышны, поэтому Гарни дожидается полуночи и тогда уж кричит во всю глотку. Каждый, кто слышит его, должен немедленно выразить сочувствие, иначе его постигнет несчастье.

— Так вот, — сказал старик, — я положу этот камень на могиле Гарни, а ты ночью сходи и принеси его. Согласен?

— Да-а, — протянул Гай без особого энтузиазма.

— Если он струсил сейчас, что же ночью будет? — насмешливо заметил Дятел.

— Чтобы ты не перепутал камень, — сказал Калеб, — я продерну веревку в дырочку.

Ночью мальчиков разбудил чей-то голос; кто-то стучал по крышке.

— Эй, Гай!

— Кто там? — испуганно откликнулся Гай.

— Это я, Калеб. Скоро полночь. Тебе пора идти на могилу Гарни. А если ты сразу не найдешь место, где я положил камень, прислушайся к стону. Это тебе поможет.

Калеб говорил хриплым шепотом и, казалось, сам был порядочно напуган.

— Я... я... — заикаясь, начал Гай, — я не увижу сейчас дороги.

— Не упускай этого случая, мальчик, — сказал Калеб. — Если ты принесешь камень с могилы Гарни, мы присудим тебе «гран ку». Я подожду тебя здесь.

— Я... я... не увижу этот булыжник в такую темень... Я... я... не пойду.

— Ты трус! — прошептал Калев.

— Я не трус. Только зачем идти, если я все равно не найду? Вот когда будет луна, тогда пойду.

— Так кто же из вас смелый?

— Я пойду! — в один голос ответили Сэм и Ян, хотя каждый надеялся, что пойдет другой.

— Ну, Бобр, я тебе уступаю эту честь, — поспешно заявил Дятел.

— Я с удовольствием пойду, но... но... мне неудобно опережать тебя — ты ведь Старший Вождь! Это нечестно, — ответил Ян.

— Давай бросим жребий, — сказал Дятел.

Ян раздул угли. Сэм отыскал соломинку, разломил на две неравные части и зажал их в кулаке, выставив Яну одни лишь кончики.

— Кто вытянет длинную соломинку, тот и пойдет.

Ян знал, что обычно короткую соломинку высывают подальше, и принялся тащить другую. Он тащил медленно, и, казалось, этому не будет конца. Сэм разжал ладонь — у него осталась короткая соломинка.

— Тебе идти. Вот счастличик! — сказал он с явным облегчением. — Всегда получается потвоему.

Если бы нашлась какая-нибудь увертка, Ян непременно прибег бы к ней, но теперь делать было нечего. Не столько мужество, сколько гордость заставила его идти.

Ян начал торопливо одеваться. Руки его дрожали, пока он шнуровал ботинки. Калев сидел около типи; увидев, что это Ян собирается идти, он обнял его и сказал:

— Молодец! Я провожу тебя до опушки — дальше нельзя — и подожду тебя. Найти нетрудно.

Отсчитай четыре межи от маленького вяза и сразу через дорогу увидишь большую плиту. К северу от нее лежит камень. Веревку ты сразу нащупаешь. Вот, возьми с собой мел; если не дойдешь до могилы, отметь на изгороди, до какого места добрался. Ты не думай про стоны — это все выдумки! Главное — не трусь!

— Я боюсь, но все-таки пойду.

— Правильно! — подбодрил мальчика старый охотник. — Кто идет, побеждая свой страх, — храбрее храброго.

Разговаривая, они вышли из леса.

— Скоро полночь, — сказал Калев, освещая часы спичкой. — Ступай смелее. Я подожду здесь.

Ян остался один.

Стояла темная ночь; Ян старался идти вдоль изгороди и скоро выбрался на дорогу, которая чуть белела среди черной травы. Мальчик прошел полпути. Сердце его отчаянно колотилось, а руки стали ледяными. Ночную тишь раз или два пререзал тонкий мышинный писк. Ян вздрогнул, но не остановился. Неожиданно справа от дороги он услышал шорох и заметил впереди что-то белое. Мальчик похолодел. Казалось, на него двигается человек без головы. Ян застыл на месте, потом дрогнувшим голосом крикнул:

— Кто там?

Ответа не последовало; белая фигура продолжала двигаться прямо на него. Ян схватил несколько камней и швырнул их в «привидение». Оно отскочило в сторону и с громким топотом понеслось по дороге. Тут Ян увидел, что принял за привидение белую корову бабушки Невилль.

Сначала у него дрожали колени, потом он стал спокойной размышлять. Если старая корова могла мирно лежать здесь всю ночь, чего же тогда ему бояться? Он неторопливо пошел дальше. Вяза все

не было, и к Яну стал возвращаться страх. А что, если вернуться назад? Нет, так поступают трусы. Если он не отыщет вяза, то хоть сделает отметку, до какого места дошел. Ян осторожно пробрался к изгороди и тут неожиданно шагах в двадцати пяти заметил вяз. На запад от дерева он отсчитал четыре межи и сообразил, что стоит теперь как раз напротив могилы. Было, вероятно, около полуночи. Ему показалось, что он слышит поблизости какие-то звуки. Посреди дороги он увидел белый камень. Ян старался двигаться как можно тише. Почему? Он и сам не знал. Споткнувшись в грязной канавке, окружавшей могилу, он дотянулся до плиты и стал холодными, влажными руками шарить по ней, отыскивая веревку. Ее нигде не было. Ян взял мелок и написал на камне свое имя. Какой ужасный скрип! Ян ощупал землю вокруг. И тут он нашел веревку! Наверное, ветер сдул ее с камня. Маленький булыжник, к которому она была привязана, с громким стуком покатился по могильному камню. Вдруг что-то шлепнулось в грязь, слышались сдавленные стоны, будто кого-то душили. Яна охватил ужас. Но, вспомнив корову, он собрался с силами, вскочил и словно ветер помчался по дороге. Он ничего не видел на своем пути и чуть не спиб с ног человека. Это был Калев.

— Ян! Ты?

Ян не мог и слова вымолвить. Весь дрожа, он прижался к старому охотнику.

— Что там, Ян?

— Я... я не знаю, — еле выдавил мальчик. — Там что-то на могиле...

— Вот как! Я тоже слышал, — сказал Калев с некоторым беспокойством. — Ну, ничего. Через десять минут мы уже будем в лагере.

Он взял Яна за руку и повел по дороге. Мальчик все еще не пришел в себя, но, дойдя до меченой

тропы, почувствовал себя в безопасности. Тогда он услышал свой голос:

— Я нашел камень и написал свое имя на плите.

— Молодец! Ты смелый парень! — с восхищением отозвался старик.

Они очень обрадовались, когда увидели огонь в типи. За несколько шагов они крикнули, подражая сове: «Оху-оху-оху!» Это был их условный клич: большинство индейцев ночью пользуются совиным криком. В ответ из типи донеслись такие же звуки.

— Все в порядке! — крикнул Калев. — Он принес камень и написал свое имя на могиле. Молодец! Ему мы присудим «гран ку».

— Я могу пойти хоть сейчас, — сказал Гай.

— Ну что ж, иди.

— А как же я пойду, камня-то уже нет?

— Так ты напиши свое имя на плите, — сказал Ян.

— Подумаешь, это ничего не значит! — сказал Гай и поспешил заговорить о другом.

Притихшие индейцы сидели вокруг костра и слушали Яна. А он рассказывал о своем походе, не преуменьшая страха, который довелось ему испытать.

Кончив, он спросил:

— Ну как, Гай, не хочешь ли сходить туда?

— Отстань ты! — сказал Гай. — Заладил одно и то же!

Калев взглянул на часы, словно собираясь в дорогу; заметив это, Ян сказал:

— Не переночуете ли с нами, мистер Калев? Здесь много места.

— И верно, а то уже поздно, — согласился старик.

Белый револьвер

После завтрака Великий Дятел высказал желание всего Совета Вождей осмотреть могилу.

— Мне кажется, что Ян написал свое имя не на камне, а на какой-нибудь корове, которая ночевала там. Ей это не понравилось, вот она и завопила на весь свет!

Через несколько минут они были уже около могилы. На шершавом грубом камне неровным почерком, но вполне четко было выведено: «Ян».

— Ну и почерк! — заметил Гай.

— Молодец! — радостно сказал Сэм. — Я б не смог этого сделать.

— А я бы смог, — похвастался Гай.

— Вот здесь я перескочил через канаву. Видишь мой след? А вот с этого места я услышал крики. Давайте поглядим, оставляют ли духи свои следы... Смотрите! — вдруг крикнул Ян.

В грязи, в канаве, все увидели следы взрослого человека. Очевидно, он упал на руки, потому что на земле остались отпечатки его пальцев. И вдруг зоркие глаза Гая увидели какой-то блестящий предмет. Он поднял его. Это был револьвер с белой рукояткой.

— Ну-ка, дайте посмотреть, — сказал Кaleb.

Он обтер оружие, и в глазах его вспыхнул огонь.

— Это мой револьвер! — закричал он. — У меня украли его вместе с деньгами и другими вещами!

Кaleb оглядел револьвер со всех сторон.

— Не могу понять... — бормотал он время от времени. — Не могу понять, откуда он здесь...

Больше ничего интересного они не нашли и двинулись в обратный путь. Кaleb всю дорогу

был погружен в собственные мысли. В молчании они дошли до хижины бабушки Невилль, расположенной неподалеку от могилы солдата. У дверей хижины Калев обернулся к мальчикам и сказал:

— Пожалуй, я зайду сюда. Скажи, Ян, прошлой ночью ты хоть слово обронил там, на белом камне?

— Нет, ни звука. Только камешек стукнул по валуну.

— Ну ладно, увидимся в лагере.

— Доброе утро, Калев! — приветствовала его старуха. — Заходи, садись... Как поживают Дик и Сарянна?

— Похоже, они счастливы и процветают, — с горечью ответил Калев. — Послушай, бабушка, ты слыхала когда-нибудь историю Гарни, который похоронен на дороге?

— Что тебе вдруг понадобилось вспоминать об этом? Конечно, слыхала. И не раз. Вот и прошлой ночью какие-то вопли неслись оттуда. Я до сих пор дрожу.

— А что ты слышала?

— Ах, какие-то страшные крики! Мой пес и кошка до смерти перепугались. А старая корова даже плетень перескочила, убегая с дороги.

— Ты не слыхала, бабушка, что будто на той неделе ограбили кого-то в Дауни?

— Вот как? — удивленно воскликнула старуха, и глаза ее странно сверкнули. — А кого, не знаешь?

— Говорят, Джона Ивенса.

— Сама я его не знаю. Ну, он-то не обеднеет. И ко мне тоже некогда приходили, когда в округе болтали, что мы продали корову. Всегда пронюхают, где деньги.

— Это верно. Когда ж тебя ограбили, бабушка?

— Да разве я говорила, что ограбили? — И она хахихикала. — Они только собирались.

Она рассказала Калебу, как среди ночи к ней свалились двое: высокий был чернее тучи, а второй — маленький, широкоплечий и очень веселый. Старуха не позабыла и про черные бороды разбойников, и про то, что один был левша и у него не доставало среднего пальца на правой руке.

— Когда это случилось, бабушка?

— Да, наверное, года три назад.

Узнав все, что ему было нужно, Калев распростился со старухой и пошел к мальчикам. За последние четыре года, думал он, идя по дороге, стали слишком часты грабежи в округе. И каждый раз обкрадывали людей, у которых появлялись деньги. Похоже, что воры имели точные сведения.

Когда Калев скрылся в хижине старухи Невилль, Ян сказал приятелям:

— Вы идите в лагерь. Я скоро приду.

Мальчику хотелось срисовать отпечатки следов около могилы и постараться выследить этого человека.

Ян внимательно рассматривал следы. Он заметил, что каблочки были подбиты тремя рядами мелких гвоздей, шляпки торчали вкривь и вкось, а на левом ботинке была дырка. Потом Ян пригляделся к отпечатку рук. В нем было что-то странное. Присмотревшись к нескольким четким следам, Ян понял: на правой руке не доставало среднего пальца.

Ян шел по следам на дороге, пока они, свернув к югу, не затерялись в траве.

По пути он нагнал Калеба, который тоже шел в лагерь.

— Мистер Кларк, — сказал Ян, — я срисовал следы около могилы. Вы знаете, у того человека всего четыре пальца на правой руке.

— Что?! — воскликнул Калев. — Ты не ошибся?

— Пойдемте посмотрим вместе.

Да, Ян оказался прав.

— Никому не говори об этом, Ян.

Старик распрощался с мальчиком и пошел к дому Дика Пога. Тут около двери Калев увидел те же следы, что и у могилы Гарни. А на веревке сушились измазанные глиной штаны.

С той ночи старик стал очень уважать Яна. К Гаю, который испугался пойти за камешком, он совсем охладел. Калев пригласил к себе Яна, чтобы показать ему, какие он мастерил лыжи. На его приглашение явилось все племя.

С тех пор как Ян познакомился с Калевом, он больше ни разу не был у него.

Как и в тот день, в ответ на их стук за дверью раздавался громкий собачий лай.

Пока Ян рассматривал лыжи, острые глазки Гая разглядели на койке старика белый револьвер. Вычищенный, смазанный, он был в полном порядке. Калев не мог нарадоваться своей находке: ведь новое оружие стоило очень дорого и было не по карману старику.

— Давай, Калев, постреляем, — сказал Гай. — Вот увидишь, я это делаю лучше других.

Калев достал несколько патронов и показал на пенек с белым пятнышком в сорока шагах от дома. Гай сделал три или четыре выстрела и Ян столько же, но никто не попал в цель.

— Смотрите, как надо, — сказал Калев.

Маленькая рукоятка револьвера, казалось, потонула в загрубевшей руке охотника. Быстро, почти не метаясь, он выпустил все шесть зарядов. Один за другим они вошли в белое пятно, а два — в черный кружок, нарисованный в самом центре.

Мальчики были в восторге.

— Да, лет двадцать назад я хорошо стрелял, — добродушно проговорил Калев. — Но это пустяки. Сейчас я вам покажу штуку посложнее!

Он поставил три патрона на расстоянии двадцати пяти шагов и тремя выстрелами сбил их. Потом сунул револьвер в боковой карман куртки и, не вынимая его, без прицела, метко выстрелил в белое пятно на пенке, тоже шагах в двадцати пяти. Найдя старую консервную банку, Калев поставил ее на пальцы правой руки, а револьвер положил на ладонь. Одним рывком он подбросил все это вверх и, прежде чем револьвер упал, подхватил его и прострелил на лету дно жестянки.

Мальчики просто онемели от удивления и восторга. А Калев вошел в хижину, чтобы вытереть револьвер.

— Теперь я точно знаю, что это не он стрелял в отца, — шепнул Сэм Яну: — он бы непременно убил его.

Калев случайно услышал слова Сэма и, выйдя на крыльцо, спокойно и ласково улыбнулся. С тех пор он стал разговаривать с Сэмом.

В хижине Калеба воцарилось мирное, добродушное настроение, и Ян наконец высказал вслух то, о чем давно мечтал:

— Мистер Кларк, пойдёмте вместе с нами охотиться на енотов. Мы знаем, где они кормятся у реки. Там их много.

Если бы Ян попросил его с месяц назад, то в ответ услышал бы: «Не знаю. Времени нет», — но теперь, после той ночи, когда Ян бесстрашно отправился на могилу Гарни, Калев был целиком на стороне мальчика.

— Ладно, — сказал старик, — только в прохладный вечерок. Тогда пес будет лучше идти по следу.

Гай торжествует

С того дня, как мальчики впервые заметили сурка на поле Бернса, они охотились за ним каждое утро. Это вошло у них в привычку, как еда или мытье рук. Обычно первым видел сурка Гай. Следовали три безобидных выстрела, сурок прятался в нору, и на этом охота кончалась.

Однажды утром мальчики решили разойтись. Сэм подошел к полю с одной стороны, Ян и Гай — с другой. Сначала казалось, что зверя нигде нет. Но вдруг Гай шепнул:

— Вижу!

В густой траве, шагах в шестидесяти от мальчиков, Гай разглядел пятнышко серого меха.

— Это он!

Ян ничего не видел, а Сэм, хотя и заметил что-то, сомневался. В следующую минуту сурок (это действительно был он) встал на задние лапки. Тут уж все увидели его светло-коричневую спинку.

— Ну и Ветка! — воскликнул Ян. — Тебя бы назвать Ястребиным Глазом!

— Очень хорошо! — обрадовался Гай. — Зови меня так, ну пожалуйста! Очень тебя прошу! — добавил он умоляюще.

— Я думаю, Дятел, он заслужил это имя, — сказал Ян. — Он — молодец и ведет себя, как настоящий индеец.

— Мы созовем совет и тогда решим, — хладнокровно заявил Дятел. — Теперь за дело!

— Послушай, Ветка, не можешь ли ты обойти поле с другой стороны и пробраться между сурком и норкой? — спросил Великий Вождь.

— Вот увидишь, я могу. И ставлю доллар, что...

— Послушай, — вмешался Ян, — у индейцев нет денег.

— Ну ладно, ставлю свой скальп — вот этот черный скальп против скальпа Сэма, что я первый убью сурка!

— Ну, позволь мне убить его первым, а ты это сделаешь вторым, — насмешливо протянул Сэм.

— Боишься за свой скальп?

— Ты у меня получишь! — пригрозил Сэм.

У каждого мальчика был пучок черных конских волос, который они называли «своим» скальпом и привязывали к макушке веревочкой.

— Бросьте ссориться, Великие Вожди, — сказал Бобр. — Давайте договоримся так: если Дятел убьет сурка, он берет скальп Ветки. Если Ветка добудет зверя, ему достанется скальп Дятла. И вдобавок победитель получит большое орлиное перо.

Сэм и Ян с нетерпением ждали в лесу, пока Ветка рыскал по полю. В этот день сурок казался особенно дерзким. Он далеко уходил от своей норки и временами совсем терялся из виду. Мальчики уже видели, как Гай подобрался к норе, а сурок этого не заметил. Обычно враги появлялись с другой стороны.

Гай, плотно прижавшись к земле, полз по клеверу. Шагов через тридцать он очутился как раз между сурком и его норкой. Зверек по-прежнему лакомился травой и посматривал иногда в другую сторону. Мальчики следили за ним из лесу с напряженным вниманием. А Гай сурка не видел. Мальчики всячески старались жестами показать ему, где сидит сурок. Наконец Гай понял: «Пора стрелять». Он осторожно приподнялся. Увидав его, сурок метнулся к норе, прямо навстречу Гаю. Гай впопыхах выстрелил, но мимо. И тут сурок, прыгнув на Гая, до смерти напугал его. Гай попытался, не зная толком, в какую сторону ему бежать. Сурок хотел проскочить мимо мальчика. Гай в ужасе кинулся в сторону и, споткнувшись, всем телом

упал на сурка, оглушив его на какое-то мгновение. Вскочив на ноги, Гай хотел пуститься наутек и тут заметил, что зверек еле дышит. Гай собрал все свое мужество и стукнул сурка по носу.

Радостные крики, донесшиеся из лесу, возвестили Гаю о его победе. Когда мальчики подбежали к нему, он стоял в картинной позе: в одной руке высоко держал лук, а в другой — за хвост пушистого зверя.

— Учитесь у меня, как надо стрелять сурков! Смотрите, какой огромный! Наверняка весит пятьдесят фунтов. (Сурок потянул бы на самом деле не больше десяти.)

— Ура! Да здравствует Третий Вождь Ветка!

Теперь уж Гаю нельзя было пожаловаться, что друзья не оценили его победы.

— Хорошо бы найти где-нибудь других сурков. Я-то знаю, как их надо ловить.

— За это, Ветка, ты получишь «гран ку».

— Да, и ты еще обещал звать меня «Ястребинный Глаз!» — напомнил Гай.

— Ну, сначала мы созовем Великий совет и обсудим это, — важно сказал Великий Вождь Дятел.

— Давайте устроим совет в полдень. Ладно?

— Хорошо.

— Нет, около четырех!

— Да в любое время.

— Вы дадите мне имя «Ястребинный Глаз» и еще большое орлиное перо за то, что я поймал сурка, да? И все это в четыре часа.

— Можно. Только почему тебе обязательно хочется в четыре?

Гай сделал вид, что не расслышал вопроса, и после обеда куда-то исчез.

— Наверное, опять не хочет мыть посуду, — решил Дятел.

— Да нет, — сказал Второй Вождь. — По-моему, он побежал за своими родными, чтобы те увидели, как его награждают.

— Может быть, — согласился Дятел. — Давай тогда устроим такое торжество, будто это особый день в истории! Уж я постараюсь.

— Ладно, — сказал Ян. — Ты позови своих. А я уговорю Калеба.

— Боюсь, что моих родных еще нельзя свести с Калемом, — ответил Сэм.

Было решено, что Сэм пойдет за своей матерью, а Ян тем временем приготовит большое орлиное перо и сдерет шкуру с сурка.

Сурок попался крупный; конечно, не «с медведя», но Ян все-таки завидовал, что это Гай убил зверька. Оставался еще час времени, и Ян постарался устроить настоящее индейское торжество. Он обрезал когти сурка и нанизал их на шнурок вперемежку с дюймовыми палочками бузины, из которых выдолбил сердцевину. Коготки были неровные — одни длинные, другие короче, — но в целом вышло совсем настоящее индейское ожерелье.

Гай мчался домой, словно на крыльях. Когда он бежал по саду, отец окликнул его, собираясь, наверное, загрузить работой, но Гай стрелой влетел в комнату.

— Мама! — крикнул он с порога. — Ты должна меня видеть! Приходи к нам в лагерь к четырем часам. Меня сделают Главным Вождем! Я убил того старого сурка, который чуть не искалечил папу! Ребята ничего не могли сделать без меня. Они тысячу... нет, наверное, миллион раз пробовали поймать сурка. Совсем уж измучились, и тогда я его выследил. Эти мальчишки совсем ничего не видят. Они вообще и в лагере без меня обойтись не могут! Я их учил, как надо охотиться на оленя, потом я

их учил и... и... в общем, очень многому. Поэтому они теперь сделают меня Главным Вождем и назовут «Ястребиный Глаз»! Сегодня в четыре часа состоится совет. Приходи и ты, мама!

Отец Гая, который вошел в этот момент в комнату, велел сыну немедленно приняться за прополку картофеля, но миссис Бернс удалось уговорить мужа отпустить мальчика.

Два часа потребовалось миссис Бернс, чтобы привести в приличный вид своих четырех загорелых дочек. Наконец все они отправились в путь: миссис Бернс одной рукой держала малыша, в другой у нее был кувшин с вареньем. Гай бежал впереди и показывал дорогу. Следом за матерью, держа за руки, вышагивали сестрички.

У мальчиков все было готово к большому празднику.

В одном углу на ковре из телячьей шкуры восседал совет. Гай еле уместился на шкурке убитого им сурка. Слева от победителя сидел Сэм, а справа — с барабаном — Ян. Посреди типи пылал костер; один край полотнища подняли, и часть гостей разместились в палатке.

Великий Вождь Дятел зажег трубку мира, затянулся, выпустил четыре клуба дыма во все стороны и передал ее Второму и Третьему Вождям, которые проделали то же самое.

Маленький Бобр три раза ударил в барабан, требуя внимания, и Великий Вождь начал свою речь:

— Старшие Вожди, Младшие Вожди, Храбрые, Воины, Женщины и Дети сэнгерских индейцев! Когда наше племя воевало с этими... как их... с другими индейцами племени «березовая кора», мы взяли в плен одного воина и подвергли многим пыткам. Но он проявил такое мужество и смелость, что мы приняли его в свое племя...

Тут Ян громко крикнул:

— Хау! Хау! Хау!

— Мы устроили в его честь солнечный танец, но он не загорел, потому что был слишком молод. Поэтому мы назвали его «Ветка». С того времени своими заслугами он добился звания Третьего Боевого Вождя.

— Хау! Хау! Хау!

— На днях все племя вышло охотиться на старого сурка и потерпело неудачу. Тогда Боевой Вождь Ветка вышел один на свой страх и риск и ударом прикончил старого зверя! Такие подвиги живут в веках! Хотя он и самый младший воин племени, но видит лучше всех и выслеживает зверя быстрее других! Он может видеть, что делается за углом и даже сквозь дерево. Только ночью у него это не всегда получается. Этот человек больше не будет называться Веткой. Совет решил дать ему имя «Ястребиный Глаз»!

— Хау! Хау! Хау!

Тут Маленький Бобр передал Великому Вождю дощечку, на которой большими буквами было написано «Ветка».

— Вот его имя, которое носил он, прежде чем стал великим и знаменитым. Теперь оно будет навсегда забыто. — Сэм бросил в огонь дощечку и сказал: — Ну, посмотрим, молод-зелен ли ты, чтобы сжечь свое прошлое.

Потом Маленький Бобр передал Дятлу красивое орлиное перо, украшенное хохолком, с изображением человека с головой ястреба и стрелой перд глазами.

— Вот орлиное перо, которым мы награждаем его за славные подвиги и которое говорит всем о его новом имени!

Под громкие крики «Хау! Хау!» и барабанный грохот перо торжественно воткнули Гаю в волосы, а на шею надели ожерелье из когтей сурка.

— Тот, кто посмеет назвать его Веткой, получит хорошего пинка от Ястребиного Глаза.

Снова все кричали: «Хау! Хау!» Гай изо всех сил старался казаться важным и не улыбаться, но у него это никак не получалось: рот его то и дело растягивался до самых ушей. А у миссис Бернс от радости даже слезы на глазах выступили.

Все думали, что торжество кончилось, но тут поднялся Ян и начал свою речь:

— Вожди, Женщины и Дети сэпгерских индейцев! Наш Великий Вождь Дятел забыл кое о чем. Когда мы шли охотиться на сурка, я был свидетелем спора, который произошел между двумя Вождями. По обычаю нашего племени, они поставили свои скальпы про заклад тому, кто убьет сурка. Спорили Великий Вождь Дятел и Ястребиный Глаз. Ястребиный Глаз, сними скальп у Дятла.

Сам позабыл об этом споре, но теперь он послушно нагнул голову. Гай разрезал веревку и, сняв скальп, издал торжествующий вопль.

XXII

Охота на енота

Ян не забыл, что Калеб обещал пойти с ними на охоту. Мальчики с нетерпением ждали этого события. Через два дня, на заходе солнца, они пошли к Калебу напомнить о его обещании.

Был душный вечер, но Яну казалось, что пого-

да стоит подходящая для охоты. Калевб, конечно, очень удивился, услышав о прохладном вечере.

— Садитесь, садитесь, ребята, — добродушно говорил он, видя, что они совсем уже собрались на охоту. — Спешить нечего. Еноты вылезают из нор часа через три или четыре после захода солнца.

Старик сидел, покуривая свою трубку; Сэм тщательно пытался завязать знакомство с его псом Турком; Ян рассматривал крылья птиц, развешанных по стенам, а Гай хвастался своими подвигами во время охоты на оленя и сурка и строил планы, как он славно будет побеждать всякого встречного енота.

Заверив всех, что до места добираться не меньше часа, Ян уговорил выйти из дому в девять часов. Калевб захватил маленький топор. Кликнув собаку, они вышли на большую дорогу и через полчаса достигли речки.

— Вперед, Турок! Ищи! Ищи!

Все уселись на меже и смотрели, что будет делать пес. У него были свои причуды: он охотился за кем ему вздумается и когда вздумается. Калевб мог привести его на место, где водятся еноты, но заставить охотиться на них, пока псу не взбрдет в голову самому приняться за дело, не мог.

Старик велел мальчикам молчать, и все сидели не шевелясь, ожидая, когда собака подаст голос. Турок умчался в поиск. Его прыжки гулко разносились вокруг, и сам он пыхтел, как паровоз, убегая все дальше и дальше, пока совсем не затих.

Две минуты показались часом. Вдруг с другого конца поля донесся слабый визг, а вслед за тем Турок залился громким лаем. Сердце у Яна дрогнуло.

— Дичь поднял! — тихо сказал Сэм.

— Это я первый услышал! — пискнул Гай.

Ян хотел было кинуться на лай — он часто чи-

тал, что охотники скажут на лошадях следом за собаками, — но Калев остановил его:

— Погоди, время терпит. Я не знаю, что он там нашел.

Долго и терпеливо ждали они, но лай не повторился. Потом совсем рядом раздался шорох, и у ног хозяина лег Турок.

— Вперед, Турок, ищи его! — сказал Калев.

Собака не поднималась.

— Вперед! — повторил Калев и стегнул его веткой.

Собака отошла от старика и снова улеглась, тяжело дыша.

— Что случилось, мистер Кларк? — спросил Ян.

— Точно не знаю. Может, просто напоролся на сучок. Охоты сегодня не будет. Пришли слишком рано, жарко для собаки.

— Может быть, перейти реку! Там лес Бойля, — предложил Сэм. — Вдруг нам повезет?

— Как это вы определяете дичь по собачьему лаю? — спросил Ян у старика.

— И ты сможешь, если знаешь местность, зверей и Турка. Конечно, собаки друг на друга не похожи. Но, если повадки собаки тебе известны, она научит тебя многому.

Брода искать не пришлось. Река почти пересохла. Продираясь сквозь кустарник, они вышли в поле, пересекли его и снова углубились в густой лес. Турок ушел вперед. Он бежал вдоль реки и, добравшись до озера, выкупался. В лесу Турок нагнал хозяина и мальчиков. Был он весь мокрый, но купание ободрило его.

— Ступай вперед, Турок!

Но и на этот раз их ждала неудача. Поднялась луна, осветив округу.

Охотники перешли ручей около хижины бабуш-

ки Невилль и двинулись по тропинке вдоль ручья, как вдруг Турок замер на месте, припал, вернулся назад и с громким лаем бросился к воде.

— Что это, мистер Калев? — спросил Сэм, забыв, что их знакомство состоялось совсем недавно.

— Не знаю, — коротко бросил Калев.

— Может, лиса? — сказал Ян.

Где-то у изгороди шагах в ста Турок снова залился лаем; видно, напал на след.

— Наверное, енот, — сказал Калев, прислушиваясь к лаю, — а может, и домашняя кошка. Только они и забираются на дерево ночью.

Идти было легко: луна освещала тропку, и Турок лаял не переставая. Он вел охотников по болотцу к реке.

— Енот, — решительно сказал Калев: — кошки не прячутся в воде.

Лай вдруг сменился рычанием и визгом.

— Так и есть: при виде енота он всегда ведет себя так!

Калев повел мальчиков прямо к месту.

Турок лаял и прыгал возле большой липы.

— Енот всегда выбирает самое ветвистое дерево, — заметил Калев. — Ну, кто из вас лучше всех лазает?

— Ян! — подсказал Сэм.

— Полезешь, Ян?

— Попробую.

— Давайте разожжем костер — может, увидим, где енот сидит, — предложил Дятел.

— Сурка бы я вмиг достал, — сказал Ястребиный Глаз.

Но никто не отозвался.

Сэм и Ян набрали хворосту, и через минуту дрожащий красный огонь осветил деревья. Они осмотрели большую липу, но ничего не увидели. Калев поднес горящую головешку и заметил на

стволе кусочки свежей глины. Вернувшись к реке, они нашли четкие следы; сомнений теперь не было — на липе сидел крупный енот.

— Думаю, он засел в дупле. На липе их всегда полно.

Ян оглядывал толстый ствол, раздумывая, как ему ловчее взобраться. Кaleb заметил, что мальчик мешкает, и спросил его:

— Не знаешь, как начать? Смотри...

Он в минуту срубил тоненькое ветвистое деревце, росшее рядом, и прислонил его к первому сучку липы. По этому «мостику» Ян легко взобрался наверх. К спине он привязал толстую палку.

Очутившись среди ветвей, Ян на секунду растерялся: листва поглотила его, но свет факелов снизу хорошо освещал дерево.

Сначала Ян никак не мог найти ни дупла, ни енота, но после долгих поисков он заметил в развилке, почти на самой верхушке, большой пушистый комок. Два блестящих глаза заставили Яна вздрогнуть. Мальчик крикнул:

— Он здесь! Вот он!

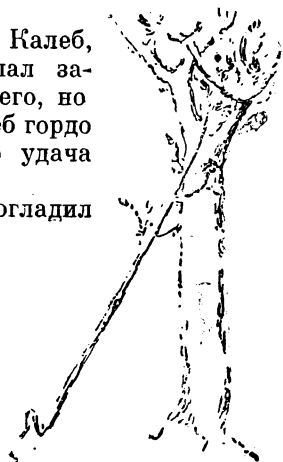
Ян поднялся повыше и хотел схватить зверька, но тот сжался и прыгнул на ветку пониже.

Ян спустился за ним. Стоявшим внизу ничего не было видно, но по доносившемуся ворчанию они догадались, что там происходит борьба.

Енот спускался с одного сучка на другой, пока не добрался до молодого деревца, прислоненного к липе.

Турок, увидев зверька, поднял лай, и Кaleb, выхватив револьвер, выстрелил. Енот упал замертво. Турок с рычанием прыгнул на него, но старый охотник удержал пса. Потом Кaleb гордо и с любовью вытер свое оружие, словно удача целиком зависела только от него.

Ян быстро спустился на землю. Он погладил

зверька, любуясь его шерсткой. В мальчишке боролись два чувства — жалость к убитому зверьку и торжество, что это он выследил его.

Все признали, что это был его енот. Сэм, поддев зверька ногой, поднял его и определил:

— Тридцать фунтов.

Гай сморщил нос:

— В нем нет и половины веса моего сурка! Кроме того, вы бы никогда не поймали енота, если бы я не вспомнил про топор.

Ян думал, что енот весит фунтов тридцать пять, Калев — двадцать пять. Позже они выяснили, что зверек едва потянул на восемнадцать фунтов.

Пока они обсуждали свою удачу, Турок поднял громкий лай, которым он обычно извещал о появлении незнакомого человека. «Человеческий голос», как это называл Калев.

Все оглянулись и увидели Уильяма Рафтена. Он заметил огонь в своем лесу и, боясь пожара в сухую пору, оделся и поспешно пришел.

— Здравствуй, отец! Почему ты не спишь?

Рафтен не ответил сыну и с насмешкой повернулся к Калебу.

— Может, еще раз выстрелишь в меня? Получится наверняка. Я ведь без оружия.

— Послушай, отец, — перебил его Сэм, не дав Калебу вступить в разговор. — Все это неправда! Я знаю, и ты должен знать: все, что говорят про Калеба, будто он стрелял в тебя, — вранье. Если б уж он стрелял, то тебя бы в живых не было. Я видел, как он стреляет.

-- Не ты ли клялся, что у тебя нет оружия? — спросил Рафтен, указывая на револьвер. — Я видел его у тебя в руках десять лет назад. Не боюсь я тебя и твоего револьвера, — сказал Рафтен, заметив, что Калев схватился за рукоятку. — И слушай: чтоб больше ноги твоей не было в моих лесах

и пса твоего, который загрызает моих овец! Вон и костер развел, когда такая сушь стоит!

— Слушай, Рафтен! — громко сказал Калеб и выхватил револьвер.

Выстрел последовал бы мгновенно, если б Ян не повис на руке Калеба, а Сэм не стал между ним и отцом. Гай предусмотрительно спрятался за дерево.

— Прочь с дороги, мальчишки! — крикнул Калеб.

— Видишь, он опять меня застал безоружным, — с издевкой сказал Рафтен. — Уйдите, ребята, я сейчас с ним расправлюсь.

— Послушай, отец, — снова начал Сэм. — Ты неправ! Калеб не стрелял в тебя тогда. А этот костер мы развели с Яном, и мы его сейчас погасим. Ты нападаешь на Калеба, как бабушка Невилль, которая забрала всю твою провизию. Стыдись, отец! Это нечестно, так не поступают мужчины! Если у тебя нет доказательств, то молчи.

Рафтен опешил от такого бурного натиска, да к тому же увидел, что все против него. Он сам часто смеялся над гневом бабушки Невилль, которой ничего дурного не сделал. Ему никогда и в голову не приходило, что иной раз сам поступает так же. Гнев его остыл. «Ну и разошелся мальчишка! — подумал он о сыне. — Говорит, как адвокат, а силы-то как у боксера. Может, сделать из него адвоката, а не зубного врача?..»

Буря миновала. Калеб был вспыльчив, но быстро отходил. А Рафтен, потерпев неудачу, поспешил уйти.

— Костер как следует загасите! — проворчал он. — И спать давно пора.

Мальчики потушили огонь и молча двинулись к лагерю. Сэм и Ян несли на палке тушку енота. Калеб проводил их до палатки и пошел к себе. В ту ночь мальчики спали крепким сном.

*Лесной дух и ночной
разбойник*

На следующий день, занимаясь выделкой шкуры енота, Ян и Сэм обсуждали ночное происшествие. Они решили, что правильнее будет не заговаривать с Калебом об этом. Гая предупредили, чтобы он молчал.

Обследуя, как обычно, «книгу посетителей», Ян снова обнаружил отпечаток, похожий на след копыта, а около реки — следы очень большой птицы, похожей на лапы индюка.

Ян позвал Калеба, чтобы тот взглянул на следы.

— Это, наверное, синяя цапля прилетела, — сказал он о следах птицы, — а вот копыто чье, ума не приложу. Очень похоже на след большого оленя. Но здесь они давно перевелись. Найдутся, только миль за десять отсюда. Один след еще ни о чем не говорит.

— Нет, я нашел много, только разобраться в них трудно.

Вечером, возвращаясь после набега на бледнолицых, Ян услышал со стороны пруда резкий, пронзительный крик. Он приближался, разрастаясь в устрашающий рев. Звук несся откуда-то сверху, и Ян заметил, что над ним медленно пролетела большая птица.

На следующий день Ян был за повара. С восходом солнца он отправился за водой, как вдруг увидел, что с запруды поднялась огромная синяя цапля и, тяжело взмахивая крыльями, исчезла за деревьями.

С восхищением мальчик следил за полетом птицы. Придя на место, откуда она снялась, Ян нашел там множество таких следов, которые он

уже раньше зарисовал к себе в тетрадь. Это была та же птица, что кричала прошлой ночью.

Как-то Дятел вышел из типи. Неожиданно ухо его уловило необычный звук. Кто-то не переставая скулил все громче и громче. Вой не кончался, и Сэм позвал товарищей.

— Это, наверно, новая цапля, — шепнул Ян.

Но звук все усиливался и перешел в громкое мяуканье. Вдруг Маленький Бобр вспомнил, что слышал этот крик у себя в Гленьяне!

— Это рысь, — уверенно сказал он.

На следующий день Калев подтвердил слова мальчика. Через несколько дней стало известно, что ночью у Рафтена пропал еще один ягненок.

Утром Ян снял барабан и увидел, что кожа на нем стала мягкой и влажной.

— Ого, будет дождь! — возвестил он.

Калев посмотрел на него с удивлением:

— Смотрю, ты стал настоящим индейцем. Они всегда говорят, что будет дождь, если барабан нужно подсушить у огня, прежде чем играть.

После полудня сгустились тучи, а на закате начался дождь. Калев остался ужинать. Припустил настоящий ливень, и, казалось, ему не будет конца. Калев вышел из типи и вырыл вокруг нее канаву с отводным желобком, через который уходила вода.

После ужина все сидели у костра. Поднялся ветер, и капли дождя полетели в дымовое отверстие. Яну пришлось выйти. Сквозь шум дождя он опять услышал знакомый вой. Мальчик вернулся с большой охапкой хвороста, и в типи ярко запылал огонь. Ветер налетал порывами, и брезент неприятно хлопал по шестам.

— Где ваша якорная веревка? — спросил Калев.

Сэм протянул ему свободный конец веревки,

другим же концом она была накрепко привязана к шестам наверху. Все время стояла сухая погода, и веревка была ни к чему. Кaleb обмотал ее вокруг толстой палки, а палку вбил в землю. Потом вышел наружу и вбил поглубже все колышки. Теперь племены не страшны были никакие бури.

Старый охотник не любил возвращаться к себе в пустую хижину. Дик и Сарианна не заботились о нем, жил он впроголодь, и мальчики без труда уговорили Калеба остаться ночевать.

Дым клубами ходил вверх. Вскоре в типи стало очень душно.

— Подыми брезент с подветренной стороны, Ян, — сказал Кaleb.

Но тут ветер с дождем, ворвавшись в типи, поднял вихрь из дыма и золы.

— Вам надо иметь особую подкладку, — сказал Кaleb. — Дайте мне тот кусок, я сделаю.

Кaleb с большой осторожностью привязал подкладку к трем шестам так, что дымовое отверстие находилось теперь над ней и ветер не дул в спину мальчикам, а проносился у них над головой. В типи стало легче дышать, а капельки дождя, которые залетали в отверстие, падали на подкладку.

— На этих подкладках индейцы обычно делают рисунки, вспоминая свои приключения и подвиги. Тотемы они рисуют снаружи, а победы — на подкладке.

— Тебе есть работа, Маленький Бобр, — сказал Сэм: — нарисуй наши тотемы на типи.

— Знаете что? — сказал вдруг Ян. — Давайте примем в наше племя мистера Кларка. Вы будете нашим Чародеем.

Кaleb довольно усмехнулся, по-видимому соглашаясь.

— Теперь я нарисую четыре тотема, — сказал Ян.

Он набрал желтой глины и голубой, которая, высохнув, становилась белой, и другой — желтой, которая после обжигания становилась красной, и еще угля. Фон, на котором он собирался рисовать, Ян вымазал растопленным жиром енота и сосновой смолой. В общем, все было сделано так, как у индейцев.

Он, конечно, мог достать ярких масляных красок у бледнолицых, но это было бы нечестно.

— Послушайте, Калев, — начал как-то Гай, — расскажите нам что-нибудь об индейцах. Про их храбрость, например. Я больше всего на свете люблю храбрость! Помню, как старый сурок выскочил на меня... Кое-кто испугался бы на моем месте, и...

— Цыц! — крикнул Сэм.

Калев молча курил. Дождь все хлестал по брезенту. Покрышка колыхалась от ветра. Воцарилось молчание. И вдруг по лесу разнесся громкий, устрашающий вопль. Мальчики вздрогнули. Будь они одни в лесу, перепугались бы насмерть.

— Вот он! — шепнул Сэм. — Это банши.

Калев испытующе оглядел ребят.

— Что это? — спросил Ян. — Такой звук мы уже слышали много раз.

Калев молча покачал головой и посмотрел на собаку, лежавшую у огня. Турок только поднял морду, обернулся, посмотрел на хозяина большими печальными глазами и снова опустил морду на лапы.

— Турок и ухом не ведет.

— Собаки не слышат банши, — возразил Сэм. — И духов не видят. Так бабушка Невилль говорит.

Спокойствие собаки еще больше напугало мальчишек.

— Ястребиный Глаз, — сказал Дятел, — ты самый храбрый. Выйди и выстрели в банши. Я дам

тебе свою стрелу против колдунов. Если ты его подстрелишь, мы присудим тебе «гран ку». Ты же сам говорил, что больше всего любишь храбрых.

— Пустые балаболки! — ответил Гай. — Я с вами и говорить не буду! Калевб, расскажи нам что-нибудь про индейцев, — добавил он.

— Индейцы любят храбрость, — подмигнув, ответил Калевб.

Ян и Сэм засмеялись, правда негромко, потому что боялись, как бы и их не призвали показать свое мужество.

— Я, пожалуй, лягу спать, — сказал Гай.

Ян скоро последовал его примеру, а Сэм остался сидеть с Калевбом. Оба молчали, пока храп Гая и мерное дыхание Яна не возвестили, что мальчики крепко спят.

Сэм уже давно намеревался поговорить с Калевбом, и тут ему представился удобный случай.

— Послушайте, мистер Калевб, — начал он быстро, — я не собираюсь защищать отца, но я знаю его так же хорошо, как и он меня. Это прямой и честный человек. Можете мне поверить! Он часто кому-нибудь помогает исподтишка, чтоб никто не заметил. И об этом никто не говорит. А если уж он с кем-то поссорится, то кричат на весь свет! Я знаю, он плохо думает о вас и вы о нем. Так надо разобратъся толком!

Сэм был умный мальчик, и теперь он говорил очень убедительно, совсем как взрослый.

Калевб что-то проворчал и продолжал курить.

— Расскажите мне, что вышло между вами, и мы с мамой уладим все, повлияем на отца.

Хорошо, что Сэм вспомнил о своей матери. Калевб знал миссис Рафтен еще молоденькой девушкой. Она всегда верила в Калеба и даже после ссоры никогда не скрывала своего доброго отношения к нему.

— Да нечего особенно и рассказывать, — горько ответил Калев. — Он надул меня при обмене лошадьми, потом очень торопил с уплатой долга. Пришлось мне продать овес по шестьдесят центов, а он скупил все и через полчаса продал мой овес по семьдесят пять! Мы крупно поспорили, и, кажется, я сказал, что отомщу ему. В тот день рано утром я ушел из Дауни. Рафтен положил себе в карман триста долларов. У меня же не осталось ни цента. Деньги он взял с собой: банк уже был закрыт. По дороге домой в него стреляли. Натро в том месте нашли мой кيسет и несколько адресованных мне писем. Я думаю, что их подбросили туда, чтобы на меня пало подозрение. Только они перестарались! Так все люди говорят. Потом твой отец натравил на меня Дика Пога, и я потерял ферму. Вот и все.

Сэм помолчал минуту и мрачно сказал:

— Все это верно, и про овес и про долг, — так-ков уж отец. Но то, что вы думаете про Дика, — это неправда. Отец никогда не пойдет на подлость.

— Ты так думаешь? Что ж, это твой отец.

Сэм не ответил и положил ладонь на голову Турка. Тот тихонько заворчал.

— Все против меня, против моей собаки, — продолжал Калев. — Пог болтает, что пес таскает овец, и все верят. Никогда я не слышал, чтобы собака таскала овец! И овцы пропадают почти каждую ночь, даже когда Турок сидит со мной в хижине.

— Так чья ж собака это делает?

— Не знаю, собака ли. Говорят, каждый раз там оставалось пол-овцы. Жаль, что я сам ни разу не видел, а то сказал бы, кто ходит за овцами. Помоему, это рысь.

Снова голоса в типи смолкли. Вдруг по лесу пронесся все тот же вой, от которого у мальчиков

волосы становились дыбом. Но Турок и на этот раз даже ухом не повел.

Калев и Сэм раздули костер поярче и легли спать.

Дождь шел непрерывно, и ветер то и дело налетал на палатку. Утром Калев поднялся первым и приготовил к завтраку «пирог прерий» из свинины, картошки, хлеба и маленькой луковки. Все наслаждались королевской едой, позабыв про ночные страхи. Дождь перестал, но ветер не унимался. По небу бежали темные тучи. Ян вышел посмотреть на следы, но ничего не нашел.

День провели в лагере, делая стрелы и раскрашивая типи.

Калев снова согласился ночевать у индейцев. В ту ночь крик банши слышался всего один раз. Но спустя полчаса раздался тоненький писк; мальчики едва уловили его, а Турок вскочил, и, пробравшись под дверь, бросился с громким лаем в лес.

— Дичь учуял, — сказал охотник, а когда лай сменился визгом, добавил: — Вот теперь на дерево загнал.

— Вдруг он банши загнал? — встрепенулся Ян и выскочил в темень.

За ним вышли и остальные. Они увидели, что Турок, яростно лая, бросается на большой бук. Но в темноте им никого не удалось разглядеть на дереве.

Не переставая удивляться, что собаку тревожит какой-то писк, в то время как воплей он не слышит, все вернулись в типи.

На следующее утро Ян нашел неподалеку следы обыкновенной кошки: очевидно, ее-то и загнал Турок на дерево.

Когда Ян нагнулся, чтобы получше разглядеть следы, он услышал сквозь ветер знакомый злове-

щий скрип. Днем это было не так страшно. Взглянув наверх, Ян увидел, как от сильного ветра сталкиваются и трутся друг о друга две большие ветки. Это и был тот «банши», которого боялись все, кроме Турка.

Один только Гай не поверил и по-прежнему считал, что по ночам рычали медведи.

Как-то поздним вечером он разбудил обоих вождей:

— Ян! Сэм! Вставайте! Тот медведь снова здесь! А вы всё не верили!

Снаружи слышалось громкое чавканье, прерываемое по временам рычанием или храпом.

— Правда, там кто-то есть, Сэм, — шепнул Ян. — Турка бы сюда и Калеба!

Мальчики слегка приоткрыли дверь и выглянули наружу. При тусклом свете звезд они различили большого черного зверя, который подбирал остатки пищи и выгребал консервные банки из ямы. Сомнений не было — это медведь.

— Что ж делать?

— Стрелять не вздумайте! Это только озлобит его. Гай, раздуй огонь посильнее, — приказал Бобр.

— Почему у нас ружья нет? — стуча зубами, прошептал Гай.

— Тише ты! Послушай, Сэм, Ветка... то есть как его... Ястребиный Глаз сейчас раздует костер, а мы в случае чего будем стрелять тупыми стрелами.

Мальчики вытащили луки. Гай, дрожа от страха, уговаривал их не стрелять.

— Зачем его дразнить? — уверял он. — Наверное, это очень свирепый зверь.

Костер у Гая никак не желал разгораться, а тем временем медведь подбирался все ближе. Он поднял морду, и мальчики увидели его большие уши.

— Не стрелять, пока он не подойдет, — шепнул Сэм.

Услышав это, Гай оставил костер и мигом взобрался на перекладину между шестами, на которой обычно подвешивали котелок. Увидав, что мальчики натянули луки, он разразился слезами:

— Не надо, он съест нас всех!

Медведь приближался, и мальчики пустили стрелы. Зверь бросился прочь с громким визгом, который уже не оставил никаких сомнений, что это свинья с фермы Бернсов. Видно, Гай снова забыл закрыть калитку, и она пришла по его следам.

Гай слез на землю и присоединился к общему веселью.

— Я ж вам говорил, чтобы вы не стреляли. Мне сразу показалось, что это старый боров!

— Поэтому ты и забрался наверх? — насмешливо спросил Сэм.

Утром выяснилась еще одна тайна: след, который Ян принимал за олений, был всего-навсего отпечатком свиного копыта.

XXIV

Ястребинный Глаз снова требует награды

Однажды после завтрака, когда Ян чистил ножи, вонзая их в землю, он сказал:

— В давнее время войны иногда расходились в поисках приключений, а потом встречались в условленном месте и рассказывали о своих подвигах. Давайте и мы сегодня пойдем поодиночке.

— Тащим соломинки, — коротко сказал Дятел.

— Только держать их буду я! — поспешно заявил Гай. — А то мне опять выпадет идти домой по вашей милости.

— Пожалуйста, — сказал Ян. — Возьми три со-

ломины — длинную для Дятла, среднюю — для меня, а короткую — тебе. Бросаем первый и последний раз. И чтобы никаких споров!

Соломинки полетели вниз, и Старшие Вожди торжественно завопили: соломинка Гая указывала в сторону его дома.

— Ничего подобного! — возмутился Гай. — Я иду в противоположную сторону.

— Мы идем до тех пор, пока не встретим что-нибудь интересное. Вернуться назад мы должны, когда луч достигнет этого шеста, — сказал Ян.

Солнечный луч, проникавший в дымовое отверстие, служил им «индейскими» часами. В распоряжении ребят было около четырех часов.

Из долгого похода Сэм и Ян вернулись почти одновременно; вскоре пришел и Гай.

— Послушайте, ребята! — еще издали восторженно крикнул он. — Что со мной было! Дайте я первый расскажу!

— Молчи! — отрезал Дятел. — Ты пришел последний!

— Как хотите! Все равно я получу высшую награду! — не удержался Гай.

— Начинай, Вождь — Сидящий — на — Ветке. И Сэм принялся рассказывать:

— Я пошел прямо туда, куда указывала моя соломинка. Назад я не хожу: это недостойно вождя и воина. — И Сэм печально взглянул на Гая своими раскосыми глазами. — Шел я, шел и дошел до пересохшей речки. Но это меня не остановило. Ничто не могло меня остановить! Перешел я реку и добрался до осинового гнезда. Но я не стал трогать мирных букашек и двинулся дальше. Вдруг сверху послышалось тихое рычание. Взглянул туда, но ничего не заметил. Рычание стало громче, и тут я увидел голодного бурундука, который собирался на меня прыгнуть. Когда я вытащил стрелу с костью

пым накопечником, этот зверь заговорил человеческим голосом: «Твое имя Дятел?» Тут я испугался до смерти и солгал впервые в жизни. Я сказал ему: «Нет, меня зовут Ястребиный Глаз». О, вы бы посмотрели на него! Он просто побледнел! Каждая полоска на его спине поблекла, когда он услышал это имя. Он бросился к бревну и юркнул внутрь. Я кинулся к другому концу, он — снова к этому. Так мы бегали до тех пор, пока я не протоптал вокруг бревна настоящую дорогу, а у бурундука вместо хвоста висели только жалкие волоски. Наконец я придумал, что делать. Я стащил сапог и сунул его голенищем в отверстие с одной стороны. Потом я стал бить палкой по другому концу. И тут бурундук помчался прямо ко мне в сапог. Тогда я схватил его и перевязал голенище. Пришлось идти домой в одном сапоге. Но зато смотрите!

— Ну-ка, покажи, — сказал недоверчиво Гай.

Сэм разорвал веревку, из сапога выскочил бурундук и опрометью кинулся прочь.

— Ну, сын мой, — сказал Сэм, когда зверек исчез, — расскажи теперь ты свои приключения, да, смотри только, не завирайся!

— Это все чепуха! — воскликнул Гай. — Вот я...

— Молчи, Ястребиный Глаз, теперь очередь Бобра.

— Да у меня не было особых приключений, — начал Ян, — я пошел прямо, куда указывала соломинка, и наткнулся на большой засохший ствол. На таком гнилом и старом дереве птицы обычно не селятся, да сейчас и не время уже. Я взял дубинку, расколол ствол пополам и увидел историю всех поселений, которые устраивались в этом дереве. Прежде всех выдолбил там себе гнездо дятел и прилетал туда два или три года подряд. Когда он покидал гнездо, а может, просто между его прилетами, селилась там черноголовая синица. Я на-

шел ее перышки. Потом там жид дрозд: он ната-
скал в гнездо кучу всяких корешков, измазанных
в глине. После него узнала про это жилье сойка:
в подстилке гнезда я нашел скорлупу ее яиц.
Потом, годом позже, я думаю, там поселилась
пара ястребов и вывела птенцов. И однажды эти
разбойники, наверное, принесли в гнездо земле-
ройку.

— А что это такое?

— Вроде маленькой мышки. Только она со-
всем не мышка. Скорее, двоюродная сестра кроту...
Ну вот, — продолжал Ян, — может, впервые за
миллион лет случилось так, что маленькие ястре-
бята были сыты. Раненая землеройка, как только
освободилась от когтей хищника, попробовала спа-
стись бегством. Сначала она спряталась за спинки
птенцов, потом прорыла ход через мягкую под-
стилку гнезда, добралась до твердого доньшка.
Тут уж ей не хватило силы рыть дальше, и она
умерла. Лежала она здесь много лет, пока не при-
шел я, не разломал сгнивший ствол и не прочел
всю эту печальную историю, которой, может быть,
не было никогда. Вот я зарисовал все гнезда и за-
сохший трупик землеройки.

Сэм слушал с напряженным вниманием, а Гай
не думал скрывать своего презрения.

— Ерунда какая-то! — воскликнул он. — Раз-
ве это приключения? Одни догадки. Вот меня по-
слушайте...

— Только смотри, Ястребиный Глаз, самые
страшные места выбрось, пожалуйста. Я сегодня
что-то не в себе. Ты их оставь на завтра, — сказал
Дятел.

— Пошел я прямо, — начал Гай, — как указы-
вала соломинка, и встретил сурка. Но я решил, что
займусь им в другой раз. Слишком легко я их уби-
ваю. Потом увидел, как ястреб понес цыпленка; он

был слишком далеко, и я не стал стрелять. Потом была уйма старых пней, по которым скакали сотни белок, но я не стал их трогать. Ферму я тихонько обошел, чтобы меня не услышала собака, и дошел уже почти до самого Дауни, как вдруг из-под ног вылетела куропатка, огромная такая, с индюка, наверное! А с ней целый выводок — штук тридцать или сорок. Одна уселась на высокое дерево. Вы бы ни за что не разглядели ее! Ну, а я очень спокойно выстрелил и попал. Я метился точно в глаз. Так кто теперь должен получить «гран ку»? Разве не я?

Ястребиный Глаз распахнул куртку и вытащил птенца малиновки с общипанным хвостиком.

— Это и есть твоя куропатка? — спросил Дятел, делая ударение на каждом слове. — Я эту птицу называю «малиновка»! Нарушение правил: убийство певчей птицы. Маленький Бобр, арестуй преступника!

Ястребиный Глаз яростно сопротивлялся, но, связанный по рукам и ногам, остался лежать на земле, ожидая решения. Совет был настроен очень серьезно, и неудачливый охотник наконец признал себя виновным. Совет постановил носить провинившемуся в течение трех дней черное перо в знак немилости и белое перо — за трусость. Решено было также, что целую неделю он должен мыть посуду. Хотели заставить его быть бессменным поваром, да только они уже имели случай убедиться, что застряння получается у Третьего Вождя.

— Ничего я не стану делать! — решительно заявил Гай. — Я уйду домой!

— И будешь там мотыжить огород? Очень хотел бы на тебя посмотреть.

— Отстаньте!

— Маленький Бобр, что делают индейцы, если

воин отказывается повиноваться Великому совету?

— Лишают его всех наград и отличий. Помнишь, как мы сожгли щепку с именем «Ветка»?

— Отличная мысль! Мы сождем теперь имя «Ястребиный Глаз» и восстановим старое прозвище!

— Нет! Нет! — закричал Гай. — Вы не смеете! Вы сами обещали, что никогда больше не будете называть меня так...

— Будешь ли ты повиноваться решению совета, несчастный?

— Да. Только я не хочу носить белое перо. Я ведь храбрый!

— Так и быть, это отменяется. Остальное ты исполнишь?

— А я останусь Ястребиным Глазом?

— Да.

— Хорошо. Я все сделаю.

XXV

Бродяга

Билл Хеннард, широкоплечий грубый человек, наследовал от отца хорошую ферму, но лень и безделье скоро сделали Хеннарда преступником. Не раз он сидел в тюрьме. Его хорошо знали в округе: немало краж связывали с его именем. Поговаривали, что, если бы не покровительство одного человека, Хеннард давно бы уж попал в исправительный дом.

Кое-кто намекал даже, что покровителем его был один из состоятельных сангерских фермеров, у которого были жена, сын и маленькая дочь... И звали его Уильям, а фамилия начиналась с бук-

вы «Р». «Только, ради бога, никому ни слова!» — обычно добавляли люди, обсуждая эту тему.

Разумеется, эти слухи никогда не достигали ушей тех, о ком шла речь.

В тот вечер Хеннард покинул Дауни и, избегая дорог, пошел напрямик через лес к одному своему приятелю, чтобы сообщить об очень важных делах, особенно важных для самого Хеннарда. Он был сильно пьян, заблудился и прилег под деревом, где и проспал всю ночь. Утром он отправился на поиски дороги. Через некоторое время бродяга наткнулся на тропку, которая привела его в лагерь сэнгерских индейцев. Хеннард был страшно голоден и зол. Он подошел к типи как раз в тот момент, когда Маленький Бобр жарил мясо. Услыхав за спиной шаги, Ян обернулся, думая, что кто-то из индейцев уже вернулся, но перед ним стоял верзила-оборванец.

— Что, паренек, обед готовишь? Я бы не прочь поесть, — сказал бродяга с неприятной улыбкой.

Вид у него был самый отталкивающий, но говорить он старался вежливо.

— А где твои родные?

— Их здесь нет, — ответил Ян, с ужасом вспоминая бродяг из Гленьяна.

— Что ж это ты, совсем один?

— Товарищи вернутся после полудня.

— Очень приятно. Рад слышать это. Ну-ка, покажи мне ту палку! — грубо сказал бродяга, показывая на висевший лук.

— Это мой лук! — ответил Ян. Гнев и страх овладели мальчиком.

— Я дважды повторять не люблю! Дай сюда, иначе я тебя проучу.

Ян стоял не шевелясь. Бродяга сорвал лук и наотмашь ударил мальчика по ногам и спине.

— Ну-ка, щенок, носи мне скорей обед! Иначе я тебе шею сверну!

Ян понял, что попал в беду. Он вспомнил совет Рафтена завести хорошую собаку. Мальчик оглянулся и хотел было бежать, но бродяга в два прыжка нагнал его и схватил за воротник.

— Так не пойдет, паренек! Я тебя заставлю слушаться.

Он содрал тетиву лука и, повалив Яна на землю, связал ему ноги. Теперь мальчик мог делать только маленькие шажки.

— Торопись! Я голоден. Не вздумай подмешать чего в еду! Если снимешь веревку — убью. Видишь эту штуку? — И бродяга показал большой нож.

Слезы катились по лицу Яна, когда он принялся готовить.

— Пошевеливайся! — донеслось из типи.

Если бы бродяга взглянул в ту минуту на тропинку, то заметил бы там мальчишку, который прятался за кустом.

— Вы что, убить меня хотите? — отчаянно крикнул Ян после новых затрепчин, которые так и сыпались на него.

— Не знаю еще. Может, и убью, когда все закончу. Принеси мяса, да смотри не пережарь его. Где сахар для кофе? А теперь дай табак!

Ян проковылял к типи и вынес оттуда кiset Сэма.

— Это что там за сундук? — спросил бродяга, показывая на ящик, где хранилась кое-какая одежда. — Открой его.

— Не могу. Он заперт, а ключ у Сэма.

— Ах, у него нет ключа! Ничего, у меня найдется. — И бродяга топором сшиб крышку. Обшарив карманы, он вытащил серебряные часы Яна и два доллара из штанов Сэма. — Вот это-то мне и

нужно! — И он бросил все себе в карман. — Похоже, что костер хочет еще дров, — сказал он, заметив колчан со стрелами, и мгновенно все они полетели в огонь.

В этот момент Ян успел разглядеть, что на руке у бродяги всего четыре пальца...

— Что в другом сундуке? — спросил оборванец.

— Там — еда.

— Принеси сюда.

— Тяжелый очень, я не смогу.

— Эх ты, бестолковый! — крикнул бродяга и снова толкнул Яна.

Упав, Ян увидел рядом с собой на траве нож с изображением оленя на рукоятке. Вот где было спасение! Ян одним махом перерезал веревку и стремительно бросился прочь. Бродяга с криком кинулся вслед. Мальчик бежал, не чуя под собой ног, и вдруг вдали он увидел знакомую фигуру. Крикнув из последних сил: «Калеб! Калеб!» — Ян упал в траву.

Калеб услышал отчаянный крик мальчика. Он поспешил на помощь, и через минуту старик и бродяга в жестокой схватке катались по земле. Турка не было с хозяином, и очень скоро стало ясно, кто выйдет победителем. Дюжий оборванец после нескольких ударов подмял старика. Не найдя ножа, бродяга схватил камень, и минуты жизни старого охотника были бы сочтены, если б вдруг из лесу не выскочил Уильям Рафтен. Камень, предназначенный для Калеба, полетел в Рафтена, но тот, ловко увернувшись, кинулся на оборванца.

Теперь силы были равны! Рафтен хорошо помнил приемы бокса, и через несколько минут сильный удар свалил бродягу с ног.

— Веревку! — сказал Рафтен Гаю, вылезшему из кустов.

Он надежно скрутил бродяге руки.

— Кажется, видел я эту руку раньше, — произнес Рафтен, заметив, что на руке бродяги не хватает среднего пальца.

Он подошел к своему бывшему приятелю и спросил:

— Калев, ты жив? Это я, Билл Рафтен.

Калев с трудом повернул голову, оглядывая стоявших. Ян тоже подошел к нему и, наклонившись, спросил:

— Вы ранены, мистер Кларк?

Старик покачал головой и показал себе на грудь.

— Он еще не отдышался, — пояснил Рафтен. — Через минутку-другую придет в себя. Принеси воды, Гай.

Ян рассказал, что произошло с ним, а Гай добавил кое-что. Он возвращался в лагерь раньше, чем условились, и увидал из-за кустов, как бродяга бил Яна. Первым движением Гая было броситься за отцом, но потом он передумал и решил позвать более сильного — Рафтена.

Бродяга сидел и бормотал себе что-то под нос.

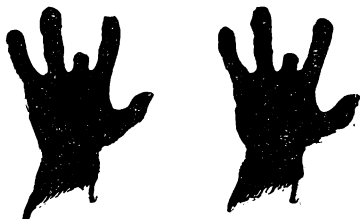
— Сейчас отведем этого разбойника к нам, а потом сдадим в полицию. Годок посидит в холодке, может, пойдет ему на пользу! Гай, держи конец веревки и веди его. Я помогу Калебу.

Гай сиял от счастья. Бродяга шел впереди, а Гай дергал веревку, покрикивая:

— Но! Но! Лошадка!

Рафтен помог Калебу подняться с той же осторожностью, с какой много лет назад Калев выхаживал его самого, когда его чуть не убило упавшее дерево.

В лагере они встретили Сэма. Он ничего не знал о случившемся. Калев по-прежнему был бледен и слаб. Посадив его у костра, Рафтен сказал сыну:

— Принеси из дому чего-нибудь согревающего.
Сэм побежал домой и вернулся через полчаса.

— Выпей, Калев, — сказал Рафтен. — Выпей, полегчает.

Когда утром Сэм уходил домой из лагеря, у него была очень ясная цель. Он пошел прямо к матери и рассказал ей про недоразумения, связанные с именем Калеба. И потом они долго разговаривали об этом с отцом.

Рафтен не захотел признавать себя неправым, и Сэм ушел в лагерь очень расстроенный. Каково же было его изумление, когда он увидел то, к чему так долго стремился, — Рафтен и Калев сидели вместе у огня!

XXVI

Отвоёванная ферма

Сколько чудес таит в себе лагерьный костер! Его жар растопит всякое недоброе чувство. Люди, сидевшие когда-нибудь у одного костра, связаны навеки.

Дружба, возникшая еще двадцать лет назад, вновь воскресла благодаря этому священному огню. Рафтен и Калев сидели рядом, как добрые товарищи, хотя неловкость между ними еще не исчезла.

Рафтен исполнял должность судьи. Он послал Сэма за полицейским, чтоб тот забрал бродягу. Ян пошел на ферму рассказать все миссис Рафтен и заодно захватить продуктов. Гай тоже исчез куда-то. Калев лежал в типи; Рафтен на минутку зашел к нему, а когда снова вышел, то увидел, что бродяги и след простыл. Веревки его были развязаны, а не святы. Как он мог сделать это сам, без чьей-либо помощи?

— Ничего, — сказал Рафтен, — этого беспалого мы найдем. Как ты думаешь, Калев, это не Хеннард?

Они долго беседовали. Калев рассказал, как у него пропал револьвер, еще когда они с Погом жили в одном доме, и как теперь он нашелся. Оба вспомнили, что Хеннард был поблизости во время ссоры на ярмарке. Теперь многое стало понятным.

Но одно было совершенно очевидным: Калеба обманным путем лишили всего на свете, и оставались считанные дни до того, как Дик, вопреки уговорам Сариины, окончательно прогонит старика.

Рафтен долго думал и наконец сказал:

— Если ты, Калев, сделаешь все, как я скажу, ты вернешь себе ферму. Прежде всего, я тебе одолжу на неделю тысячу долларов.

У Калеба глаза раскрылись от удивления. Что делать дальше, он не узнал, так как пришли мальчики. Только немного спустя Рафтен открыл старику свой замысел.

— Тысячу долларов! — воскликнула миссис Рафтен, когда муж рассказал ей об этом. — Не слишком ли ты испытываешь честность человека, Уильям, который, может быть, еще зол на тебя?

Рафтен усмехнулся.

— Я не ростовщик и не грудной младенец! — сказал он. — Я ему одолжу эти деньги, — и Рафтен вынул пачку фальшивых кредиток, которые ему, как судье, были отданы на временное хранение. — Тут, правда, пятьсот или шестьсот долларов. Ну, ему, может быть, хватит.

На следующий день старик пошел к своему дому, как он говорил, то есть к дому Пога, и постучал в дверь.

— Добрый день, — сказала Сариина, не утратившая еще добрых чувств к отцу.

— Чего тебе надо здесь? — грубо крикнул Дик. — Будь доволен, что живешь на нашей земле. Нечего сюда бегать день и ночь.

— Слушай, Дик, ты забыл...

— «Забыл!» Я ничего не забыл, — возразил Дик, перебивая жену. — Он должен был помогать мне на ферме, а ничего делать не хочет, да и думает еще жить на моей шее!

— Я вас не долго буду мучить, — с грустью сказал Калев, проковыляв к стулу. Старик был бледен и казался очень больным.

— Что с тобой, отец?

— Дела мои плохи. Долго не протяну. Скоро уже и конец.

— Велика потеря! — буркнул Дик.

— Я... я отдал вам свою ферму и все, что у меня есть...

— Молчи, надоело слушать!

— Все или почти все... Я... только не говорил о деньгах... Я немножко скопил... Я... Я... — И старик задрожал. — Я так озяб!..

— Дик, разведи огонь, — сказала Сариянна.

— Совсем подохнем от жары! Не буду.

— Деньги небольшие, — продолжал старик, — всего пол... полторы тысячи долларов. Вот они, со мной, — и он вытащил пухлую пачку банкнотов.

У Дика глаза готовы были выскочить из орбит, а Калев, словно невзначай выставил из кармана белую ручку револьвера.

— Ах, отец! — воскликнула Сариянна. — Ты болен! Дик, разведи сейчас же огонь.

Дик засуетился, и через минуту в камине пылал яркий огонь. В комнате стало нестерпимо жарко.

— Вот, отец, — совсем другим голосом заговорил Дик, — немного виски и содовая. Может, пригнешь хины?

— Нет, мне лучше... Да, так я говорил, что мне осталось недолго жить на свете. Законных наследников у меня нет, и все сбережения перейдут правительству... Но я посоветовался с адвокатом... И он сказал, что одно словечко только добавить в дарственной записи на ферму... и деньги будут... ваши. — Старик дрожал с головы до ног и временами глухо кашлял.

— Послать за доктором, отец? — спросила Сарианна.

— Правда, может позвать? — нехотя откликнулся Дик.

— Нет, ничего. Я обойдусь. У вас здесь дарственная?

— Она у Дика в ящике.

Дик побежал за документом.

Старик дрожащей рукой перебирал банкноты, словно пересчитывал их.

— Верно, полторы тысячи, — сказал он, когда Пог появился с бумагой в руках. — У вас найдется перо?

Дик пошел искать пузырек чернил. Рука Калеба сильно дрожала, когда он взял дарственную записку. Он посмотрел на нее — да, это была та самая бумага, что сделала его нищим. Кaleb быстро оглянулся. Дик и Сарианна были в другом конце комнаты. Старик встал, сделал шаг вперед, и документ полетел в огонь. Держа револьвер в правой руке, а кочергу в левой, Кaleb стоял прямо и твердо. Слабость его как рукой сняло.

— Назад! — резко скомандовал он, когда Дик хотел кинуться к камину.

В несколько секунд документ сторел, а с ним исчезли и все права Пога на ферму.

— Ну, — галос Калеба гремел, — убирайтесь из моего дома! Вон! И не вздумайте прихватить что-нибудь с собой.

Затем Калев громко крикнул: «Сюда!» — и три раза стукнул по столу. Снаружи слышались шаги. В дом вошел Рафтен в сопровождении троих мужчин.

— Судья Рафтен, именем закона прикажите этим людям оставить мой дом!

Калев дал Погу несколько минут, чтобы собрать одежду. Некоторое время спустя Пог с женой покинули ферму.

Снова Калев стал владельцем своей фермы. Рафтен поздравил старика, а потом напомнил про деньги. Старик поспешно вытащил пачку.

— Вот они, Билл! Я, правда, и не сосчитал их. Большое спасибо, старина! Если тебе когда-нибудь понадобится помощь, помни обо мне.

Рафтен улыбнулся, пересчитал деньги и сказал:

— Все в порядке.

А через неделю к старому охотнику вернулась дочь, Саринна. Пог исчез. Беспальный бродяга тоже больше не появлялся, и кражи в округе прекратились.

XXVII

Вражеское племя

В честь радостного события Калев устроил веселый ужин. На него собрались всей семьей Рафтен, Бернсы и семья Бойла. Племя было в центре внимания. Калев отлично понимал, что эта встреча произошла благодаря индейцам.

Здесь Ян впервые увидел четырех мальчиков: своего сверстника смуглого, живого Весли Бойла, его брата Питера, веснушчатого толстяка лет двенадцати, их двоюродного брата Чарльза Бойла и Сайруса Дигби, городского мальчика, приехавшего к родным на лето.

Всем им очень понравилась жизнь, которую вели сэнгерские индейцы, и они тут же решили образовать новое племя. Так как большинство носило фамилию Бойлов и поселилось племя в лесах Бойла, они назвали себя бойлерами.

Вождем племени стал Весли. За крючковатый нос, темные волосы и карие глаза его прозвали «Черным Ястребом». Городского паренька, большого задаваку и бездельника, звали «Голубой Сойкой». Питер Бойл стал «Чижиком», а Чарлз за свой необычный смех и торчащие вперед зубы — «Красной Белкой».

Бойлеры постарались устроить свой лагерь так же, как и сэнгерские индейцы. С первого дня между племенами вспыхнула смертельная вражда. Сэнгерцы считали себя опытными лесными жителями. Бойлеры полагали, что знают столько же и даже еще больше, к тому же их племя было многочисленнее сэнгерцев. Вскоре начались сражения. Первая битва была на кулаках и кончилась вничью. Потом состоялся поединок вождей, и победителем вышел Черный Ястреб, который получил скальп Дятла.

Бойлеры неистовствовали от радости. Они хотели даже захватить лагерь сэнгерцев, но эта попытка потерпела неудачу. Вскоре Гай победил Чарлза и завладел его скальпом. Вслед за этим Маленький Бобр послал вызов Черному Ястребу, который с насмешкой принял его. И снова победителем вышел Черный Ястреб.

У себя в городе Ян считался робким, застенчивым мальчиком. Жизнь в Сэнгере сильно изменила его. Уважение главы дома внушило Яну некоторую уверенность в себе, а жизнь в лесу сделала самостоятельным, влила бодрость и силу. Когда на следующий день после поражения Ян снова вызвал Черного Ястреба, все очень удивились. Действи-

тельно, Яну пришлось сделать над собой огромное усилие, потому что одно дело вызывать на бой того, кого непременно поколотишь, и совсем другое, когда хочешь вступить в бой с тем, от кого накануне потерпел поражение.

Ян заметил, что Черный Ястреб был левшой, и решил использовать это. Каждый удивлялся отваге Яна, но все пришли в настоящее восхищение, когда Маленький Бобр одержал блестящую победу.

Воодушевленные сэнгерцы перешли в наступление и прогнали врагов со своего поля, а Сэм и Ян захватили по скальпу.

Вечером в честь победы сэнгерцы держали совет и устроили пляску со скальпами вокруг костра. На праздник они пригласили и Калеба.

После плясок Вождь Бобр с лицом, размалеванным по индейскому обычаю, чтобы скрыть синяк, произнес речь. Он говорил, что бойлеры непременно будут искать подкрепления и снова начнут войну и поэтому сэнгерцам необходимо увеличить свое племя.

— Да я этого Чарлза когда хочешь положу на обе лопатки! — расхвастался Гай и бросил вражеский скальп на землю.

— Я б на вашем месте, мальчики, — сказал Калеб, — заключил мир. Раз вы победили, то и должны начать переговоры.

Через несколько дней оба племени в полной боевой татуировке встретились за дружеской беседой.

Вождь Дятел обратился к бойлерам:

— Слушайте, ребята... я хотел сказать — Братья Вожди! Ссориться — последнее дело! Давайте лучше устроим одно племя.

— Это можно! — сказал Черный Ястреб. — Только племя будет называться «бойлеры», потому что нас больше, а вождем останусь я.

— Нет, — сказал Дятел, — наш лагерь лучше и живем мы в лесу дольше вас, значит, мы — старейшее племя.

Но главным козырем сэнгерцев была запруда, и она решила все: бойлеры присоединились к сэнгерцам, а вопрос о названии племени решил Маленький Бобр.

— Воины бойлеры! — сказал он. — У индейцев есть обычай делить племя на кланы. Мы — сэнгерский клан, а вы — клан бойлеров. Но раз мы все живем в Сэнгере, то и должны зваться сэнгерскими индейцами.

— А кто будет Главным Вождем?

Черный Ястреб и не думал подчиняться Дятлу, которого он победил, а Великий Дятел не хотел вождя из другого племени.

Кто-то предложил, чтобы вождем стал Маленький Бобр, но тот отказался, не желая обидеть своего друга.

— Подождите несколько дней, — сказал Калеб, — пока хорошенько не узнаете друг друга.

Теперь все дни племя проводило в лагере. Бойлеры строили себе типи, устраивали постели, сэнгерцы помогали им, и было шумно, как будто трудился пчелиный рой.

XXVIII

Новые игры

Черный Ястреб придумал игру «в догадки».

— Сколько шагов отсюда до той сосны? — спрашивал, например, он.

И воины писали каждый свое, а потом измеряли расстояние. В этой игре большей частью побеждал Черный Ястреб или Дятел. Гай по-прежнему

держал первенство по остроте зрения. Каждый раз, когда ребята хотели устроить новую игру, он предлагал такую, в которой мог бы показать свою зоркость.

Ян, по примеру Черного Ястреба, тоже предложил новую игру.

— Определи рост собаки по ее следу, — сказал он как-то.

— Да это никто не сможет, — недоверчиво возразил Черный Ястреб.

— Ошибаешься, я могу, — сказал Ян. — Измерь длину следа передней лапы и помножь на восемь, вот и будет рост собаки до ее плеча.

— И ты думаешь, это для любой породы? — с сомнением спросил Сэм.

— Вес собаки, — продолжал Ян, — тоже можно определить по ее следам. Помножь ширину следа передней лапы на его длину, а потом это число помножь на пять, получишь приблизительный вес. Я испробовал на старом Кэпе. Его лапа три с половиной дюйма на три, это равняется десяти с половиной; помноженное на пять, дает пятьдесят два с половиной фунта.

— Я видел одну собаку на выставке, и, по моему, к ней твое правило не подходит, — сказал Сэм. — Она была длинной в две моих руки, лапы широченные, как у медвежонка, а росточком — не выше кирпича.

— Ты про таксу говоришь, — сказал Ян. — Но это исключение. А для диких зверей — лисы, волка — такое правило годится... Высоту дерева по его тени сможешь определить? — снова спросил Ян.

— Никогда не думал об этом...

— Надо дожидаться, когда твоя тень сравняется с ростом, это бывает в восемь утра или в четыре пополудни. Вот тогда измерь длину тени дерева и получишь его высоту.

— Этак надо весь день ждать! Потом, в лесу не у каждого дерева видна тень. Кроме того, что же делать, когда пасмурно? — возразил Черный Ястреб. — Я бы определил на глаз.

— Ставлю свой скальп против твоего, что определю высоту вон того дерева точнее, чем ты! — сказал Маленький Бобр.

— Нет, скальп я не буду ставить, а вот кто проиграет, тому мыть посуду.

— Идет.

— Лучше брать до той ветки. Ведь на макушку не влезешь, чтобы проверить, — сказал Черный Ястреб. — Ты суди, Дятел.

— Нет, я тоже хочу попробовать! Второй будет мыть посуду в следующую очередь.

Черный Ястреб внимательно осмотрел ствол и записал: тридцать восемь футов.

— Ястреб, — сказал Сэм, — около дерева надо вбить колышек, чтобы мерить от определенного места. Земля-то ведь неровная.

Черный Ястреб пошел вбивать колышек и тем самым помог Дятлу — теперь у Дятла было с чем сравнивать. Он знал, что Черный Ястреб ростом чуть больше пяти футов. И Сэм написал: тридцать пять.

Теперь пришла очередь Яна. Ян отошел от дерева и воткнул в землю шест в десять футов длинной. Затем лег на землю так, чтобы его глаз был на одной линии с верхушкой шеста и веткой. Конец этой линии он отметил колышком.

Ян измерил расстояние от этого колышка до шеста: оно равнялось тридцати одному футу, а от колышка до основания дерева — восьмидесяти семи; тогда он составил уравнение: цифра тридцать один (расстояние от колышка до шеста) относится к десяти, то есть высоте шеста, как восьмидесять семь (расстояние от колышка до дерева) — к вы-

соте дерева. Вышло: высота дерева равнялась двадцати восьми футам.

Один из бойлеров влез на дерево и веревкой измерил высоту. Оказалось двадцать девять футов. Победителем стал Ян.

Индейцы присудили Маленькому Бобру «ку» за его знания. Но Рафтен, услышав об этом, воскликнул:

— Послушайте! Это же великолепно, что он делает!

И он не успокоился до тех пор, пока Ян не получил «гран ку».

— Бобр, — сказал Дятел, — если передняя лапа собаки три с половиной дюйма ширины на три длины, то какого цвета у нее кончик хвоста?

— Белый, — быстро ответил Ян. — Собака с такой лапой скорее всего охотничья, а у нее кончик хвоста белый.

— Ну, и не отгадал! У той собаки, про которую я говорю, хвост отрубили еще в детстве.

XXIX

Дальнее болото

Жизнь в племени была далеко не мирной. Черный Ястреб никак не мог свыкнуться с мыслью, что слабенький мальчик, который был к тому же еще и моложе, поборол его. Ему не терпелось скорее заново вступить в бой. Ян с каждым днем набирался сил. Он стал быстрым и гибким. В первом кулачном бою он потерпел поражение, но в следующий раз уложил воина из вражеского племени на лопатки.

Черный Ястреб был недоволен, но не выразил никакого желания снова выйти на бой с Бобром.

Через несколько дней после перемирия Черный Ястреб предложил Бобру дружеское состязание на скальпы.

— Без кулаков! — потребовал Бобр.

И через секунду рослый противник валялся на земле.

— Если кто из бойлеров хочет попробовать, я к его услугам! — сказал Ян, немного запыхавшись и помахивая вторым скальпом, отвоеванным у Черного Ястреба.

К его удивлению, Голубая Сойка припал вызов, и удивление Яна возросло еще больше, когда он очутился на земле.

Теперь Ян знал, что у него есть равный соперник. Произошла еще одна битва между Бобром и Сойкой, и на этот раз победу одержал Бобр.

Все это не решало вопроса о Старшем Вожде племени. Когда Калев узнал, что поединки продолжаются, он сказал:

— Мальчики, если вы никак не решите, кому быть Вождем, устройте выборы.

Маленький Бобр отказался выставлять свою кандидатуру. Дятел получил три голоса. Черный Ястреб — четыре, а Гай — один (свой собственный). Сэнгерцы снова не согласились.

— Давайте решим этот вопрос после трудного похода, — предложил Маленький Бобр, надеясь поддержать этим своего друга Дятла, — тогда станет ясно, кто заслуживает быть Старшим Вождем.

Калев обещал повести их в трехдневный поход на Лонг-Суомп — Дальнее Болото.

Эта дикая пустошь тянулась миль на тридцать. Местами была топь, а кое-где островками высились скалистые холмы. Их покрывали бесплодная земля и лес, почти уничтоженный недавним пожаром.

Говорили, что на скалах встречали оленей и рысей. Зимой попадались волки. Селились там лисы, куропатки и зайцы. В речках водились бобры и выдры. Летом здесь можно было пройти только по еле различимым вырубкам, превращавшимся лишь зимой в надежные дороги. Туда Калёб собирался повести мальчиков.

Наконец-то они уходили в настоящий «индейский поход» — открывать неизвестное, где, вероятно, их ждали всякие приключения!

На рассвете Маленький Бобр ударил в барабан. Высокий и чистый звук его предвещал хороший день.

В семь утра они вышли из лагеря и через три часа достигли Дальнего Болота. Началась холмистая местность, всюду торчали обугленные стволы и пни, среди которых появилась нежная поросль тополей и осин.

Индейцы с удовольствием остановились бы здесь, но Калёб сказал:

— Нет, пойдем дальше. Нужно найти воду.

Через милю они подошли к болоту, и Калёб крикнул:

— Привал!

Каждый занялся своим делом. Сэм собрал хворост для костра, Ястреб с Голубой Сойкой отправились на поиски воды.

Бобр немного огорчился, когда старый охотник разжег костер спичками. Мальчику хотелось, чтобы все было как у настоящих индейцев, но старик заметил:

— Когда живешь в лесу, надо на всякий случай иметь трут, но спички удобнее.

Черный Ястреб и Сойка вернулись с двумя ведрами грязной болотной воды.

— Там другой нет, — объяснили они в свою защиту.

— Покажи-ка им, Ян, — сказал Калев, — как добыть хорошей воды.

Второй Сэнгерский Вождь, помня наставления охотника, взял топор, быстро вытесал деревянную лопату и, отойдя от края болота шагов на двадцать, начал рыть ямку. Так бойлеры научились добывать чистую воду из любой лужи.

После ужина Калев предложил свой план:

— Бродить просто так — дело бесплодное. Надо всегда знать, куда и зачем вы идете. Если вы ищете приключений — идите без провожатых. Восьмерым отправляться вместе ни к чему: своим шумом вы только распугаете зверей и ничего не увидите. Лучше разделиться. Я останусь в лагере и приготовлю все для ночлега.

Сэму выпало идти с Гаем, а Яну — с Чижигом. Весли должен был опекать младшего братишку Чарлза. Сойка, очутившись без пары, решил остаться с Калевом, чему втайне был рад, так как знал, что дорог на болоте нет.

— К северо-западу отсюда, — сказал Калев, — течет река Бобровая, которая впадает в Черную реку. Пусть кто-нибудь идет туда. Реку узнать нетрудно, она шириной в тридцать или сорок футов, и здесь это единственная большая река. Прямо к северу — равнина с маленьким ручейком, около которого, говорят, живут индейцы. Где-то к северо-востоку, по слухам, стоит сосновый бор, не тронутый огнем, и там видели оленей. Все эти места лежат милях в десяти отсюда, и, может, только индейский лагерь находится немного подальше. Вы пойдете на разведку, а вернувшись, расскажете, что видели. Киньте жребий, кому куда идти.

Яну досталось разыскать сосновый бор. Он, конечно, хотел бы пойти к индейцам, но это выпало Весли. Сэму надо было идти к реке. На прощание Калев дал каждому по коробке спичек и сказал:

— Буду ждать вас здесь. Я разожгу костер и к заходу солнца подкину в огонь гнилушек, чтобы вы издали смогли заметить дым. А теперь вот что я вам скажу. Определять дорогу надо по солнцу. Не старайтесь запомнить, где вы прошли, — это невозможно. Если кто из вас заблудится, разожгите два дымовых костра и ждите. Мы придем за вами.

Около одиннадцати часов мальчики отправились в путь. Перед уходом Черный Ястреб сказал:

— Кто первый выполнит свое поручение, получит «гран ку»!

— Пусть три вождя оставят свои скальпы, — предложил Дятел. — Их получит победитель.

— Послушайте, мальчики, — сказал Калев, — возьмите с собой одеяла. — Может быть, вам придется заночевать.

Ян предпочел бы идти вместе с Сэмом, но делать было нечего. К тому же Чижик оказался славным пареньком, только очень уж медлительным.

Ян и Чижик скоро оставили за собой холмы и подошли к болоту, кое-где поросшему отдельными деревьями. Пространство между ними заросло мхом, усеянным болотными цветами мухоловками, которые лепестками ловили себе добычу. Дорога делалась все труднее. Мальчики по колено проваливались в мягкий мох, под которым была вода, и скоро у них промокли ноги. Ян вырезал себе и Чижик по большому шесту, чтобы спокойнее идти на глубоких местах. Пройдя так две мили, Чижик захотел вернуться домой, но Маленький Бобр только высмеял его.

Вскоре они наткнулись на ручеек, по берегам которого скопилась странная желто-красная пена. Ручей был глубокий. Нащупать шестом дно не удалось, и Ян отказался от мысли перейти ручей вброд. Мальчики двинулись дальше, пока не уви-

дали дерево, которое, словно мостик, соединяло оба берега. Так миновали болотистую местность. Они по-прежнему шли на северо-запад. Солнце сильно пекло, Чижику очень хотелось пить, и он утолял жажду из каждой ямки, где только сочилась вода.

— Послушай, ты заболеешь, — говорил ему Ян: — эту воду можно пить только кипяченой.

Но Чирик не слушал товарища. После двухчасового похода силы его иссякли, и он хотел повернуть назад. Ян отыскал сухой островок и собрался разжечь костер, но тут выяснилось, что, пока они пробирались по болоту, все спички отсырели. Это очень огорчило Чирика.

— погоди, — успокоил его Ян, — сейчас я тебе покажу, как поступают индейцы.

Маленький Бобр вырезал из сухой пихты две зажигательные палочки, и скоро перед мальчиками запылал костер. Чирик удивился: ведь ему никогда прежде не приходилось видеть, как добывают огонь трением.

Напившись чаю и закусив немного, Пит почувствовал себя лучше.

— Мы прошли миль шесть, — сказал Бобр, — и теперь, я думаю, скоро увидим лес, если он вообще тут есть.

Мальчики снова двинулись вперед через болота и выжженный лес.

Спустя час они подошли к островку, на котором выросло дерево с ветвями до самой земли. Ян взобрался на верхушку. На сколько хватало глаз, тянулись болота, кое-где поднимались холмы с обугленными стволами, а вдалеке темнела зеленая чаща. Это, видно, и был тот сосновый бор, к которому держали путь индейцы.

— Эй, Чирик! — крикнул Ян. — Посмотрел бы ты отсюда! Как красиво!

— Я бы хотел увидеть наш лагерь, — буркнул Пит.

Ян спустился с сияющим лицом.

— Теперь уже близко!

— Сколько еще идти?

— Самое большее мили две.

— Это ты твердишь всю дорогу!

— Но я видел лес! И реку. Скоро уже!

Через полчаса они подошли к реке. Глубокая, прозрачная, она медленно катила свои воды. По берегам росли ивы, а на воде покоились бесчисленные кувшинки.

Вдруг откуда-то донеслось знакомое: «Кряк!» Ян схватил лук и бросился к камышам в небольшом заливе. Тут он увидел трех диких уток. Ян послал стрелу: две птицы улетели, одна осталась на воде. Палкой Ян вытянул утку на берег.

Пит сидел чернее тучи, но, увидав Яна с добычей, повеселел.

Еще один переход, и мальчики вошли в сухой сосновый бор.

— Мы победили! — радовался Ян. — Теперь можно возвращаться!

— У меня ноги не идут, — сказал Пит, — давай отдохнем хоть немного.

— Сейчас четыре, — сказал Ян, взглянув на часы. — По-моему, нам лучше заночевать здесь.

— Нет, нет! — запротестовал Пит. — Я хочу домой! Похоже, дождь будет.

Собирались тучи, но Ян все-таки уговорил Чижика немного задержаться и поесть. Ему хотелось остаться на ночлег, и он нарочно делал все очень медленно. Едва Ян разжег костер, как хлынул ливень. Когда дождь кончился, они развесили вокруг огня свою мокрую одежду. Так мальчики и заночевали в лесу, и Чижик впервые спал на мягкой подстилке из еловых веток.

На рассвете Ян вскипятил чай. Еды оставалось мало, и Ян решил зажарить утку по индейскому способу: выщипав перья, он закатал ее в сырую глину и засунул под горящие уголья. Через полчаса, когда Ян открыл свой глиняный пирог, утка оказалась подгоревшей с одного бока и сырой — с другого. Но кое-что можно было есть, и Ян позвал Чижика завтракать. Чижик был совсем больной. Он простудился, и вдобавок сказывалось вчерашнее питье болотной воды. Немного поев и выпив горячего чаю, он почувствовал себя лучше, но идти, конечно, не мог.

И тут впервые Яну стало страшно. Чем можно помочь заболевшему товарищу? Ведь до лагеря больше двенадцати миль!

Ян срезал кору на сухом маленьком деревце и написал карандашом на древесине: «Здесь ночевали 10 августа 18.. Ян Иомен и Пит Бойл».

Потом он устроил товарища поближе к огню, а сам полез на высокое дерево. На северо-западе, за небольшими желтоватыми холмами, Ян разглядел несколько крытых ветками хижин и типи. Из одной курился дымок. Это наверняка было индейское поселение, о котором говорил Калев. Ян быстро спустился с дерева и рассказал об этом Питу, но тот еле двигался. Было решено, что Ян отправится к индейцам один. Перед уходом он подложил в костер сырых веток, чтобы дым был далеко виден.

Через полчаса Ян подошел к двум бревенчатым хижинам и типи.

Собаки встретили Яна яростным лаем: пришлось отбиваться палкой. На шум из типи вышел индеец. Ян, как учил Калев, сделал несколько приветственных жестов. Потом, ткнув себя в грудь, поднял два пальца — это означало, что он не один. Указав в сторону соснового леса, Ян объяснил, что

там находится его больной товарищ и, стукнув себя по животу ребром ладони, дал понять, что он голоден. Индейский вождь вынес мальчику олений язык и занялся опять своим делом. Ян с благодарностью взял мясо, затем быстренько набросал у себя в тетради индейский лагерь и двинулся назад.

Пит сидел у костра, встревоженный долгим отсутствием товарища. Чувствовал он себя гораздо лучше. Через полчаса мальчики отправились в обратный путь, который проделали без особых приключений. В три часа над холмами показался дымок от костра Калеба, и к четырем они с радостными криками ввалились в лагерь.

Калев устроил салют из револьвера, а Турок встретил ребят громким лаем. Оказалось, что все остальные вернулись еще накануне вечером.

Сэм сказал, что они «прошли миль десять и нигде не видали реки». Гай клялся, что они покрыли не меньше сорока миль и что он теперь вообще не верит, что там есть какая-нибудь река.

— Что же вы видели по дороге? — спросил их Ян.

— Ничего, кроме сожженного леса и скал.

— Вы взяли слишком к западу, — определил Калев.

— Ну, расскажи ты, Черный Ястреб, что вы видели.

— Если Ястребиный Глаз прошел сорок миль, — начал вождь бойлеров, — то мы — все шестьдесят! Но, кроме болота и сторевшего леса, там ничего нет. От индейского лагеря и следа не нашли. Я думаю, там никто не живет.

— А песчаные холмы видали? — спросил Ян.

— Нет.

— Ну, значит вы не дошли еще несколько миль до индейцев.

Маленький Бобр рассказал свою историю, вели-

кодушно умолчав о том, как вел себя в путешествии Чижик. А Чижик, захлебываясь от восторга, расписывал познания Яна и особенно подробно рассказал, как Ян во время дождя добыл палочками огонь.

Когда все кончили, Калёб сказал:

— Ян победил трижды, потому что нашел сосновый лес, который сам искал, потом — реку, которую искал Дятел, и еще индейцев, на поиски которых отправился Весли. Сэм и Весли, передайте Яну свои скальпы!

XXX

Снова рысь

За ужином незаметно пролетело время. Мальчики хорошо отдохнули и к вечеру были готовы отправиться в новое путешествие.

— Здесь водятся еноты, мистер Кларк? — спросил Ян.

— По-моему, да. В лесу около владений Бидди Бэггса много следов, очень похожих на енотовые.

Места эти были неподалеку, и мальчикам не терпелось отправиться туда немедленно. Ночь стояла душная, безлунная. От комаров не было отбою. Турок бежал, усердно обнюхивая землю. Он напал на чей-то след и быстро скрылся из виду. Скоро издали послышался его лай.

— Енот? — нетерпеливо сказал Ян.

Калёб промолчал.

— Что там, мистер Кларк?

— Не знаю, что и думать, — медленно ответил старик. — Собака совсем терпение потеряла, лает как безумная. А на кого, понять не могу.

Когда охотники подошли ближе, они увидели,

что Турок стоит под деревом и яростно лает, задрал морду.

— Огня скорей! — торопил Дятел.

Через минуту у всех в руках пылали ветки. Раз или два охотникам удалось увидеть блестящие глаза зверя.

— Ну, кто полезет? — спросил Калев.

— Я! Я! — хором закричали все.

— Вы храбрые охотники, — сказал Калев, — только неизвестно, какой зверь там на дереве. Может, это крупный енот. Только почему-то собака лает, словно на кошку. А ведь в округе недавно убили пуму. Зверь забрался на дерево, но это еще не значит, что он боится собаки. По тому, как лает Турок, я думаю, здесь вас может ждать опасность. Кто же все-таки полезет?

Все смолкли. Потом Ян сказал:

— Я попробую, если вы дадите мне револьвер.

— Так и я пойду! — тут же вызвался Весли.

— Бросим жребий.

Лезть на дерево выпало Яну. Теперь не было слышно шуток, как прежде, когда он шел на енота. Ян чувствовал напряженное молчание, и ему становилось все страшнее. Страх этот усилился, когда Ян забрался на большую липу, густая крона которой заслонила от него лица товарищей.

Ему хотелось повернуть назад, и, чтобы оправдать свое отступление, он уже собрался крикнуть: «Нет здесь никакого енота!» Но голос не повиновался ему.

— Эй, что там? — спросил кто-то снизу.

Ян не успел ответить, ему показалось, что где-то рядом ворчит енот. Мальчик даже перегнулся вниз и крикнул:

— Нашел!

В этот миг совсем близко кто-то яростно зарычал, и Ян увидел огромного зверя, который прыг-

нул на ветку ниже той, где сидел Ян. Квадратная морда, щетинистая, в полосках, — точно такую он видел когда-то в Гленьяне.

В страхе Ян выхватил револьвер, выстрелил и промахнулся.

— Рысь! — В голосе Яна послышался ужас.

— Не подпускай ее близко! — громко закричал Калев.

Ян, собрав все свое мужество, снова выстрелил. Раненый зверь бросился на мальчика и вцепился ему в руку. Ян пытался перехватить револьвер левой рукой, но выронил его, наткнувшись на щетинистую шкуру зверя. Теперь Ян был беззащитен. Но раненый зверь вдруг выпустил руку Яна, стараясь удержаться на суку, и рухнул на землю. От радости Ян чуть было не потерял сознание.

— Где револьвер? — как сквозь сон, донесся до него голос Весли.

— Я давно уронил его! — ответил Ян.

— Куда?

Ян, не отвечая, спустился с дерева. Между тем рысь успела убежать и скрылась бы, но Турок не дал ей снова забраться на дерево.

Сэм отыскал в траве револьвер. Калев схватил его, но Ян тихо сказал:

— Дайте мне! Я сам должен прикончить ее.

Раздался выстрел, потом другой, и индейцы огласили лес радостными криками. Только Маленький Бобр молчал. Калев и Сэм поспешили к нему.

— Что с тобой, Ян?

Калев взял его за руку. Она была мокрая.

— Смотрите — кровь!

— Да... она меня цапнула... там, на дереве...

Я думал, что мне уже конец.

Все обступили Яна.

— Надо отвести его к воде!

— Наверное, колодец в лагере ближе всего.

Калеб и Сэм вели Яна, а остальные тащили рысь. По дороге ему стало легче, и он рассказал, как все произошло.

— Ух! Я б, наверное, до смерти испугался! — сказал Сэм.

— И я тоже, — сказал Калеб, к удивлению всего племени. — Один на один с раненым зверем, без оружия! Тут уж дела плохи!

— А я ведь и сам ужасно испугался! — честно признался Ян.

На привале догорал костер. Холодная вода была рядом, и Яну обмыли руку. Ему было чуточку страшно смотреть на свою рану и пропитанный кровью рукав. Но восторженные возгласы товарищей звучали для него как музыка. Потом все долго сидели у костра, и Калеб сказал:

— Я знал! Давно знал, что ты молодец!

XXXI

Возвращение

Серое утро снова предвещало дождь, и индейцы боялись, что им придется с тяжелой ношей возвращаться домой по грязи, но Калеб неожиданно обрадовал их.

— Я неподалеку встретил своего приятеля с фургоном, — сказал старый охотник. — Он обещал отвезти вас в лагерь.

Не прошло и часу, как они очутились снова в своем старом милом лагере у запруды.

Дождь кончился, и Калеб, уходя домой, сказал:

— Слушайте, ребята! Пора выбрать Главного Вождя. По-моему, сейчас самое время. Я приду завтра, часа в четыре, и расскажу, как это делают индейцы.

В ту ночь Ян и Сэм ночевали в типи одни. Ян с гордостью поглядывал на забинтованную руку, с просочившимися пятнышками крови. Боли он не чувствовал. И вообще, все кончилось благополучно благодаря толстой рубашке. Ян спал, как обычно, и проснулся далеко за полночь с чувством какого-то удивительного счастья.

Вся его жизнь вдруг ясно предстала перед ним. Он вспомнил отца, который слепо стремился подавить в его сердце любовь к природе.

Потом подумал о Рафтене, человеке шумном, грубом на вид, но с добрым сердцем и светлой головой. Фермер, может быть, и проигрывал в сравнении с отцом, и все-таки Яну вдруг захотелось, чтобы отцом его был Рафтен. Ведь Рафтен не считал пустяком любовь Яна к лесу и животным, а наоборот, еще больше укрепил в нем это чувство.

Вспомнился Яну и родной город. Он знал, что не дольше чем через год ему придется вернуться домой, и он знал также, что ему никогда не осуществить своей заветной мечты — стать зоологом, потому что отец обещал при первой возможности отдать его в лавку. В душе Яна снова вспыхнул протест. Может, остаться навсегда у Рафтенев?

Забрав его из школы и отослав на ферму, отец, очевидно, надеялся погасить у сына рвение к знаниям. Однако все получилось наоборот — желание отдать себя любимому делу еще сильнее овладело Яном.

Пусть будет так! Он вернется домой и станет мальчиком на посылках или еще кем-нибудь, чтобы зарабатывать себе на жизнь, его это не страшит. Но в свободные часы он будет заниматься тем, что целиком поглощает его мысли. Он будет натуралистом. Жизнь в лесу показала ему, что мир зверей и птиц — его мир, который он понимал и любил.

Сомнения Яна рассеялись, и снова он чувствовал себя счастливым.

Снаружи послышался шорох. Дверь типа открылась, и вошел какой-то большой зверь. В другой раз Яна это бы и напугало, но теперь он еще находился во власти своих дум. Зверь подошел к постели мальчика, лизнул ему руку и улегся рядом, на земле. Это был Турок. Впервые старый пес искал ласки не у Калеба.

XXXII

Новый Главный Вождь

Кaleb целый день был занят, но никто не знал, чем. Он и Сарянна хлопотали не покладая рук. Потом Кaleb зашел к миссис Рафтен, и та тоже погрузилась в какие-то таинственные хлопоты. Гай слетал к своей матери, и скоро вся округа превратилась в шумный улей.

В Сэнгере всякие сборища играли такую же роль, как клуб и театр в большом городе. Независимо, по какому случаю они устраивались — крестины, свадьба или похороны, возвращение, отъезд, постройка дома или покупка новой упряжи, — все служило благовидным предлогом, и поэтому пустить в ход эту карусель оказалось совсем не трудно.

Вечером к лагерю потянулись три шествия: одно составляло семейство Бернсов, другое — Рафтены всей семьей и последнее — Кaleb, Сарянна и многочисленные Бойлы. Все несли какие-то свертки.

Гостей усадили на мягкой траве у запруды. Командовали Кaleb и Сэм.

Праздник начался состязанием в беге. Победил

Ян, несмотря на раненую руку, вторым был Весли. В «охоте на оленя» Ян участия не принимал. Потом Рафтен настоял, чтобы Ян показал, как он точно и быстро считает. Мальчику пришлось уступить, и Рафтен был в полном восторге.

— Вот что значит образование, Сэм! — громко сказал он. — Когда же ты сможешь так считать? Молодчина, Ян! Я принес тебе кое-что в подарок!

Рафтен вытащил из кошелька пять долларов и сказал:

— Община награждает тебя за убитую рысь. А если окажется, что это она таскала моих ягнят, я прибавлю еще.

Потом индейцы удалились в типи. Калеп тем временем воткнул в землю высокий шест, на котором был укреплен деревянный щит, обтянутый кожей, и прикрыл его мешковиной.

Гости уселись вокруг шеста, около которого с одной стороны лежали шкуры убитых Яном зверей и два чучела сов.

Раздался барабанный бой, и, оглашая лес воинственными криками, из типи выскочили сэнгерские индейцы в полной боевой раскраске. Они исполнили военный танец под барабан, в который бил Черный Ястреб. Индейцы сделали три круга у шеста, и барабан смолк. Когда все стихло, Великий Дятел встал и произнес речь:

— Великие Вожди! Младшие Вожди! Воины сэнгерских индейцев! Произошли события, которые лишили нашего племени ее Великого Вождя. Никогда больше племя не будет иметь ему равного, но сегодня мы собрались здесь, чтобы выбрать нового вождя.

Громкие крики «Хау! Хау!» и барабанный бой.

— Конечно, у каждого из нас свои достоинства. Но кто в этом племени лучший бегун? Маленький Бобр!

«Хау! Хау! Хау!» и барабанный бой.

— Это мой барабан, мама, — шепнул Гай, забыв хлопнуть в ладоши.

— Кто лучший следопыт, кто быстрее всех влезает на деревья? Бобр! Кто выдержал испытание смелости на могиле Гарни? Бобр! Кто убил сову выстрелом в сердце, сразился один на один с рысью, не говоря уж про енота? Бобр! Кто может побороть каждого из нас? Бобр!

— А я могу всегда осилить Чарлза! — буркнул Гай.

— У кого из нас больше всего «гран ку» и скальпов? У Бобра!

— Ты позабыл сказать про ученость, — вставил Рафтен.

— У кого больше всех скальпов? — свирепо повторил Сэм. — Вот один, добытый им в борьбе с врагом! — И Дятел передал скальп Калэбу, который укрепил его на щите.

— Этот скальп он получил в битве с Главным Вождем вражеского племени. — И Калэб прикрепил еще один скальп к щиту.

Так Дятел передал шесть скальпов.

— Больше всех побеждал Бобр. А как он рисует, пишет стихи, готовит еду! Только он, Маленький Бобр, достоин быть нашим вождем! Что скажут остальные?

И тут все закричали:

— Слава Маленькому Бобру!

«Хау! Хау! Хау! Бум! Бум! Бум!»

Калэб снял мешковину, покрывавшую шест, и все увидели, что на щите нарисован большой бизон, герб Сэнгера, а над ним — бобр, тотем их нового вождя. Калэб развернул сверток, лежавший подле шеста, и вынул индейскую военную куртку из кожи, краги и мокасины, расшитые бусами и украшенные рисунками. Все это сделала Саряанна

под руководством Калеба. Новый вождь облачился в эти одежды и великолепный головной убор с перьями, присужденными за его последние подвиги. Гордый и счастливый он вышел вперед.

Калеб оглядел его с отеческой нежностью и сказал:

— Я знал, что ты молодчина, еще в ту ночь, когда ты ходил на могилу Гарни. И снова убедился в этом, когда ты прошел Дальнее Болото. Тебе, Ян, все под силу, что только может человек.

Ян хотел было что-то сказать в ответ, но от смущения не мог произнести ни слова, и Сэм пришел ему на помощь:

— Да здравствует Великий Военный Вождь! — крикнул он.

Когда крики и приветствия стихли, начался веселый пир. Рафтен, который очень гордился речью, произнесенной его сыном, громогласно поклялся сделать из него адвоката. Улучив минутку, когда смолкли разговоры, Рафтен сказал:

— Сегодня, ребята, кончились ваши каникулы. Завтра с утра пора и за работу!

Послесловие

Канадский писатель Эрнест Сетон-Томпсон издал первый сборник своих рассказов под общим названием «Животные, которых я знал» в самом конце прошлого века (1898). Сборник имел огромный успех и за короткое время вышел в нескольких изданиях. Книга открывала тогдашним читателям новый, совсем неведомый им мир.

До половины прошлого столетия большинство даже ученых людей считало, что животный мир существует сам по себе, а человечество само по себе. Людям казалась оскорбительной простая мысль о том, что человек и животные едины по своему происхождению. Только великий Дарвин доказал эту истину — и тем совершил переворот в человеческих умах.

До выхода в свет трудов Дарвина людям и в голову не могло прийти всерьез писать рассказы из жизни животных. Сетон-Томпсон первый в мире выступил с рассказами, где героями были настоящие звери и птицы. Изучению этих героев он посвятил свою жизнь — и хорошо знал их. Сетон-Томпсон не только знал, но отлично понимал и очень любил зверей и птиц. В автобиографии

(«Моя жизнь») он правильно говорит о своем первом сборнике:

«Нет сомнения, что эта книга положила начало новому, реалистическому направлению в литературе о животных. В ней впервые правдиво обрисовано поведение животных.

До сих пор были известны только басни, сказки о животных и такие рассказы, где животные разговаривают и ведут себя, словно люди, переодетые в шкуры зверей».

В этом огромная заслуга замечательного писателя, в этом и объяснение быстрого распространения его книг во всех странах мира.

Всегда интересно, почему и как человек становится известным во всем мире. Всегда интересна биография такого человека.

Эрнест Сетон-Томпсон родился в 1860 году в Англии. Но уже через шесть лет семья его переехала в Канаду. С этих лет он хорошо помнил себя. В первую же зиму Эрнест пошел в школу.

«Долго-долго тянулась эта зима, — вспоминает он. — В марте наконец пришел настоящий весенний день...

Маленькая птичка прилетела на тополь около нашего дома и тихо запела... Мне показалось, что я видел ее синюю спинку¹. Снова и снова пела она свою нежную песенку.

Не знаю почему, но я вдруг разрыдался. Я был взволнован этой песней до глубины души. С тех пор каждый год я ждал свою синюю птичку и с ней — весну».

Как знать, может быть, эта «синяя птица» и пробудила в нем то сильное чувство, которое сделало его всемирно известным писателем.

Он был талантливый мальчик. Учителя говоря-

¹ Синяя птица — символ счастья.

ли его родителям, что он самый способный мальчик в школе. В шесть лет он прочел первую строчку в газете и в том же году начал вырезать из дерева птиц и зверей.

Эрнест был не только способным, но и упорным мальчиком. Увидев в магазине книгу «Птицы Канады», он решил купить ее во что бы то ни стало. Книга стоила один доллар. Чтобы собрать эти деньги, Эрнест продал своих кроликов, перенес дрова для соседей, собрал насекомых для коллекции одной англичанки и целый месяц соревновался с братом в рубке дров, зарабатывая последние недостающие двадцать пять центов. И вот желанная книга в руках. «Я был на седьмом небе от счастья», — вспоминает Сетон-Томпсон и в повести «Маленькие дикари» с любовью рассказывает читателям об этих событиях своего детства.

Птицы и звери волновали его больше всего на свете, и чем больше он рос, тем сильнее. Ни отсутствие книг по естествознанию, ни суровый отец, который и слышать не хотел, чтобы хоть один из его десяти сыновей стал натуралистом, ни мучительные болезни — никакие препятствия не могли помешать ему пойти по той дороге, идти по которой звала его с детства неутолимая страсть разгадывать все тайны и загадки в жизни птиц и зверей, страсть рассказывать об этих тайнах людям и передавать красоту животных в рисунках и вырезаных из дерева фигурках.

Сетон-Томпсон вспоминает: «...Я пошел своей собственной тропой, не зная и не спрашивая никого, была ли это лучшая дорога. Я знал только одно: это была моя дорога».

И он добился своего: стал замечательным естествоиспытателем, писателем и художником. В Канаде он получил должность «государственного на-

туралиста», что дало ему возможность с головой отдаться изучению животных.

Сетон-Томпсоном написан ряд научных трудов по зоологии. За эти работы ему была присуждена высшая награда, присуждаемая в США за научные труды, — золотая медаль «Элиот».

В Америке Сетон-Томпсон с большим успехом читал свои рассказы перед широкой публикой. Одна за другой стали выходить его книги: «Жизнь гонимых», «Животные-герои», «Биография медведя», «Мустанг-иноходец» и другие.

Рисунки Сетона-Томпсона на полях книг похожи на зарисовки натуралиста, сделанные на полях рабочего дневника. Но рисунки эти передают не только внешний вид зверя или птицы, но и их характер, настроение и всегда — отношение к ним автора, полное любви и добродушного юмора.

Грэс Сетон-Томпсон, его жена-друг, принимала большое участие в литературной обработке его рассказов и оформлении их.

Конечно, то, что волнует нас в книгах Сетона-Томпсона, — лишь крошечная часть всего того, что пережил, наблюдал, зарисовал и разгадал автор. С детства он аккуратно вел дневник. К концу жизни у него скопилось пятьдесят толстых томов в кожаных переплетах — целая библиотека. «Книгопродавец, — улыбается Сетон-Томпсон, — не дал бы за них и ломаного гроша. А я не расстался бы с ними ни за какие миллионы. В них шестьдесят лет моей жизни, моих исканий».

Все это, так сказать, взгляд снаружи на работу, проделанную писателем в течение его долгой жизни (он умер в 1946 году). Но небывалый успех его рассказов и рисунков — у юных и взрослых читателей одинаково — объясняется прежде всего внутренними причинами: его могучей любовью к жизни и верой в нее. Он не боялся рисовать жизнь

лесов, гор, прерий такой, как она есть, со всеми ее жестокостями. Нередко его герои-животные погибают в конце рассказа. Но такова правда жизни, нельзя скрывать ее и от детей, если не хочешь превратить их в плаксивых хлюпиков. Все герои этого жизнелюбивого писателя настолько полнокровны, что, как ни трагична их смерть, она тонет в общем потоке могучей земной жизни и никогда не оставляет после себя ощущения глухого тупика. Это отлично чувствуют дети и, погрузившись о гибели любимца, сейчас же принимаются вспоминать его таким, каким он был в расцвете всех своих сил и способностей, делают его бессмертным героем своих игр.

Стараясь остановить, по возможности, бессмысленное и бесцельное истребление диких животных, Сетон-Томпсон организовал в Канаде «Лигу лесоведения», ставившую своей целью изучение молодежи родной природы и охрану животных.

«Я убежден, — говорит Сетон-Томпсон, — что каждое из этих животных представляет собой драгоценное наследие, которое мы не вправе уничтожать без крайней необходимости и не вправе отдавать на мучение нашим детям».

Полвека назад не было другого такого писателя, который так увлекал бы школьника любовью к животным, пробуждал бы страстный интерес к ним у миллионов читателей во всех странах.

И мы, люди двух разных поколений, составившие вместе эту статью о нем, сохраняем в душе глубокую сыновнюю благодарность к Сетону-Томпсону — певцу наших мохнатых и пернатых родственников. Много хороших чувств он пробудил у нас еще в детстве.

Виталий Бианки и Николай Сладков

***Таблица английских
мер длины***

Дюйм = ок. 2,5 см

Милля = 1609 м

Фут = ок. 30,5 см

Ярд = ок. 91 см

О Г Л А В Л Е Н И Е

Часть первая

Г Л Е Н Ъ Я Н

I. Ян	5
II. Весна	7
III. Братья Яна	8
IV. Книга	9
V. Незнакомец	10
VI. Гленьян	14
VII. Хижина	15
VIII. Знакомство с лесной жизнью	16
IX. Следы	18
X. Бидди	19
XI. Перелом	20
XII. Рысь	—

Часть вторая

С Э Н Г Е Р

I. Новый дом	23
II. Сэм	25
III. Вигвам	28
IV. Бабушка Невилль	36
V. Калеб	42
VI. Постройка типи	47
VII. Тихий вечер	49
VIII. Священный огонь	54
IX. Лук и стрелы	58
X. Плотина	64
XI. Тайны трав	69
XII. Угощение	73
XIII. Шпион	76
XIV. Ссора	84
XV. Примирение	89

Часть третья

В ЛЕСАХ

I. Здравствуй, лес!	95
II. Первая ночь и первое утро	99
III. Хромой воин и «книга посетителей»	103
IV. «Битва» с бледнолицыми	109
V. Охота на оленя	112
VI. Военная шапка, типы и подвиги	119
VII. Жизнь в лагере	125
VIII. Индийский барабан	128
IX. Кошка и куница	131
X. Семейство белок	133
XI. Как наблюдать обитателей леса	136
XII. Условные знаки индейцев	139
XIII. Как дубить кожи и шить мокасины	142
XIV. Размышления Калеба	147
XV. Гость	150
XVI. Как Ян узнавал уток издали	154
XVII. Подвиг Сама	157
XVIII. Сова	160
XIX. Испытание характера	161
XX. Белый револьвер	168
XXI. Гай торжествует	173
XXII. Охота на енота	179
XXIII. Лесной дух и ночной разбойник	186
XXIV. Ястребиный Глаз снова требует награды	194
XXV. Бродяга	199
XXVI. Отвоеванная ферма	204
XXVII. Вражеское племя	208
XXVIII. Новые игры	211
XXIX. Дальнее Болото	214
XXX. Снова рысь	223
XXXI. Возвращение	226
XXXII. Новый Главный Вождь	228
П о с л е с л о в и е. В. Бианки и Н. Сладков	232

Переплет и форзац Б. Титова

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы об этой книге присылать по адресу: Москва, Д-47, ул. Горького, 49. Дом детской книги.

Для восьмилетней школы

Э. Сетон-Томпсон

МАЛЕНЬКИЕ ДИКАРИ

Повесть

Ответственный редактор *Н. В. Шерешевская*. Консультант по художественному оформлению *П. И. Суворов*. Технический редактор *М. А. Кутузова*. Корректора *В. Л. Данилова* и *А. Б. Стрельник*.

Слано в набор 12/VIII 1960 г. Подписано к печати 10/XI 1960 г. Формат 60 X 92¹/₁₆ — 15 печ. л. (9,97 уч.-изд. л.). Тираж 150 000 экз.

Цена 4 руб. С 1/I 1961 г. — 40 коп.

Детгиз. Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика детской книги Детгиза. Москва, Суцевский вал, 49.
Заказ № 4049.

Цена 4 руб.

С 1/1 1961 г. — 40 коп.

Д. СЕТОН
ТОМАСОН

МАЛЕНЬКИЕ
ДИКАРИ

